

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Tomsk State University
Journal of Cultural Studies and Art History

2015

№ 2(18)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-44127 от 04 марта 2011 г.

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА.
КУЛЬТУРОЛОГИЯ
И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ»**

П.Л. Волк, д-р культурологии, начальник департамента по культуре и туризму Томской области; **Д.В. Галкин**, канд. филос. наук, доцент каф. теории и истории культуры Института искусств и культуры Томского государственного университета; **О.Л. Лаврик**, д-р пед. наук, проф., зам. директора Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН (Новосибирск); **А.А. Сунднева**, канд. ист. наук, доцент, зав. каф. музеологии факультета истории искусства Российского государственного гуманитарного университета (Москва); доктор **Марач Ласло**, доцент кафедры европейских исследований, гуманитарный факультет, университет Амстердама

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА.
КУЛЬТУРОЛОГИЯ
И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ»**

Э.И. Черняк, гл. редактор, д-р ист. наук, проф., зав. каф. музеологии, культурного и природного наследия, директор Института искусств и культуры; **К.А. Кузоро**, отв. секретарь, канд. ист. наук, доцент каф. библиотечно-информационной деятельности; **В.Е. Буденкова**, канд. филос. наук, доцент каф. теории и истории культуры; **Л.В. Булгакова**, канд. искусствоведения, доцент, зав. каф. инструментального исполнительства; **Н.А. Долгих**, канд. пед. наук, доцент, зав. каф. дизайна; **О.А. Жеравина**, канд. ист. наук, доцент, зав. каф. библиотечно-информационной деятельности; **Л.А. Коробейникова**, д-р филос. наук, проф., зав. каф. теории и истории культуры; **Т.С. Коробейникова**, зав. каф. изобразительного искусства; **И.Е. Максимова**, канд. ист. наук, доцент, зав. каф. этики, эстетики и культурологии; **В.В. Сотников**, проф., зав. каф. хорового дирижирования

EDITORIAL COUNCIL

P.L. Volk (Tomsk, Russia); **D.V. Galkin** (Tomsk, Russia); **A.A. Sundieva** (Moscow, Russia); **O.L. Lavrik** (Novosibirsk, Russia); **Maracz Laszlo** (Amsterdam, the Netherlands)

DITORIAL BOARD

E.I. Chernyak (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief; **K.A. Kuzoro** (Tomsk, Russia) – Executive Editor; **V.E. Budenkova** (Tomsk, Russia); **L.V. Bulgakova** (Tomsk, Russia); **N.A. Dolgikh** (Tomsk, Russia); **O.A. Zheravina** (Tomsk, Russia); **L.A. Korobeynikova** (Tomsk, Russia); **T.S. Korobeynikova** (Tomsk, Russia); **I.E. Maksimova** (Tomsk, Russia); **V.V. Sotnikov** (Tomsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Шелегина О.Н. От актуализации наследия к освоению: формирование историографического ресурса.....	7
Куклинова И.А. Национальное наследие и памятник: к истории понятий во французской культуре XVIII в.	15
Куликов С.Б., Лобанов В.В. Перспективы актуализации античных идеалов в науке и образовании	22
Петрова Г.И. Современный университет: сохранение классического наследия и возможность трансформаций.....	30
Жеравина О.А. Университетские города Испании как объекты мирового культурного наследия.....	37
Мастеница Е.Н. Культурный ландшафт как объект наследия: подходы к изучению и проблемы сохранения в музеях под открытым небом	42
Паршикова Т.С. Археологическое наследие Алтая: изучение и сохранение в 1940–1960-е гг.	52
Филева-Русева Кр.Г. Сохранение болгарского музыкально-фольклорного наследия.....	60

РОЛЬ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ В СОХРАНЕНИИ И АКТУАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Алексеева Е.П. Роль учреждений культуры в сохранении культурного наследия на примере кинематографа в Казани.....	67
Гребенникова Т.Г. Учреждения музейного типа в Алтайском крае: многообразие форм и опыт организации	74
Орлова Е.А. Музеефикация нематериального культурного наследия телеутского народа: опыт музея-заповедника «Томская Писаница».....	85
Артемьева Е.Б. Библиотеки духовного ведомства на территории Сибирско-Дальневосточного региона в 1990-е – первое десятилетие 2000-х гг.	93
Борисова О.О., Шичаокина Е.С. «Примерный библиотечный каталог» К.Н. Дерунова как часть культурного наследия отечественной библиографии	97
Дегтярёва А.И. Представление библиотечных краеведческих материалов в сети Интернет как способ их сохранения и трансляции (на примере веб-сайтов муниципальных библиотек Томской области).....	102
Фазлуллин С.М. Подводные парки и сохранение объектов подводного культурного наследия	112

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Юдина В.И. Музыкальная жизнь дореволюционной российской провинции в «личностном измерении». Источниковедческий аспект	128
Крайнева И.А. Персональный архив ученого как феномен исторической идентичности	135
Гендина Н.И., Колкова Н.И. Коренные малочисленные народы в зеркале отечественных и зарубежных сайтов: концептуальные подходы к разработке средств оптимизации контента	143
Кретова С.А. Основные направления тематики в отечественных диссертационных исследованиях по музеиному делу (1990–2013 гг.).....	153

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК ЧАСТЬ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Колосова Г.И. Зимний пейзаж в художественном наследии П.М. Кошарова как локальное отражение сибирской природы XIX столетия	163
--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	170
--------------------------	-----

CONTENTS

CULTURAL HERITAGE: THEORY AND PRACTICE

Shelegina O.N. From actualizing the heritage to reclaiming it: development of a historiographic resource.....	7
Kuklinova I.A. <i>National heritage and a monument</i> : the history of the concepts in French culture of the XVIII century	15
Kulikov S.B., Lobanov V.V. Prospects of Antique legacy actualization in science and education	22
Petrova G.I. Preservation of the classical heritage and inclusion of innovations in the modern university	30
Zheravina O.A. University cities of spain as objects of the world cultural heritage	37
Mastenitsa E.N. Cultural landscape as object of heritage: approaches to studying and preservation problems in the open-air museums	42
Parshikova T.S. Archaeological heritage of Altai: the study and conservation in the 1940s – 1960s	52
Fileva-Ruseva K.G. Preservation of the Bulgarian musical folklore heritage	60

THE ROLE OF CULTURAL INSTITUTIONS IN ACTUALIZATION AND PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE

Alekseeva E.P. The role of cultural institutions in preserving cultural heritage (the example of cinema in Kazan).....	67
Grebennikova T.G. Institute of museum type in the Altai region: diversity and experience of forms	74
Orlova E.A. Museification of Intangible cultural heritage of the Teleut people: Tomskaya Pisanitsa Museum reserve experience	85
Artemyeva E.B. Religios department libraries in the Siberian-far eastern region in 1990s – early 2000s.....	93
Borisova O.O., Shichaokina E.S. «The exemplary library catalog» K.N. Derunova as part of the cultural heritage of national bibliographies	97
Degtiareva A.I. Presentation of library local history materials in the Internet as a way of preservation and broadcasting of them (on the example of websites municipal libraries of Tomsk region)	102
Fazullin S.M. Underwater parks and the preservation of objects of underwater cultural heritage	112

SOURCES OF THE STUDY OF CULTURAL HERITAGE

Udina V.I. The musical life of pre-revolutionary Russian province in the «personal dimension». The source aspect.....	128
Krayneva I.A. A scholar's personal archive as a historical identity phenomenon	135
Gendina N.I., Kolkova N.I. Indigenous peoples in the mirror of domestic and foreign sites: conceptual approaches to development of tools optimizing the content.....	143
Kretova S.A. The main areas in subject of domestic dissertational researches for museum study (1990–2013)	153

ART AS PART OF CULTURAL HERITAGE

Kolosova G.I. Winter landscape in the artistic heritage of P.M. Kosharov as a local display of Siberian nature of the XIX century.....	163
---	-----

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHORS	170
---	-----

Уважаемые коллеги!

Тема нового номера журнала – «Культурное наследие: дискуссионные вопросы истории, теории и практики» – выбрана не случайно. Во-первых, сохранение культурного наследия признается одной из наиболее значимых областей культурной политики как в мировом, так и в общероссийском масштабе. Во-вторых, понятие и явление «культурное наследие» настолько многообразно, что некоторые области так и остаются для теоретиков и практиков *terra incognita*.

Комплексность понятия «культурное наследие» и разнообразие объектов культурного наследия задают практику его всестороннего изучения. История осмыслиения феномена культурного наследия привела к рождению концепта, который развивался, эволюционировал, обогащаясь новыми смыслами. При этом открывались новые горизонты и перспективы в этой области знания. Основные направления работы с культурным наследием, в частности его состав и структуру, представленную в виде совокупности материального, движимого и недвижимого, нематериального наследия, а также культурного ландшафта, цифрового наследия и идеи культурного разнообразия, определила нормотворческая деятельность ЮНЕСКО. При этом культурный ландшафт и цифровое наследие утверждались не только как объекты культурного наследия, но и охранные практики.

Следует отметить, что отдельные элементы культурного наследия в связи со своей злободневностью и востребованностью преобразовались в автономно существующие понятия, хотя и не закрепленные в научной или нормативно-правовой терминологии, но тем не менее весьма удобные в использовании, когда нужно оттенить тот или иной аспект наследия. Таковыми понятиями являются «музейное наследие», «этнокультурное наследие», «литературное наследие», «военно-историческое наследие» и т.д.

В последнее время особый исследовательский интерес вызывает проблема изучения, сохранения и актуализации нематериального культурного наследия в целом, а также и отдельных его аспектов – обрядов, языка, устного народного творчества, технологий и проч. ввиду уязвимой природы данного вида наследия и того, что элементы нематериального культурного наследия являются маркёрами этнической идентичности. В теоретическом плане дискуссионными являются вопросы о содержании и границах понятия «нематериальное культурное наследие». Также активно обсуждаются вопросы подводного и индустриального наследия.

Примечательно, что культурное наследие, как объект исследования, лежит в плоскости междисциплинарности – главного вектора развития современной науки. Однако «эпицентр» обсуждения проблем культурного наследия преимущественно сдвинут в сторону гуманитаристики, хотя в дискуссию и включаются специалисты из области естественных и технических наук.

Страницы нашего журнала – своеобразная дискуссионная площадка, где предпринята попытка обсудить новые аспекты в области изучения, сохранения и актуализации культурного наследия или осмыслить уже имеющийся опыт. Мы надеемся, что в дальнейшем наша дискуссия развернется именно в междисциплинарном ключе – появится возможность комплексно, с разных сторон рассмотреть предмет исследования – культурное наследие.

По опубликованным материалам мы планируем провести круглый стол, приглашаем Вас принять участие в обсуждении представленных материалов.

T.C. Курьянова

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

УДК 069 (091)
DOI 10.17223/22220836/18/1

О.Н. Шелегина

ОТ АКТУАЛИЗАЦИИ НАСЛЕДИЯ К ОСВОЕНИЮ: ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО РЕСУРСА

В статье проводится анализ значимых зарубежных, российских и региональных исследований (2012–2015 гг.), посвященных постановке и решению теоретических и научно-практических задач по наследиеведческой проблематике. Выявляются основные тенденции и перспективы в формировании историографического ресурса, отражающего переход от актуализации наследия к его освоению: изучение наследия в контексте музеиного мира, кибернетическая философия наследия, приоритетная музеефикация этнокультурного наследия.

Ключевые слова: актуализация, музеефикация, освоение наследия, наследиеведение, историографический ресурс, музейный мир.

Глобальные социокультурные и научные проблемы, связанные с укреплением гуманитарного суверенитета России [1] и общественно значимым переходом от декларировавшегося ранее использования наследия к его освоению, являющемуся важнейшим показателем культурного уровня общества [2. С. 9], требуют выявления основных тенденций и перспектив в изучении наследия, формирования регионального историографического ресурса для решения научно-практических задач в этой сфере.

В современных условиях целесообразно обратиться к разработкам Т. Шолы, известного в музейном мире специалиста, основателя международного фестиваля «The Best in Heritage» («Лучшие в сфере наследия») выдающихся проектов в области культурного наследия и музейного дела. Еще в 1982 г. он предложил выделить новую область знания – «наследиеведение» («Heritology»), занимающуюся вопросами сохранения и использования наследия как такового, обеспечивая широкое и интегральное восприятие проблем, связанных с отношением к наследию. Музейную деятельность он рассматривал как часть наследиеведения. Анализируя предложенную им систему соответствующих институтов наследия, представленную в форме диаграммы (*в центре* – тотальное наследие, *в первом круге*: организация защиты культурного наследия; организация защиты природного наследия; организация реставрации и консервации; частные музеи; базы данных; аудиовизуальные архивы; музеи будущего; музеи компаний; природные парки; музеи без 3D эффектов; музеи документов; архивы; библиотеки; музеи; формы использования наследия; *во втором* – театры; пластическое искусство и литература; образовательные институты; кино и телевидение; досуговые центры; средства тиражирования; рынок естественно-научных образцов; антикварный и художественный рынок; выставочные центры; тематические парки и инду-

стрия наследия), можно заметить, что музеям и учреждениям музейного типа отводится значительное место, существенные позиции занимают менеджмент, искусство и образование, средства коммуникации. В условиях информационного общества Т. Шола (1989 г.) разработал концепцию «мнемософии» как «кибернетической философии наследия» – общей теории, включающей как минимум пять наук: библиотековедение, музеографию, энциклопедистику и документоведение. Ученый отмечал, что мнемософия «средоточена не на институтах, а понятии наследия, объемлющем коллективный опыт во всей его полноте – временной и пространственной» [3. С. 92–97]. Кибернетика и информатика, с его точки зрения, способны сделать информацию о прошлом релевантной для будущего.

В опубликованной в России в 2013 г. его книге «Вечность здесь больше не живет» [4], пронизанной, по мнению Т.Ю. Юрненевой, «глубокой любовью автора к культурному наследию и обеспокоенностью за его судьбу», анализируются так называемые «грехи», в которые в той или иной степени впадает музейный мир. Это – «музейная усталость и скука от недостатка коммуникации, фрагментация реальности и деконтекстуализация, элитарность и эспа-пизм, эйфория и китч, европоцентризм и фетишизм, гигантизм и чрезмерная специализация, научообразие и нехватка профессионализма, тщеславие и меркантилизм, приспособленчество и манипулирование, излишества архитектуры и дизайна» [5]. Очевидно, что эти аспекты, носящие дискуссионный характер, должны критически оцениваться и учитываться при актуализации наследия, обеспечивая его адекватное освоение социумом.

На 37-м Международном симпозиуме ИКОФОМ (Комитет музеологии Международного совета музеев) «Современные тенденции в музеологии» (Париж, 2014) [6] ряд докладов был непосредственно посвящен проблемам музеификации наследия. Среди них (в переводе автора): «Партиципативные технологии в музеологии и индексирование культурного наследия в век информационных технологий» (В. Пюиг), «Дизайн и партиципативные технологии, позволяющие посетителю получить более насыщенное впечатление от знакомства с культурным наследием» (С. Радис), «Этнографический предмет между рынком и культурным наследием: карта некоторых объектов» (О. Дуаен), «Выставка «Е Tu Ake» («Подъем, Маори!») в Веллингтоне, Париже и Квебеке. Культурное и политическое утверждение наследия, сравнение трех музейных контекстов» (Г. Грэнн, М. Рустан), «Инновационная технология сохранения нематериального наследия в музеях Сибири» (О. Труевцева). В докладе «Миссия музея в современном обществе. Проблемы музейной коммуникации» (И. Чувилова, О. Шелегина) вопросы освоения наследия были представлены в контексте изучения музейной аудитории в рамках междисциплинарного проекта «Интеграция российских музеев в региональное социокультурное пространство». Таким образом, можно заметить, что к современным и перспективным, требующим дальнейших исследований проблемам освоения наследия в музейной сфере относятся: партиципативные (от англ. participate – участвовать, направленные на активное вовлечение посетителя в деятельность музея) и информационные технологии работы с музейной аудиторией, роль этнокультурного наследия в процессах социокультурной адаптации, самоидентификации населения.

В контексте мирового опыта результирующим исследованием, органично отражающим теорию и практику музеификации историко-культурного наследия России, является монография известного в нашей стране и за рубежом музеолога М.Е. Каулен [2]. В ней впервые реконструирована в полном объеме российская история актуализации наследия музеями, выстроена классификация форм и методов, отражены особенности музеификации материального (памятников археологии, архитектуры и градостроительства, науки, техники, индустрии) и нематериального наследия. Музеификация рассматривается автором как важнейший фактор формирования и развития музейного мира России, выделяются две составляющие «музеикаторской деятельности»: 1) «постоянное расширение сферы ценных объектов, включенных в состав музеев или являющихся основой для создания самостоятельных музеев»; 2) «малая, или краеведческая, музеификация объектов наследия», представляющих исключительную ценность для местного сообщества, его социальной адаптации и инкультурации. При этом могут возникать учреждения музейного типа, а также мемориальные зоны и все новые формы частичной, или «мягкой», музеификации (без полного изъятия памятников из среды бытования). В книге определяется круг общих проблем: роль процесса освоения культурного наследия в адаптации личности к условиям множественности культур, самоидентификации социума, становление и поддержание эффективной системы трансляции историко-культурного опыта, требующих дальнейшего изучения на теоретическом, научно-практическом уровнях, региональном материале.

В предложенной нами и находящейся в стадии активной апробации модели музейного мира Сибири и адаптационного подхода к его изучению [7] наследие рассматривается в контексте материального (объекты наследия, учреждения, способствующие их сохранению, музеи), интеллектуального (идеи, исследования, проекты, научно-образовательные центры) и коммуникационного (Интернет, средства массовой информации, цифровое наследие, музейная аудитория) пространств. Анализ на основе достаточно презентативного музеографического и историографического ресурса одной из значимых составляющих музейного мира Сибири – музеев-заповедников позволил выявить тенденцию приобретения ими комплексного характера, позволяющего при сохранении профильного приоритета, укрепляющего их брендовые позиции, постепенно осваивать все виды материального наследия. Это создает основу для многообразных форм актуализации нематериального наследия, позволяющих расширять влияние музеев-заповедников на социокультурное пространство региона, привлекать новую музейную аудиторию [8]. Изучение роли музеев-заповедников Сибири как музеев будущего в освоении регионального наследия должно стать темой монографического исследования.

Одной из новаций в развитии музейного мира России и брендом интеллектуального пространства музейного мира Сибири по праву стала Всероссийская научно-практическая конференция «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения» [9]. Представление новых результатов исследований, обмен практическим опытом, дискуссии по теме «Актуализация и освоение научного и историко-культурного наследия России», проведенные в ее рамках, показали, что в условиях глобализации, смены ценност-

ных ориентиров наследие является своеобразным стратегическим ресурсом, обеспечивающим социальную стабильность, сохранение исторической памяти. Однако до настоящего времени слабо развиты и не обобщены адекватные современному состоянию науки формы активизации социокультурного потенциала наследия для формирования гуманистического и патриотического мировоззрения, не определен потенциал музеев в освоении регионального наследия.

Для коммуникационного пространства музейного мира Сибири характерен новационный подход к научному наследию. Созданы и успешно функционируют «Электронный архив академика А.П. Ершова» (<http://ershov.iis.nsk.su>), «Электронный фотоархив СО РАН» (<http://www.soran1957.ru>), «Открытый архив СО РАН как система представления, накопления и систематизации научного наследия» – ресурс, активно пополняющийся новыми свидетельствами, характеризующими региональное научное наследие в контексте развития мирового научного сообщества, музейного мира Сибири (<http://odasib.ru>). Одним из важных результатов проекта стало развитие И.А. Крайневой метода электронной исторической фактографии, выявление алгоритма процесса от создания архива до его научной интерпретации [10]. Представленные электронные архивные массивы широко применяются в конкретно-исторических исследованиях, источниковедении, в научно-образовательной сфере, издательской работе, архивоведении и музеологии. Данное направление освоения научного наследия коррелируется с положениями кибернетической философии наследия Т. Шолы.

Как проект музея будущего (также выделенного Т. Шолой в диаграмме наследия), междисциплинарного креативного музея регионального наследия О.Н. Шелегиной, С.Б. Орловым разрабатывается «Музей Сибири» [11]. Объективная необходимость в поиске новых форм презентации наследия обусловлена соотношением в Сибирском регионе числа объектов историко-культурного наследия (18 600, в том числе памятников археологии – 8700, истории – 3300, архитектуры – 440, искусства – 160) [12] и музеев, учреждений музейного типа (по интернет-данным, около 500). Концентрация информации о наследии, его визуализация на основе интернет-технологий, создание условий для реализации парсипативных технологий, удовлетворяющих музейную потребность населения, позволят осуществить переход к освоению наследия. Этот процесс определяется М.Е. Каулен «как универсальный способ сохранения наследия, остающегося живым и действенным, даже тогда, когда та или иная форма бытия культуры перестает существовать физически. Освоенная социумом культурная форма обретает свое духовное бытие и способность воплотиться в новой форме культуры иного времени и пространства. Освоенное культурное наследие способствует объединению людей в социуме» [2. С. 9]. Практическому воплощению этой инновационной идеи – «Музей Сибири» – может способствовать превращение проекта в системный, базирующийся на государственной политике России в области наследия, интеграции региональных структур управления, науки, культуры, с учетом новых достижений в области актуализации и освоения наследия.

Можно с удовлетворением заметить, что в 2010-е гг. весьма активно и результативно проводятся диссертационные исследования по наследиеведче-

ской проблематике. Актуальность работы Ван Вэй по изучению художественного наследия Китайской Народной Республики связана с анализом эволюции музеиного мира Китая (от закрытого традиционного хранилища раритетов в гибкий объект культуры, сохраняющий стабильное ядро (генотип музея), обусловленной интенсивными макропроцессами, происходящими во всех сферах китайского государства. Автором определены приоритетные тренды XXI в.: количественная и качественная динамика в освоении наследия: рост числа и типов музеев, расширение объектов музеификации (культурные ландшафты, исторические кварталы городов), а также развитие социальных функций музеев, обусловленное явлениями глобализации и информационного общества. Инновационной формой китайской культуры, синтезирующей материальное и нематериальное культурное наследие, являются создание в КНР музеев – культурных центров, активное использование в музеях всех типов информационно-коммуникационных и партисипативных технологий, социокультурная адаптация населением путей расширения музейной аудитории, как реальной, так и виртуальной, а также осуществление эффективного музейного менеджмента [13].

Исследование Т.С. Курьяновой – первая диссертационная работа, в которой теория и практика актуализации культурного наследия коренных народов Южной Сибири проанализированы с концептуальной, историко-правовой и музеологической точек зрения. Это позволило определить специфику российского и регионального законодательства в сфере наследия; систематизировать результаты разработки концепта «наследие». Музеификация признана автором ведущим направлением сохранения и актуализации этнокультурного (и археологического, как этнокультурного) наследия в «традиционных» и «новационных» музеях Южной Сибири, основным механизмом актуализации наследия признана музейная педагогика [14].

В диссертации А.М. Дияновой, посвященной анализу культурного наследия сибирских татар, впервые проведена типологизация музеев Западной Сибири по уровню деятельности в области сохранения и актуализации наследия, выявлены элементы структуры духовной составляющей культурного наследия, разработана методика актуализации этнокультурного религиозного наследия. Авторский проект «Тайны татарских оберегов» носит универсальный характер и может быть использован во многих сибирских и российских музеях [15].

Изучение Л.А. Кравцовой проблем актуализации историко-культурного наследия угольной отрасли в исторической динамике, российском и международном социокультурном контексте дало возможность впервые эксплицировать понятие «историко-культурное наследие угольной отрасли», а также выявить региональную специфику музейной сети Кемеровской области, деятельности музеев, связанных с накоплением, документированием, представлением наследия угольной отрасли, определить перспективы его освоения в Кузбассе [16].

П.В. Глушковой предложен подход к актуализации наследия путем музеификации существенной части нематериального наследия – календарной обрядности. Культурологу удалось впервые разработать научно-информационную и коммуникационную систему, включающую тематико-хронологический обзор календарной обрядности русских Сибири, характеристику оп-

тимальной модели актуализации календарного обряда, методику, обеспечивающую синтезированную презентацию (с учетом баланса рекреационных и научно-образовательных составляющих) народной обрядовой культуры. Она также выявила совокупность факторов, снижающих эффективность актуализации нематериального наследия (отсутствие ориентации на свойства обряда, низкая степень достоверности и фрагментарность его воспроизведения, широкое использование немузейных методов и приемов) и дала рекомендации по оптимизации освоения наследия для региональных музеев под открытым небом [17].

Хотелось бы отметить, что с каждым годом всё чаще и громче раздаётся голос учёных, призывающих государства, бизнес, неправительственные организации, народы сохранять и осваивать природное и культурное наследие. Свидетельством успешно развивающегося международного сотрудничества в этой области является издание в 2015 г. коллективной монографии «Cultural heritage in Asian countries: from theory to practice» («Культурное наследие в странах Азии: от теории к практике») при участии исследователей из Германии, Казахстана, Киргизии, Китая, Монголии, России, Тайваня, Швейцарии, Японии [18].

В заключение подчеркнем, что перспективный процесс перехода от актуализации наследия к его освоению находит отражение в формирующемся историографическом ресурсе: изучение наследия идет в контексте музеиного мира, кибернетической философии наследия, приоритетной музеификации этнокультурного наследия. Проблема освоения регионального наследия находится в стадии постановки. Первоочередного изучения требуют музеи-заповедники, учреждения музеиного типа. Актуально создание региональных энциклопедий наследия с учетом результатов деятельности Научно-образовательного центра «Музей и культурное наследие» Томского государственного университета.

Литература

1. Историко-культурное наследие и духовные ценности России / отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков; отд-ние ист.-филол. наук РАН. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2012. 642 с.
2. Каулен М.Е. Музеификация историко-культурного наследия России. М. : Этерна, 2012. 452 с.
3. Ананьев В.Г. История зарубежной музеологии : учеб.-метод. пособие. СПб., 2014. 136 с.
4. Шола Т.С. Вечность здесь больше не живет: толковый словарь музеиных грехов. Тула : Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляня», 2013. 356 с.
5. Юрленаева Т. Ю. «Вечность здесь больше не живет». Рец. на кн. Томислава Шолы [Электронный журнал] // Культурологический журнал. 2014/1 (15). URL: Электронный ресурс: [http://WWW.CR JOURNAL.RU/FILES\(FILE/04_2014_17_29_32_1397222972](http://WWW.CR JOURNAL.RU/FILES(FILE/04_2014_17_29_32_1397222972)
6. Nouvelles tendances de la museologie. 37 symposium international de ICOFOM. Paris, Sorbon, 2014. Programme. 8 р.
7. Шелегина О.Н. Музейный мир Сибири : история и современные тенденции развития. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. 396 с.
8. Шелегина О.Н. Наследие : теория и музейная практика в Сибирском регионе / О.Н. Шелегина, Т.С. Курьянова // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. № 2.
9. Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: материалы 2-й Всерос. науч.-практ. конф., Новосибирск, 29 сентября – 3 октября 2014 г. / отв. ред. В.А. Ламин, О.Н. Шелегина. Новосибирск: Автограф, 2014. 224 с.

10. Крайнева И.А. Электронная историческая фактография: от создания архива к его научной интерпретации (на основе архива физика-теоретика Ю.Б. Румера). Институт систем информатики СО РАН. Препринт 177. Новосибирск, 2015. 83 с.
11. Шелегина О.Н. «Музей Сибири» – креативный проект музея имиджа региона / О.Н. Шелегина, С.Б. Орлов // Синергия творчества и бизнеса – путь к успеху : сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. Омск; Прага, 2013. С. 112–115.
12. Колпакова М.Р. Историко-культурное наследие Сибири // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2010. Т. 1. С. 671.
13. Ван Вэй. Собирательская деятельность и формы презентации национального искусства в музеях КНР : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2014. 22 с.
14. Курьянова Т.С. Актуализация культурного наследия коренных народов в музеях Южной Сибири : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013. 233 с.
15. Дилянова А.М. Культурное наследие сибирских татар в деятельности музеев Западной Сибири на современном этапе (на примере традиционных религиозных верований) : автореф. дис. ... канд. культурологии. Кемерово, 2012. 23 с.
16. Кравцова Л.А. Актуализация историко-культурного наследия угольной отрасли в музейной практике (на примере Кемеровской области) : автореф. дис. ... канд. культурологии. Барнаул, 2013. 24 с.
17. Глушкова П.В. Актуализация календарной обрядности русских в деятельности музеев под открытым небом в Сибири : автореф. дис. ... канд. культурологии. Кемерово, 2015. 24 с.
18. Cultural heritage in Asian countries: from theory to practice: The collective monograph / ED editor O.N. Truevtseva, H.K. Vieregg. Pavlodar: Edition of Pavlodar State Pedagogical Institute, 2015. 227 p.

Shelegina Olga N. Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: oshelegina@yandex.ru

FROM ACTUALIZING THE HERITAGE TO RECLAIMING IT: DEVELOPMENT OF HISTORIOGRAPHIC RESOURCE

DOI 10.17223/22220836/18/1

Key words: actualization, museification, reclamation of cultural heritage, heritology, historiographic resource, museum world.

The article is relevant, since today it is necessary to explore the developing historiographic resource reflecting modern socially significant trend, i.e., the transition from using and actualizing the heritage to reclaiming it. The objective of the study is to analyze major foreign and Russian works, including regional ones (2012–2015) dealing with setting and solving theoretical and practical tasks connected with heritology, and revealing the main prospects and trends of the development of the relevant historiographic resource.

The author of the article has used the findings (1982–1989) of the famous museologist T. Šola who introduced a new knowledge area, namely, heritology, and coined the term “Mnemosophy” which he described as “Cybernetic philosophy of heritage”.

The papers dealing with museification of the heritage were presented at the 37th ICOFOM International Symposium “New Trends in Museology” (Paris, 2014). It was underlined that further exploration and introduction of relevant technologies (information and participatory) and methods for actualizing ethnocultural heritage were envisaged.

Talking of global experience, the monography by M.Kaulen was recognized as a comprehensive study reflecting both theoretical and practical aspects of museification of the Russian historical and cultural heritage. The author analyzed the problem of transition towards reclaiming the heritage, and characterized the main directions of museification activities in the museum world. The following subjects were recognized as the most promising ones: the role of reclaiming cultural heritage in socio-cultural environment, and the development of an effective system for translating historical and cultural experience. Relevant trends of reclaiming cultural heritage in accordance with the model of museum world of Siberia developed by O.Shelegina were described in the article. In material sphere, those are museum reserves working extensively with cultural heritage; in intellectual area, it concerns integration of science, culture, and education, as well as the project “Museum of Siberia”; and finally, in the sphere of communication, those are electronic archives of scientific heritage.

The article also mentions national and regional thesis works by T.Kuryanova (actualizing cultural heritage of indigenous peoples in the museums of southern Siberia), A.. Diyanova (cultural heritage of

Siberian Tatars in the modern museums of western Siberia), L.Kravtsova (actualizing historical and cultural heritage of coal mining in museum practice), and P.Glushkova (actualizing calendar ritualism of the Russians in the Siberian open-air museums).

In conclusion, it is underlined that the development of historiographic resource is accompanied by the appearance of works dealing with exploration of cultural heritage in the context of museum world, cybernetic philosophy of heritage, and prioritized museification of ethnocultural heritage. The problem of reclaiming regional heritage has been set only recently and needs to be thoroughly discussed taking into account the experience of Museum and Cultural Heritage scientific-educational center affiliated with Tomsk State University.

References

1. Istoriko-kulturnoe nasledie i duhovnyie tsennosti Rossii / otv. red. A.P. Derevyanko, A.B. Kudelin, V.A. Tishkov. Otd. ist.-filolog. nauk RAN. M. : Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2012. 642 s.
2. Kaulen M.E. Muzeefiksatsiya istoriko-kulturnogo naslediya Rossii. M. : Eterna, 2012. 452 s.
3. Ananев V.G. Iстория зарубежной музеологии : учебно-методическое пособие. SPb, 2014. 136 s.
4. Shola T.S. Vechnost zdes bolshe ne zhivet: tolkoviy slovar muzeynyih grehov. Tula : Muzey-usadba L.N. Tolstogo «Yasnaya Polyana», 2013. 356 s.
5. Yureneva T. Yu. «Vechnost zdes bolshe ne zhivet». Retsenziya na knigu Tomislava Sholyi [Elektronnyiy zhurnal] // Kulturologicheskiy zhurnal. 2014/1 (15). URL: Elektronnyiy resurs: [http://WWW.CR JOURNAL.RU/FILES\(FILE/04_2014_17_29_32_1397222972](http://WWW.CR JOURNAL.RU/FILES(FILE/04_2014_17_29_32_1397222972)
6. Nouvelles tendances de la museologie. 37 symposium international de ICOFOM. Paris, Sorbon, 2014. Programme. 8 p.
7. Shelegina O.N. Muzeynyiy mir Sibiri : istoriya i sovremennyye tendentsii razvitiya. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2014. 396 s.
8. Shelegina O.N. Nasledie : teoriya i muzeynaya praktika v Sibirskom regione / O.N. Shelegina, T.S. Kuryanova // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2015. # 2.
9. Sovremennyye tendentsii v razvitii muzeev i muzeovedeniya. Materialyi II Vserossiiskoy nauch.-prakt. konf., Novosibirsk, 29 sentyabrya – 3 oktyabrya 2014 g. / otv. red. V.A. Lamin, O.N. Shelegina. Novosibirsk: Avtograf, 2014. 224 s.
10. Krayneva I.A. Elektronnaya istoricheskaya faktografiya: ot sozdaniya arhiva k ego nauchnoy interpretatsii (na osnove arhiva fizika-teoretika Yu.B. Rumera). Institut sistem informatiki SO RAN. Preprint 177. Novosibirsk, 2015. 83 s.
11. Shelegina O.N. «Muzei Sibiri» – kreativnyiy proekt muzeya imidzha regiona / O.N. Shelegina, S.B. Orlov // Sinergiya tvorchestva i biznesa – put k uspehu : sb. materialov mezhdunar. nauch. – prakt. konf. Omsk; Praga, 2013. S. 112–115.
12. Kolpakova M.R. Istoriko-kulturnoe nasledie Sibiri // Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri. Novosibirsk, 2010. T. 1. S. 671.
13. Van Vey Sobiratelskaya deyatelnost i formyi prezentatsii natsionalnogo iskusstva v muzeyah KNR: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya. SPb., 2014. 22 s.
14. Kuryanova T.S. Aktualizatsiya kulturnogo naslediya korenniy narodov v muzeyah Yuzhnay Sibiri : dis. ... kand. ist. nauk. Tomsk, 2013. 233 s.
15. Diyanova A.M. Kulturnoe nasledie sibirskikh tatar v deyatelnosti muzeev Zapadnoy Sibiri na sovremenennom etape (na primere traditsionnyih religioznyih verovaniy) : avtoref. dis. ... kand. kulturologii. Kemerovo, 2012. 23 s.
16. Kravtsova L.A. Aktualizatsiya istoriko-kulturnogo naslediya ugoroloy otrasi v muzeynoy praktike (na primere Kemerovskoy oblasti) : avtoref... kand. kulturologii. Barnaul, 2013. 24 s.
17. Glushkova P.V. Aktualizatsiya kalendarnoy obryadnosti russkih v deyatelnosti muzeev pod otkrytym nebom v Sibiri : avtoref. dis. ... kand. kulturologii. Kemerovo, 2015. 24 s.
18. Cultural heritage in Asian countries: from theory to practice: The collective monograph / ED editor O.N. Truevtseva, H.K. Vieregg. Pavlodar: Edition of Pavlodar State Pedagogical Institute, 2015. 227 p.

УДК 069.01
DOI 10.17223/22220836/18/2

И.А. Куклинова

**НАЦИОНАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ И ПАМЯТНИК:
К ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ КУЛЬТУРЕ
КОНЦА XVIII В.**

В статье рассматриваются позиции французских исследователей второй половины XX в. на выработку концепта наследие и бытование связанного с ним термина памятник во Франции XV–XVIII вв. Акцент сделан на трактовке тенденций разрушения и сохранения свидетельств прошлого в первые годы Великой французской буржуазной революции (1790–1794 гг.), в период, когда термин наследие начинает обретать своё современное толкование.

Ключевые слова: национальное наследие, памятник, буржуазная революция, разрушение, сохранение, список национального наследия, публичный музей.

В наше время, когда термин *наследие* обрел широкое толкование и охватывает обширный спектр явлений и феноменов, значительный интерес вызывает его генезис и дальнейшее развитие. Внимание этому вопросу уделено и в новейшем «Энциклопедическом словаре музеологии», подготовленном специалистами Международного совета по музеологии (ИКОФОМ) и изданном в 2011 г. [1]. В нем авторами статьи «*Наследие*» выделяются четыре этапа в истории формирования этого понятия. Первый из них – это 1790–1794 гг., рождение и частое использование термина в современном значении на французском языке. Второй этап соответствует процессу медленной институализации, в различных формах и терминах, движения сохранения наследия (с начала XIX до первой четверти XX в.). Третий период начинается в 1930–1945 гг., он характеризуется использованием термина на международном уровне, расширенным его толкованием при окончательном разграничении с юридическим понятием *наследство*. Наконец, четвертый этап, продолжающийся и поныне с конца 1980-х гг., определяется широким пониманием наследия в духе любых материальных или нематериальных объектов, признаваемых в качестве объектов наследия какой-либо группой лиц [1. Р. 424].

В данной статье предлагается обратиться к мнению французских специалистов в области истории наследия, осмысливших специфику первого из обозначенных этапов.

Бесспорным представляется мнение, что «термин «национальное наследие» не появляется в XVIII в., как и идея, что подобные «остатки» могут интересовать всю нацию» [2. Р. 408]. Однако очевидно, что в дореволюционный период «представление о национальном наследии выборочно» [2. Р. 410], «до последней четверти XVIII в. лишь немногие предметы не были подвластны закону немедленной полезности: это реликвии, освященные церковью, и регалии – символ коронации французских королей» [3. Р. 14]. Примеров разрушений памятников истории французской культуры предоставляет довольно много. Так, в 1677 г. в Бордо разрушен образец римской архитектуры рубежа

II–III в. – эпохи расцвета римского порта Бурдигалы, как тогда назывался этот город. В 1788 г. Людовиком XVI подписывается указ, предписывающий продажу сразу нескольких королевских резиденций, в том числе Блуа, Венсенского замка, Ла-Мюэтт, Булонского (Мадридского) замка, поскольку их содержание признано слишком дорогостоящим. Сохранить удалось лишь Блуа, в котором разместилась казарма, и Венсенский замок, использовавшийся как тюрьма. Ла-Мюэтт и Булонь были проданы на кирпич и снесены. Незадолго до революции, в 1787 г., К. де Кенси объявляет в «Журналь де Пари» об угрозе разрушения известного произведения Ж. Гужона – фонтана Невинных. Только благодаря развернувшейся в прессе кампании фонтан был спасён [3. Р. 15–17].

Известны и отдельные инициативы по описанию и сохранению памятников. Так, ещё в 1703 г. известный собиратель Р. Де Геньер высказал идею создания списка археологических и художественных памятников Франции. Однако это предложение не было реализовано. В 1720–1730-х гг. публикуется пятитомное издание «Памятники французской монархии» Б. де Монфокона. У учёного монаха была также идея описать французские церкви, но замысел этот не был воплощен [2. Р. 408]. Однако стоит согласиться с теми исследователями, которые замечают, что в то время ценилось скорее знание о памятниках, чем их сохранение [4. Р. 11]. Поэтому подобного рода труды соседствуют с примерами продолжающихся разрушений. Зачастую даже осознание важности памятника всё равно невозможно характеризовать с точки зрения современных представлений о сохранении культурного наследия. В этом ключе любопытно предложение администрации Нима (античный Немаус) о переносе одного из сохранившихся римских храмов, известного как Мезон Карре, в Версаль [4. Р. 11]. В качестве исключения можно привести пример города Арля (римский Аrelat) на юге Франции. Здесь все найденные античные артефакты привлекали внимание городских и церковных властей уже в XVII–XVIII вв. Сначала памятники размещались и экспонировались в городской ратуше. А 1784 г. считается временем создания настоящего музеума, систематически представлявшего галло-римские находки публике в городском монастыре [5. Р. 454].

Совершенно иной масштаб проблемы разрушения и сохранения обрели во Франции в конце XVIII в. – в эпоху Великой французской буржуазной революции. Как отмечается в уже цитированном «Энциклопедическом словаре музеологии», «идея наследия неизбежно связана с потенциальной потерей или исчезновением имущества – что было в случае с Французской революцией – и в то же время с желанием сохранить его» [1. Р. 427].

В первую очередь разрушению и разграблению подвергались памятники, которые олицетворяли Старый режим – культовые сооружения и памятники, связанные с французской монархией. Вот лишь некоторые примеры, характеризующие это «революционное иконоборчество» [6. Р. 198]. В 1790 г. звучит предложение трансформировать все дворянские гербы, украшавшие фасады домов, заменив обрамление рыцарского креста из лилий на хлебные колосья [7. Р. 66]. Популярными стали листовки с такими призывами: «Великие святые, падайте в горнило, это декрет!» [2. Р. 410]. Следуя подобным лозунгам, разрушили стрелу знаменитой парижской часовни Сен-Шапель ради того,

чтобы уничтожить корону, венчавшую ее, а статуя Богоматери в Клермон-Ферране, по словам современника, «...станцевав карманьолу, зажгла в центре площади Собрания самый приятный огонь радости, который философия когда-либо могла созерцать» [7. Р. 256]. В тех случаях, когда старинные постройки не поддавались разрушению, победа нового режима утверждалась внешними признаками: на стрелы культовых сооружений надевали фригийские колпаки, здания украшались статуями свободы.

В то же время на повестку дня были поставлены и вопросы сохранения шедевров и свидетельств прошлого.

Исследователи неоднократно подчеркивали неразрывную связь развития культуры и государства во Франции от эпохи Средневековья до наших дней. Отмечается насыщенный характер этих взаимоотношений и в интересующий нас период – в эпоху Старого режима и годы буржуазной революции. При Людовике XIV «некоторые архитектурные, пластические или музыкальные формы, возведенные в эталон, должны были прославлять централизующую власть: такова королевская площадь, украденная пешей или конной статуей короля... такова и опера – по преимуществу королевское искусство, которое выражает общность всех искусств и никогда не забывает начать с пролога во славу короля...» [8. Р. 12]. Тем самым, полагает французский специалист в области наследия Ж.М. Ленио, монархия, объединяя культуру и политику, способствовала собственному укреплению и возвеличиванию. Великая французская буржуазная революция, продолжая использовать культуру и искусство в идеологических целях, «внесла много нового в отношения между искусством прошлого и политикой: она придумала политику национального наследия» [8. Р. 13].

Во французском обществе осознается необходимость выработки новой системы взглядов на предметы и памятники прошлого, которые позволили бы им выжить в революционные годы. Для того чтобы поставить заслон вандализму (этот термин предложен аббатом Грегуаром в его знаменитых докладах, представленных Комитету народного образования в августе – декабре 1794 г., до этого момента уничтожение памятников именовалось современниками варварством [9. Р. 38]), приводившему к потере нацией многих памятников искусства и культуры, надо было «нейтрализовать» любое идеологическое содержание памятника, выдвинув на первое место другие критерии. Сохранять памятники прошлых эпох предлагалось во имя их возможного использования в образовательных целях в качестве иллюстраций развития искусства и его прогресса. Такая позиция, часто декларировавшаяся в эти годы, несомненно, берет свое начало в идеях эпохи Просвещения. Таким образом, памятники прошлого теряли свой первоначальный контекст – они больше не должны восприниматься в связи с их бывшей принадлежностью аристократическому салону или культовому пространству, памятники архитектуры – как построенные по заказу монарха или церкви. Отныне они служили эстетическому наслаждению или просветительским целям, а потому двумя основными институциями, генерировавшими для свидетельств прошлого новый контекст, стали *публичный музей* и *список национального наследия*, который должен был содержать все основные *национальные памятники*. Ценой за вхождение в *национальное достояние* становится потеря первоначального

контекста [8. Р. 14]. Яркой иллюстрацией этого процесса становится труд археолога О.Л. Миллена «Национальные древности, или Сборник памятников, служащий общей и частной истории Французской империи» (Millin A.-L. «Antiquités nationales ou recueil de monuments pour servir à l'histoire générale et particulière de l'Empire Français»). Первым памятником, представленным в этом издании, является разрушенная к тому времени Бастилия. Для Миллена Бастилия – это и крепость, игравшая роль политической тюрьмы, и символ обретённой свободы. Таким образом, первым национальным памятником новой Франции для автора становится разрушенный памятник, точнее – «памятник – это акт разрушения здания» [8. Р. 15].

Первый шаг в спасении свидетельств прошлого от разрушения был сделан еще в октябре 1790 г., когда была создана Комиссия по историческим памятникам. Далее, в 1793 г. параллельно ей начинает действовать Временная комиссия искусств, в 1795 г. обе комиссии преобразуются в одну – Временную комиссию искусств. Комиссии было предписано выработать рекомендации по созданию списка «памятников науки и искусства» всей Франции [5. Р. 466]. Уже в 1790–1791 гг. комиссия разработала подробное руководство, регламентировавшее порядок составления Списка. Оно было дополнено в 1794 г. и получило название «Инструкция о способе инвентаризации и сохранения на всей территории Республики всех предметов, которые могут служить искусствам и образованию» (Instruction sur la manière d'inventorier et de conserver dans toute l'étendue de la République tous les objets qui peuvent servir aux arts et à l'enseignement) [9. Р. 37].

В реализации заложенных в Инструкции принципов сразу возникли трудности. Главная из них состояла в том, что предполагалось создать список, включавший рукописи, печати, скульптуру, изделия из драгоценных металлов, коллекции натуральной истории и всякого рода машины. Таким образом, инструкция «могла служить для создания научной библиотеки или кабинета минералогии так же, как и музея искусств» [7. Р. 64], что требовало от составителей списка универсальных знаний, а сами списки походили «на свод правил необычного дворца торгов, в который превратилась Франция в течение этих лет» [2. Р. 417]. Особая сложность в привлечении компетентных корреспондентов в провинции состояла в том, что проект списка не получал достаточного финансирования. В результате на местах этим занимались не наиболее подготовленные и эрудированные, а те, кто соглашался участвовать в создании списка на добровольных началах, уделяя этой работе свое свободное время от случая к случаю. Недостаток средств мешал и членам комиссии по историческим памятникам выезжать из Парижа в провинцию для координации действий местных корреспондентов. Однако определенные результаты были достигнуты: созданы списки исторических памятников Медона, Сен-Клу, Трианона, Фонтенбло, Бельвию. Комиссии удалось спасти от разрушения памятники Шантыйи, Сен-Дени, Экуана.

Параллельно с составлением списка в 1790 г. комиссия по памятникам утвердила перечень монастырей, которые должны были служить хранилищами для национализированных произведений искусства, книг, рукописей. Так, в Париже было устроено девять больших складов, где «нагромождение самых разных предметов напоминало спасенное в пожаре или выставку в зале

торгов» [7. Р. 69]. Скульптура из мрамора и металла религиозного происхождения должна была быть собрана в монастыре Пти Огюстен. По предложению художника Дуайена, эксперта комиссии, его ученик Александр Ленуар 6 июня 1791 г. был назначен хранителем этого собрания. Вверенное Ленуару хранилище должно было стать временным для всего собранного. Часть предметов предназначалась для будущего Музеума искусств в Лувре, часть – для передачи на аукционы, остальное должно было быть отправлено для переплавки на монетный двор.

Однако А. Ленуару в августе – сентябре 1793 г. удалось открыть свой «склад», получивший название музея французских памятников. Комитет народного образования лишь в октябре 1795 г. принял официальную программу «исторического и хронологического музея, где можно будет найти французскую скульптуру разных эпох в особых залах, дав каждому из них точные характер и вид века, который он представляет» [10. Р. 504]. Открывался музей вводным залом, затем перед зрителем в хронологическом порядке располагались произведения французской архитектуры и скульптуры Средних веков и Возрождения.

Музей французских памятников А. Ленуара – первый в истории французского музейного дела специализированный исторический музей. В ту эпоху достойными художественной коллекции считались лишь произведения искусства, обладавшие утвердившейся репутацией, – эпохи Античности и Нового времени. Поэтому А. Ленуар, впервые экспонировавший в музее средневековую скульптуру, придал ей особое звучание, она была призвана иллюстрировать национальную историю. Показательно, что в предисловии к своему каталогу он полностью повторял современные ему мысли об искусстве Средневековья: «Перед тем как Франциск I создал искусства во Франции, наша школа была погружена в самое ужасное варварство» [7. Р. 85]. Придерживаясь подобного взгляда на средневековое искусство, А. Ленуар показывал средневековую скульптуру как исторические памятники, не выявляя ее художественной ценности.

Особый акцент А. Ленуар делал на мемориальном характере представленного им материала – заканчивался маршрут музея посещением Елисейского сада, где посетители могли видеть памятники многим известным французам. Рядом со скульптурными изображениями королей, демонтировавшимися из Сен-Дени, и государственных деятелей, заимствованных из парижских церквей, А. Ленуар разместил памятники ученым и художникам: Декарту, Мольеру, Буало, Лафонтену. При этом в каталоге музея описание самих памятников занимает минимум места, а основное внимание уделяется характеристике жизни и творчества лица, которому он посвящен. Таким образом, персонажи, показанные в музее, с одной стороны, представляли перед зрителями в обычной трактовке – как исторические фигуры, и в таком качестве они входили в хронологию эпох. С другой стороны, это герои нации, стоящие вне времени. Историки музейного дела считают Музей французских памятников доказательством того, что «два института, появившиеся в годы революции – Музей и Пантеон, объединяют историческое знание с прославлением образцовых великих людей» [6. Р. 198].

А. Ленуар выступил новатором и в художественной организации своего музея. Впервые, характеризуя экспозицию конца XVIII – начала XIX в., современники пишут о «поэтическом и театральном духе» музея [2. Р. 417]. При этом, стремясь к достижению особой образности экспозиции, он нередко использовал методы, получившие резко негативную оценку еще в XIX в., у младших его современников. Если памятник был поврежден или, по мнению Ленуара, недостаточно выразителен, он мог дополнить его фрагментами другого происхождения, нередко создавая совершенно новые предметы. Одним из самых ярких примеров такой музейной политики, вызывавшим критику у знаменитого архитектора и реставратора XIX в. Э. Виолле-Ле-Дюка, служит надгробие Абеляра и Элоизы, явившееся произвольным соединением частей большого количества памятников XIII–XIV вв. К статуе Людовика XII, от которой сохранился лишь торс короля, были приделаны голова и ноги. Обвиняли А. Ленуара и в сознательной «вандализации» – ему приписывали специальное разрушение зданий для собирания новых предметов. Болеезвешенная позиция в оценке его работы была высказана исследователями лишь в XX в. В частности, П. Леон утверждает, что «если А. Ленуар располагал материалами, то ему не хватало науки и метода» [7. Р. 81], поскольку в ту эпоху лишь вырабатывались принципы работы с вещественными историческими источниками, и деятельность А. Ленуара способствовала поиску новых форм их экспонирования в музее.

Музей французских памятников просуществовал недолго. Он был расформирован по приказу Людовика XVIII от 24 апреля 1816 г., в соответствии с которым предписывалось возвратить национализированные памятники церкви и аристократам.

Специалисты в области истории наследия полагают, что закрытие музея характеризует враждебность не к искусству Средних веков, а к принципу лишения предмета его первоначального смысла и контекста, которого А. Ленуар достигал простым перемещением предмета из среды его бытования в музей. Поскольку монархия, дворянство и церковь вновь стали живыми институтами, произведения, их характеризующие, не могли быть национальным достоянием и входить в музей, они должны были обрести свое первоначальное место и функцию [8. Р. 16]. Однако после закрытия музея в 1816 г. часть предметов из его коллекций была передана Лувру, где в 1824 г. они были выставлены в новых, специально открытых залах, посвященных скульптуре Ренессанса.

Подведем итоги. До конца XVIII в. интерес во французском обществе вызывает скорее собирание сведений о памятниках, их знание и фиксация информации о них, чем физическое сохранение. Только начавшаяся в 1789 г. Великая французская буржуазная революция, принесшая волну разрушений памятников, остро поставила вопрос о необходимости защиты свидетельств прошлого. Сохранение стало возможным только лишением памятников их первоначального контекста и наделением их исключительными эстетическими и просветительными свойствами. Двумя институциями, генерировавшими для свидетельств прошлого новый контекст, стали *публичный музей и список национального наследия*, который должен был включать все основные национальные памятники.

Литература

1. *Dictionnaire encyclopédique de muséologie / Sous la dir. d'A.Desvallées et de Fr.Mairesse.* Paris. : Armand Colin, 2011. 776 p.
2. *Chastel A.* La notion de patrimoine // Les lieux de memoire.II.La Nation. 2.Le territoire. L'Etat. Le Patrimoine. Paris, 1986. P. 405–450.
3. *Sire M.-A.* La France du patrimoine. Les choix de la mémoire. Paris: Gallimard, 1996. 144 p.
4. *Babelon J.-P., Chastel A.* La notion de patrimoine // Revue de l'art. 1980. № 49. P. 5–32.
5. *Pommier E.* Naissance des musées de province // Les lieux de memoire. II.La Nation.2.Le Territoire. L'Etat. Le Patrimoine. Paris, 1986. P. 451–495.
6. *Starobinski J.* 1789. Les emblèmes de la raison.Paris : Flammarion,1979. 230 p.
7. *Leon P.* La vie des monuments français. Destruction. Restauration.Paris, 1951. 590 p.
8. *Leniaud J.-M.* L' utopie française: essai sur le patrimoine.Menges, 1992. 182 p.
9. *Marot P.* L'abbé Gregoire et le vandalisme révolutionnaire // Revue de l'art. 1980. № 49. P. 36–39.
10. *Poulot D. A.* Lenoir et les musées des monuments français // Les lieux de mémoire. II. La Nation 2. Le Territoire. L'Etat. Le Patrimoine. Paris,1986. P. 497–531.

Kuklinova Irina A. Saint-Petersburg State University of Culture (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: i_kuklinova@mail.ru

DOI 10.17223/22220836/18/2

NATIONAL HERITAGE AND A MONUMENT: THE HISTORY OF CONCEPT IN FRENCH CULTURE OF THE XVIII CENTURY

Key words: national heritage, monument, the bourgeois revolution, destruction, preservation, list of national heritage, a public museum.

The article discusses the concept of periodization of the history of the formation of the heritage proposed in «Encyclopedic dictionary of Museology» (2011). Further, the author analyzes the opinion of French specialists in the history of heritage, conceptualized the first of the proposed stages – 1790–1794 years. This is the time when the term in the modern sense is born and begins to be used frequently in French.

It is alleged that French culture XVII–XVIII centuries replete with examples of the destruction of monuments of different eras, from antiquity to modern times. Separate initiatives linking the proposals to preserve monuments, relate primarily to the tasks of their descriptions and information about fixing them.

Considerable attention is paid to issues of destruction and conservation in the era of the French Revolution. To solve the problems of preservation of evidence of the past in this period produced a new attitude towards them. From now on they cease to be realized as the era of the old regime and are intended to provide aesthetic pleasure and enlightening purposes. Two institutions, generate a new context for the monuments of the past to become a public museum and a list of national heritage. To make recommendations for drawing up a list of national heritage in France in 1790 established the Commission for historical monuments. Despite the difficulties of an objective nature, in the early revolutionary years were created lists of monuments of many old French cities. In parallel with the work on the creation of a list of national heritage was a process of formation of the Museum of French monuments, dedicated to national history. The initiator of its creation was the artist A. Lenoir. The collection of the museum is the monuments of the French medieval sculpture. At that time, the monuments of medieval art would be considered only in terms of their value as historical sources, their artistic value is not detected. In this regard, the Museum of French Monuments regarded as the first in France dedicated a historical museum. In the Restoration period the museum was closed, indicating, according to the researchers, that works of art and objects confiscated during the revolution in the royal family, aristocrats and the church had to find its original location and function.

Thus, the revolutionary era, which brought a wave of destruction of monuments, first sharply raised the question of the need to protect the evidence of the past, which led to the beginning of understanding the concept of heritage in its modern interpretation.

УДК 303.446.22+37
DOI 10.17223/22220836/18/3

С.Б. Куликов, В.В. Лобанов

ПЕРСПЕКТИВЫ АКТУАЛИЗАЦИИ АНТИЧНЫХ ИДЕАЛОВ В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ¹

В статье предпринята попытка реактивации смыслов, составляющих основу античного наследия. Выясняются условия, при которых научные исследования могут быть интегрированы в культуру и образование. Рассматриваются варианты актуализации идеала гармоничного человека, способного построить научную теорию и воплотить её в жизнь. Статья оценивает перспективы разработки концептуальных оснований научно-педагогических исследований, которые соотносятся с поисками в области общего науковедения.

Ключевые слова: Античность, античное наследие, наука, трансформация образов науки, науковедение, общая теория образования.

Введение

Цель исследования – раскрыть новые возможности по реактивации античных смыслов, которые позволяют прояснить концептуальные основания педагогики и научно-педагогических исследований как варианта творческого взаимодействия сфер науки, культуры и образования в поле влияния современного социума. Актуальный характер достижения этой цели обусловлен особой важностью изысканий, направленных на разработку механизмов сохранения культурного наследия. Это позволяет надеяться на формирование особых структур социальной памяти, обеспечивающих преемственность развития общества. Исследование состоит из двух частей: прояснения общетеоретических аспектов понимания культурного наследия Античности и демонстрации перспектив реактивации античных смыслов.

Общетеоретические аспекты понимания античного наследия

Необходимо заметить, что изучение античного влияния на науку, культуру и образование дает возможность осветить две важные проблемные области современной действительности. Во-первых, наследие классической древности актуализирует выявление оснований для реконструкции связей между наукой и обществом с позиций «гармоничного человека» как успешной в основных сферах жизни общества личности. Во-вторых, опора на античное наследие позволяет самой науке и научному сообществу надеяться на создание особых методологических процедур. Данные процедуры, признаваемые как сторонниками технократизма, так и гуманитариями, откроют новые горизонты совершенствования системы образования.

Творческое взаимодействие науки, культуры и образования в едином проблемном поле подразумевает акцент исследовательского внимания на том, что современная наука становится всё более непонятной для вненаучных

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-10002).

сфер в обществе, а потому для выстраивания многообразных контактов с социумом она нуждается в посредничестве культуры и образования. Действительно, культура связана с идеалами и нормами, задающими каноны поведения и общения, в том числе научного, а образование – это система воспитания и обучения, которая участвует и в воспроизведстве социокультурных отношений, и в подготовке кадров для науки. При этом неоднородность идеалов и норм современной культуры затрудняет поиск общих оснований понимания науки, и необходимость решения данной задачи предъявляет новые требования к образовательной деятельности, а также к базовым концепциям, определяющим её основное содержание, субъектов, цели и средства.

Сложность ситуации усугубляется тем, что развитие науки сегодня порождает разрыв между традиционными установками на единообразие представлений науки и неизбежным многообразием интерпретаций науки в границах ее саморефлексии. Так, представители гуманитарных наук стремятся работать в рамках принципиально иных стандартов, нежели принятые в естествознании. Кроме того, наука как одна из основ современного общества порождает социальную среду, предполагает создание условий для получения и совершенствования специальных знаний для решения сугубо управленческих вопросов. Но современная наука, культура и образование воспринимаются обществом сквозь призму сложившихся в обществе стереотипов, в том числе фрагментарно воспроизводящихся в массовом сознании со времён Античности. Поэтому решению указанной задачи может помочь исследование влиятельных моментов античных идей в настоящее время.

Как известно, в центре античного мировоззрения находился человек, своими качествами и действиями всецело отображающий разумный порядок окружающего мира: числовые закономерности движения небесных тел, нормы справедливости как базис общества, уравновешенность рациональных и внерациональных начал как основа человеческой деятельности. Замещение в рамках современного мировоззрения гармонического идеала образчиками функционального разделения элементов привело к господству в современном обществе технократических идеалов и наполнению заведомо позитивным смыслом так называемых высоких технологий, которые в культурном плане имеют как минимум неоднозначное прочтение. Например, биомедицинские технологии обусловливают оправданность опасений общества в том, что существующий человеческий вид в принципе можно заменить альтернативным биологическим видом. В итоге неоднозначность идеалов, порождаемых современной наукой, инициирует также процессы разработки критериев для экспертизы результатов её деятельности, побуждая философов, культурологов и педагогов обратиться к интерпретации современных образов науки и их сравнению с традиционными гуманистическими идеалами классической древности. В этой связи необходимым видится и переосмысление принципов современной науки, культуры и образования в свете реактивации смысла античных идей, в частности, предполагающих понимание Истины, Красоты и Блага как базовых оснований собственно культурной, научной и образовательной деятельности.

Итак, исследование влияния античных идей на современную науку, культуру и образование позволит выявить базовые закономерности функционирования культуры и общества в их диахроническом и синхроническом срезах. Это даст возможность построить концептуальную модель, описывающую характер и процедуры экспертизы социокультурных эффектов развития науки, культуры и образования на основании античного наследия.

Перспективы реактивации античных смыслов в современной культуре

Необходимо всегда помнить, что наука – это дело, где, по словам Б. Спинозы, надо «не плакать, не смеяться, не проклинать, а понимать». В связи с этим в плане демонстрации перспектив реактивации смыслов, составляющих античное наследие, важно воссоздать исследовательскую ситуацию, которая, с одной стороны, демонстрировала бы влияние античных идеалов, а с другой – имела антропологическое измерение, ибо цель – понять, возможен ли гармоничный человек сегодня. Прекрасные возможности для достижения данной цели дает обращение к анализу закономерностей развития творческой биографии замечательного томского ученого – историка науки, философа и педагога В.А. Дмитриенко, к сожалению, очень рано ушедшего из жизни. В результате могут быть обновлены итоги более раннего исследования [1], а именно раскрыты отдельные аспекты проблематики судьбы философа в науке, основы для понимания которого были заложены еще в Античности Сократом, а развивались Платоном и Аристотелем.

Постановка задачи предполагает различие между философией и наукой и требует предварительного уточнения. Наука в своей основе – это система эмпирических знаний. Поясним это утверждение так, чтобы стала ясна позиция, согласно которой наука буквально опирается на знания, собранные эмпирическим путём. Эмпирические знания собираются в рамках исследовательской деятельности для выдвижения сообществом учёных некоторых теоретических обобщений и объяснений имеющихся фактов, а также предсказания новых фактов. Здесь мы следуем, хотя и со всей осторожностью, идее И. Канта о том, что «...во времени никакое наше знание не предшествует опыту, оно всегда начинается с опыта» [2. С. 53]. Осторожность в следовании идеям И. Канта требуется в связи с тем, что сам И. Кант полагал, что наука не должна ограничиваться сферой опыта. Вполне возможно построение научного знания, предмет которого составят исключительно суждения а priori [2. С. 53, 56–58]. Исследовательская практика XIX–XX вв. показала, что такое построение как минимум проблематично.

В то же время философия, которая и должна бы составить содержание априорного знания, как особый раздел науки, даже если и не способна в полной мере достигнуть такой цели, всегда может быть проинтерпретирована несколько иначе. Философия, во всяком случае в рамках традиции, идущей еще от мыслителей Древней Греции, есть не только (и не столько) знание, но также и высочайшее из искусств. Причем цель этого искусства совпадает не с собиранием знаний как таковых, но с правильным отнесением знаний к вопросам смерти и умирания [3. С. 10–11, 14]. Именно такие вопросы теснейшим образом связаны с проблематикой общего смысла бытия. Поэтому философ в науке – это не просто собиратель фактов и сис-

тематик, он всегда есть и мыслитель, который ставит своей целью постижение общего смысла бытия. Причем смысл бытия раскрывается в знаниях, собранных другими исследователями.

Методологическим базисом нашей работы выступает идея Э. Кассирера о том, что «самая главная характеристика человека, его отличительный признак – это не метафизическая или физическая природа, а его деятельность. Именно труд, система видов деятельности определяет область “человечности”» [4. С. 520]. Кроме того, Э. Кассирер предложил еще одну важную идею. Согласно этой идее целостный смысл любой деятельности раскрывается в рамках совокупности символических форм, что подразумевает складывание культурного мира в границах языка, мифа, религии, искусства, науки и истории [4. С. 520].

Итак, любая деятельность связана с некоторым символическим (культурным) оформлением. Под этим подразумевается, что выделение совокупности особых моментов обусловливает понимание сути выполняемых действий. Такие моменты неявно входят в состав деятельности, играют в отношении неё ключевую роль, но раскрываются лишь при детальном анализе. В итоге в некоторых словах, преданиях, убеждениях и других явлениях, первоначально кажущихся незначительными и потому малыми, содержится по смыслу нечто в действительности значимое и большое.

Выбранная методологическая позиция позволяет выявить в научных исследованиях В.А. Дмитриенко ключевые этапы его деятельности, символы исследовательского пути, раскрывающие моменты некоторого «овеществленного» единства собственных форм символов науки. Такое прочтение становится возможным в свете особой интерпретации понятия «символ», позволяя нам выполнить процедуру символизации исследований В.А. Дмитриенко. Данная интерпретация согласуется не только с идеями Э. Кассирера, но и вытекает из взглядов Ф.В. Шеллинга [5. С. 905, 1062], А.Ф. Лосева [6. С. 227; 7. С. 558] и целого ряда других мыслителей.

Уже установлено [8. С. 142–145], что В.А. Дмитриенко в ряде трудов выдвигал, во-первых, положение о том, что постановка задачи по разработке общей теории науки правомерна в рамках историко-философского исследования. Во-вторых, он утверждал, что общая теория науки имеет социальную, гносеологическую, прогностическую, внешнюю, внутреннюю, эвристическую и мировоззренческую функции. В-третьих, ученым подчеркивал, что целью общей теории науки выступает раскрытие законов и закономерностей, по которым развивается содержание (не форма!) научного знания. Наконец, в-четвертых, был сделан вывод, что общая теория науки есть особый раздел знаний, отношение которого к философии аналогично тому, как любые другие прикладные дисциплины относятся к фундаментальным дисциплинам [9–11]. Актуальность мыслей В.А. Дмитриенко в значительной мере сохраняется, несмотря на существенную дистанцию во времени, которая отделяет их получение от современных разработок, ибо до сих пор установить внутреннее единство оснований в рамках теоретического науковедения так и не удалось [12. С. 30]. Однако раскрытие концептуальных основ науковедения в работах В.А. Дмитриенко представляет собой важный этап на пути к выходу из данной проблемной ситуации, что совпадает с демонстрацией возможности об-

наружения интегративного образа науки, который восходит к античным принципам единства знаний. В современных условиях такой образ науки мог бы служить целям изучения и регламентации научно-исследовательского процесса. Относительная самостоятельность науки в рамках социума (доказанная, а не декларативная!) имеет чрезвычайно важные следствия. В частности, становятся вполне оправданными идеи о статусе законов, по которым функционирует наука. Существенной характеристикой законов является их относительная независимость от комплекса законов, по которым развивается общество в целом. В упрощенном виде все это выглядит так, что наука становится социальной средой, в рамках которой не только не требуется, но и оказывается напрямую вредным («незаконным») вмешательство каких-либо иных членов общества, нежели самих учёных.

Идеи, выдвинутые В.А. Дмитриенко в русле реактивации смыслов, составляющих основу античного наследия, во многом актуальны и в наши дни. Особенно это касается концептуальных оснований научно-педагогических исследований. Так, в процессе модернизации высшего образования все еще дискуссионным является включение гуманитарной составляющей в процессы подготовки инженерно-технических кадров. В 90-е гг. XX столетия в ряде технических вузов России были созданы гуманитарные факультеты. В то же время со стороны управлеченческих структур вызывает серьёзные вопросы уровень экономической эффективности гуманитарных НИИ и вузов. Представители гуманитарного знания в целом вынуждены оправдываться и пояснять причины, по которым гуманитарные дисциплины не дают быстрых результатов.

Осознание необходимости поставить вопросы относительно концептуальных оснований научно-педагогических исследований вылилось в середине 2000-х гг. в обращение В.А. Дмитриенко и его учениками особого исследовательского внимания на целый ряд негативных тенденций в сфере образования. Активизация разработок в области фундаментальных проблем образования, в частности, позволила затронуть вопросы перспектив социально-философского анализа формирования научно-образовательных структур [13]. В целях разработки релевантных методологических средств, которые могли бы служить основой для построения структур элитного образования, обсуждались отношения педагогических концепций и утопических проектов [14–15]. К сожалению, эту часть своего славного пути В.А. Дмитриенко завершить в полной мере не успел, уйдя из жизни в начале 2011 г.

Видимо, такова судьба большого ученого – проложить путь другим, но самому не пройти по нему до конца. Вполне вероятно, что сегодня В.А. Дмитриенко пришёл бы к выводу о том, что образовательная деятельность нуждается в радикальной перестройке, начинающейся с прояснения статуса педагогики. Если педагогика – это вид научного знания, то результаты педагогических изысканий могут быть положены в основу образовательных технологий. Но если считать педагогику разновидностью искусства, то технологизация образовательной деятельности принципиально затруднена. Согласно воспоминаниям современников профессор В.А. Дмитриенко не раз с сожалением подчёркивал, что в наши дни даже самый выдающийся учёный не имеет права произвольно решить, какой курс ему прочитать студентам, –

этого не позволяют жесткие рамки учебного плана и программ. Подобное ограничение было немыслимым в эпоху Сократа, Платона, Аристотеля, которые хотя и не выдавали государственных дипломов, но образование всё-таки предлагали неплохое. В.А. Дмитриенко обосновывал саму необходимость опоры на личное видение учёного в плане выбора содержания образования, предполагая преодоление фундаментальной *бесцельности* нынешнего образования, где итоговые документы фиксируют скорее формальное завершение ступени образования, чем получение человеком качественного результата, меняющего его личность.

Фундаментальная проблема современной прикладной педагогики – неясность, неопределенность цели образовательного процесса. Ни государство, ни общество пока не предложили педагогам, учителям и преподавателям модель человека, выступающую ориентиром образования и воспитания, хотя на протяжении истории существовали и были внедрены в жизнь самые различные модели – таковы идеалы Античности (гармоничный человек), идеалы советские (строитель коммунизма), а также многообразные религиозные картины мира. Однако Россия – это светское государство, в котором чрезмерно общая законодательная фиксация возможностей для становления образованного человека выглядит проявлением не свободы, а дефицитом основополагающей стержневой мысли. В этом контексте имеющиеся воспитательные интенции принципиально противоречивы. Так, формирование коллективистов в условиях рыночной экономики и жесткой конкуренции аморально по отношению к детям, которые не смогут встроиться в «безжалостное» карьерное общество. Напротив, воспитание «чистых» индивидуалистов может разрушить страну как государственное образование. В свою очередь, поиски баланса возможны только при наличии цели как относительно чёткого образа некоего воспитательного результата.

Возникает вопрос, можно ли вообще оценить результативность деятельности, не имеющей цели? Принято считать, что педагогические исследования не оказывают позитивного влияния на реальную школу, а система образования занимается ведением отчётности и поддержанием процесса своего функционирования; ребёнок же уходит на третий план. Иными словами, при отсутствии чёткого образа *результата* смыслом образования закономерно становится *процесс*. В итоге десятилетнее пребывание в школе для детей редуцировалось к прикладной цели «сдать ЕГЭ», что отражает истинное положение дел, но при этом констатирует чрезвычайную неэффективность расходования времени учащихся. Известно, что для подготовки к ЕГЭ лучше подходят формы образования, при которых пребывание в школе часто становится избыточным: многие подростки прогуливают уроки, но ходят к репетиторам. С позиций античной классики такая ситуация недопустима, ибо для античного человека подобное – абсурд. В современности же существующая де-факто и усиливающаяся инвариантность образования на фоне неопределенности его цели выступает насилием над любой личностью, желающей найти в данном процессе собственные смыслы, а потерпев неудачу – пополняющей стройные ряды детей, ненавидящих школу. Представляется, что и в этом опыте Античности, а именно сакрального характера процедур приобщения к знанию, стал

бы чрезвычайно востребованным на уровне педагогики, причем как научного знания, так и в практической деятельности.

Заключение

Главным итогом проведенных исследований выступает осознание факта, что и в современных условиях вполне возможно соответствие действий человека идеалу гармонического развития личности, основы которого были заложены в Античности. Сопоставление некоторых моментов изысканий в поле общего науковедения и общей теории образования показывает, что и в современных условиях личность способна не только выдвинуть фундаментальную теорию, но и предложить эффективные варианты ее воплощения в жизнь. Именно так и работает культурное наследие Античности в поле концептуального обоснования общенаучных и научно-педагогических исследований – служит своего рода путеводной звездой, хотя само оно достаточно давно уже является только историческим фактом ушедшей от нас эпохи.

Литература

1. Куликов С.Б. Валерий Александрович Дмитриенко: значение методологических исследований для философии науки и науковедения // Вестн. Том. гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2007. Вып. 11 (74). С. 112–114.
2. Кант И. Критика чистого разума. М. : Наука, 1999. 653 с.
3. Платон. Федон, Федр, Парменид. М. : Мысль, 1999. 528 с.
4. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М. : Гардарика, 1998. 784 с.
5. Шеллинг Ф.В. Сочинения. М. : Мысль, 1998. 1664 с.
6. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Последние века. Харьков : Фолио; Москва : АСТ, 2000. Кн. 1. 512 с.
7. Лосев А.Ф. История античной эстетики : Итоги тысячелетнего развития. Харьков : Фолио; Москва : АСТ, 2000. Кн. 1. 832 с.
8. Куликов С.Б. Вопросы становления предметной и проблемной области философии науки. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2005. 200 с.
9. Дмитриенко В.А. О содержании понятия «наука» и ее относительной самостоятельности // Вопр. методологии и логики наук. Томск, 1966. Вып. 3. С. 22–30. (Учен. зап. Том. гос. ун-та. 1966. № 64).
10. Дмитриенко В.А. Основы общей теории науки (методологические проблемы науковедения) : дис. ... д-ра филос. наук. Томск, 1975. 440 с.
11. Дмитриенко В.А. Методологические проблемы науковедения. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. 175 с.
12. Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки / под ред. А.Л. Аллахвердяна, Н.Н. Семеновой, А.В. Юревича. М.: Логос, 2005. 308 с.
13. Дмитриенко В.А. Социально-философские основания формирования научно-образовательных структур / В.А. Дмитриенко, С.Б. Куликов // Вестн. Том. гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2009. Вып. 8 (86). С. 150–153.
14. Мелик-Гайказян И.В. Методология моделирования структур элитного образования // Высшее образование в России. 2006. № 11. С. 57–75.
15. Дмитриенко В.А. О современном этапе и перспективах развития кафедры философии и теории образования ТГПУ // Междунар. конф. «Проблемы формирования и развития философской и педагогической культуры специалиста» / под ред. В.А. Дмитриенко, А.А. Степанова. Томск, 2004. С. 5–10.

Kulikov Sergey B., Lobanov Viktor V. Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation. E-mail: kulikovsb@tspu.edu.ru; danvelur@rambler.ru

DOI 10.17223/22220836/18/3

PROSPECTS OF ANTIQUE LEGACY ACTUALIZATION IN THE SCIENCE AND EDUCATION

Key words: antiquity, antique legacy, science, transformation of images of science, science of science, pedagogics, general theory of education.

An article attempts to reactivate the antique legacy. Authors make clear the conditions of integration of scientific studies into culture and education. It's considered the options of updating of an ideal of the harmonious person capable to construct the scientific theory and to realize it. Article estimates prospects of development of the conceptual bases of scientific and pedagogical researches which correspond to searches in the field of the general science of science.

Authors make a conclusion about the general destiny of the philosopher in science. That destiny links with making a way for another people. So, the modern ways of educational activity need radical reorganization. And it is necessary to begin with clearing of the status of pedagogic and specification of meaning of this concept. It is important to understand what the object which corresponds with that concept is. If the pedagogic is a type of scientific knowledge then pedagogical researches can be based on educational technologies. But if the pedagogic is a version of art then it is essentially complicated to elaborate a technology on the base of researching of educational activity.

The main result of the conducted researches is declaring of opportunity that even in modern conditions is quite possible the coherence of actions of the person with an ideal of harmonious development which was founded in antiquity. Comparison of some moments of researches in the field of the general science of science and in the general theory of education is shown how in modern conditions the personality is capable not only to put forward the fundamental theory but also to offer effective options of its embodiment in life. So, the cultural legacy of antiquity works as some kind of guiding star though it's already only a historic fact nowadays.

References

1. Kulikov S.B. Valeriy Aleksandrovich Dmitrienko: znachenie metodologicheskikh issledovaniy dlya filosofii nauki i naukovedeniya // Vestn. Tomskogo gos. ped. un-ta (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2007. Vyip. 11 (74). S. 112–114.
2. Kant I. Kritika chistogo razuma. M. : Nauka, 1999. 653 s.
3. Platon. Fedon, Fedr, Pir, Parmenid. M. : Myisl, 1999. 528 s.
4. Kassirer E. Izbrannoe. Opyit o cheloveke. M. : Gardarika, 1998. 784 s.
5. Shelling F.V. Sochineniya. M. : Myisl, 1998. 1664 s.
6. Losev A.F. Iстория античной эстетики. Последние века. Harkov : Folio; M.: AST, 2000. Kn. 1. 512 s.
7. Losev A.F. Iстория античной эстетики. Итогитысячелетнего развития. Harkov : Folio; M.: AST, 2000. Kn. 1. 832 s.
8. Kulikov S.B. Voprosy stanovleniya predmetnoi i problemnoi oblasti filosofii nauki. Tomsk : Izdatelstvo TGPU, 2005. 200 s.
9. Dmitrienko V.A. O soderzhanii ponyatiya «nauka» i ee otносitelnoi samostoyatelnosti // Voprosy metodologii i logiki nauk. Tomsk, 1966. (Uch. zap. TGU. 1966. # 64). Vyip. 3. S. 22–30.
10. Dmitrienko V.A. Osnovy obschey teorii nauki (metodologicheskie problemyi naukovedeniya) : dis. ... d-ra filos. nauk. Tomsk, 1975. 440 s.
11. Dmitrienko V.A. Metodologicheskie problemyi naukovedeniya. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1977. 175 s.
12. Naukovedenie i novye tendentsii v razvitiu rossiyskoy nauki / pod red. A.L. Allahverdyana, N.N. Semenovoy, A.V. Yurevicha. M.: Logos, 2005. 308 s.
13. Dmitrienko V.A. Sotsialno-filosofskie osnovaniya formirovaniya nauchno-obrazovatelnyih struktur / V.A. Dmitrienko, S.B. Kulikov // Vestn. Tomskogo gos. ped. un-ta (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2009. Vyip. 8 (86). S. 150–153.
14. Melik-Gaykazyan L.V. Metodologiya modelirovaniya struktur elitnogo obrazovaniya // Vyishee obrazovanie v Rossii. 2006. # 11. S. 57–75.
15. Dmitrienko V.A. O sovremennoi etape i perspektivakh razvitiya kafedry filosofii i teorii obrazovaniya TGPU // Mezhdunar. konf. «Problemyi formirovaniya i razvitiya filosofskoy i pedagogicheskoy kultury spetsialista» / pod red. V.A. Dmitrienko, A.A. Stepanova. Tomsk, 2004. S. 5–10.

УДК 02.51.25; 02.41.41
DOI 10.17223/22220836/18/4

Г.И. Петрова

СОВРЕМЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ: СОХРАНЕНИЕ КЛАССИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ И ВОЗМОЖНОСТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ¹

Статья ставит вопрос о трансформациях современного университета, которые, с одной стороны, являются сегодня необходимыми как ответ на вызовы новой социокультурной реальности, с другой – могут изменить его традиционную – научно-образовательную – идею и миссию, если будут осуществляться без рефлексивного внимания к границам происходящих изменений. Гипотетическое решение проблемного противоречия состоит в том, что названные границы следует искать в универсальной этике, которая дает принципы построения этики прикладной, в нашем случае – университетской этики.

Ключевые слова: университет, принцип преемственности, культура, университетская этика.

Чтобы вести разговор относительно границ трансформаций, которые сегодня осуществляются в классическом университете, необходимо иметь в виду общеметодологические и философские представления о понятийном аппарате, в рамках которого можно исследовать обозначенную в названии статьи проблему. Поскольку университет является собой научно-образовательный (в классическом, традиционном понимании) социальный институт, то он располагается в пространстве культуры, и в первую очередь культуры духовной. Материальная культура задействована здесь в качестве фактора, обеспечивающего его существование, главным образом, в плане финансирования. Поэтому понятийный аппарат, связанный с раскрытием сущностной специфики, Идеи и Миссии университета в обществе, лежит в области преимущественно духовной культуры, хотя, конечно, начать следует с общего понятия культуры. Необходимыми могут быть и такие категории, как классическая и неклассическая культура, наследование и преемственность, традиция и инновация, трансформация и сохранение и пр. Сквозь призму этих категорий можно исследовать поставленную проблему.

В аспекте этой проблемы культура представляет интерес в её двухуровневой структуре. С одной стороны, культура – это система традиционных ценностей. В таком аспекте культура определяется (Ю. Лотман) в следующих характеристиках: локальная, традиционная, стабильная, постепенно адаптирующаяся в ходе истории новые образования. Её механизмом развития является традиция, которая выполняет функцию традиирования, переноса одних и тех же ценностей с одного этапа социального развития на этап следующий. Это и способствует её стабильности и «музейной», т.е. навечно определённой, оформленности. Содержанием традиционной культуры

---

¹ Публикация поддержана грантом РГНФ № 14-13-70004 «Корпоративная культура классического университета: роль в формировании профессиональной и личностной идентичности выпускника».

ры являются устойчивые и вечные общечеловеческие ценности. Они фиксируются в этических и правовых нормах, эстетических канонах, национальных идеалах и образцах, религиозных доктринах – во всём, что обуславливает поведение человека, его связи в обществе, профессиональную и трудовую этику [1]. С другой стороны, такое понимание культуры дополняется её второй структурной составляющей – цивилизацией [1], собирающей инновационные ценности, которые появляются как ответ на вызовы времени и зависят от конкретной ситуации. Инновации создают условия постоянного и бесконечного развития культуры вслед за социально-историческим движением. Являясь механизмом развития культуры, они обеспечивают культурную динамику и как следствие – культурную неустойчивость.

Видение культуры в данном аспекте позволяет в её истории обозначить два этапа: этап фундаментальной, традиционной классики (классическая культура – от Античности до конца XIX в.) и этап современный (неклассический, полагающий её «текучесть» [2], нестабильность, постоянные изменения), который получил название постсовременной или постмодернистской культуры. Отличие этих этапов состоит в характере развития, когда его механизмом является либо традиция (на первом этапе), либо инновация (на втором этапе). Устойчивая семиосфера Ю.М. Лотмана [3] может представлять культурную традиционность и стабильность. Знаковая же культура информационного общества с её быстро меняющимися брендами, рекламной, имиджевой актуализацией, PR-методами и пр. есть явное выражение специфики современного цивилизационного развития.

Университет, оказавшись в наше время в пространстве постсовременной культуры, перенимает на себя её характеристики, что заставляет его в отличие от классического университета прошлых веков находиться в ситуации постоянных изменений и всё новых презентаций. Сегодня это является собой как эмпирическая очевидность, а та культурная составляющая, которая связана с устойчивостью, традиционностью и классичностью университета, оказалась менее наглядной.

Это в первую очередь связано с принципиальными изменениями, которые произошли в Идее университета, сформулированной в классическое время В. фон Гумбольдтом для эмблематического определения университетской сущности. Дж. Ньюмен и В. Гумбольдт в качестве Идеи университета назвали Знание и Истину. Они увидели университет в его образовательной Миссии и назначении возводить человека к фундаментальному и чистому знанию, не нагруженному его прикладными, практическими характеристиками. Это был Просвещенческий проект образования, утверждающий высоту и аристократизм культуры. Основоположников университетской классики университет интересовал в его служении культуре. В научном знании и познании вечной, устойчивой и абсолютной истины, т.е. в чисто гносеологическом плане, была увидена его Миссия.

Однако постоянство трансформаций университета в современной неустойчивой культуре – в культуре как цивилизации – связано с принципиальными цивилизационными изменениями, которые произошли в знании как его традиционной Идее. Знание и Истина сегодня не являются собой только в фундаментальном гносеологическом аспекте, но входят в социально-экономи-

ческий план существования общества, что обнаруживается в приобретении ими стоимостных, т.е. товарных, характеристик. Общество потребления позволяет социальности и культуре быть трансформируемыми («текущая современность» [2]), и университету, ранее считавшемуся Храмом чистого познания, предоставляется возможность (которая соблазняет его) продавать образование и результаты своих научных исследований. Университетское образование хотело бы рассматривать себя образовательной услугой.

Не возникает ли в этом случае угроза трансформации университета в рыночную организацию, в её современный тренд – в экономическую корпорацию?

Этот вопрос встает в связи с наблюдениями за тем, как сегодня реализуется принцип развития университетской культуры, всегда базирующейся на единстве наследования (традиционной преемственности) и инновационной восприимчивости. Эмпирические наблюдения и их теоретическое обоснование в литературе (не всегда, но всё же в большом объёме такая литература имеется) позволяют констатировать, что существует напряжение в решении вопроса о соотношении возможных трансформаций университета и необходимости сохранения его традиционных классических характеристик – соблюдения, прежде всего, его Идеи, полагающей высокую культуру Истины и Знания.

Безусловно, трансформации современного университета являются ответом на новые социальные требования информационной постсовременной эпохи (о чём говорят многие исследователи – М. Барбер, К. Донелли, М. Ризви [4], Б. Ридингс [5], А.М. Бейзмайер [6], Ф. Вебстер [7] и др.), и потому они необходимы. Их результатом предполагается создание университета, релевантного современности. В отличие от его классической модели он становится неклассическим [8]. Возникновение новых университетских форм и моделей (исследовательский, корпоративный, предпринимательский, профессиональный, университет-технополис и пр.) свидетельствует о происходящих трансформационных процессах. При всём различии новых форм университета в них есть общее – они хотят вписаться в новую рыночную ситуацию, отходят от баланса традиций и инноваций, единства культурных и цивилизационных характеристик. Таков их современный ответ на новую социокультурную ситуацию. Он, следует повторить, необходим. Однако нельзя не заметить в этом процессе несоблюдение указанного баланса культурных и цивилизационных изменений. Поэтому встаёт вопрос о границах трансформации, т.е. о единстве принципа развития – о сохранении классического наследия при одновременном принятии инновационных характеристик, диктуемых современностью (постсовременностью).

Угроза трансформации университета в экономическую корпорацию связана с изменением его культурной базы, когда высокая профессиональная – профессорская – культура дополнилась вошедшей в университет культурой корпоративной. Последняя вносит в университет цивилизационные – экономические – характеристики, которые трансформируют его традиционные классические основания. Именно эта трансформация таит в себе опасность превращения университета из научно-образовательного социального института в экономическую корпорацию. На это обращают внимание в своих теоретических исследованиях современные российские философы Н.Б. Москви-

на [9. С. 36–42], Н.Х. Розов [10. С. 26–35], Е.А. Рузанкина [11. С. 29–33], О.В. Зиневич [12. С. 37–43], В. Сенашенко [13. С. 99] и другие. Беспокоит же, однако, то, что в практике модернизационной работы этому вопросу не придаётся серьёзного внимания. Считается, что университет – априори образовательное учреждение, и потому его априорная сущность ни при каких условиях не исчезнет [14. С. 35–63].

Анализ литературы по проблеме (или близкой к ней) границ трансформаций и соблюдении баланса культурной преемственности и изменчивости позволяет сделать вывод о том, что поиски этих границ необходимо осуществлять в области этики. Эта мысль прослеживается, например, в учебном пособии В.И. Бакштановского «Университетская этика» [15]. О необходимости в таком ракурсе рассматривать проблему определения границ трансформации говорится и в проекте Декларации для государств – участников СНГ «Об этических принципах научной деятельности», подготовленном Р.Г. Апресяном, О.И. Кубарем, Б.Г. Юдиным [16]. Какие возможности имеет этика в сохранении классического наследия университета при его современных трансформациях?

Любая профессиональная деятельность характеризуется определённой нормативно-ценостной системой. Классический университет в качестве такой всегда имел классические критерии (в формулировке В. Гумбольдта), которые исходили из традиционных национальных ценностей, характерных для базовой университетской культуры, и из специфики высокой профессии – профессорско-преподавательской деятельности. Однако современный университет пребывает в иной культурной ситуации, когда в его базовое культурное пространство входит экономическая коммерческая деятельность, которая требует собственного оформления в корпоративной культуре. Профессорская высокая культура, оказалось, сегодня сосуществует с культурой корпоративной. Две системы этических ценностей – профессорская и корпоративная – составляют морально-ценостную базу современного университета. Между ними – моральное напряжение, обусловленное принципиальным различием между экономической коммерческой деятельностью во имя прибыли и деятельностью высокого творческого служения, основанного на духовном призвании. Если профессиональная культура характеризуется направленностью на подготовку профессиональной квалификации, то корпоративная предназначена для организации материального финансирования университета и выполнения управленчески-регулятивной функции. Как возможно (и возможно ли) их единство, если миссия университетского служения трансформируется в этику «делового предприятия», а «служение» превращается в «службу» [15. С. 16]? Образование же в этом случае становится «образовательной услугой», которая может продаваться и, соответственно, покупаться.

Таким образом, сохранение классического университета в цивилизационных условиях современности, соблюдение принципа преемственности и изменчивости связано с этической проблематикой. Со спецификой современного университета – его базированием на двух культурах – невозможно не считаться. Однако нельзя не задать вопрос относительно того, какая из этих культур сохраняет университет как образовательное и научное учреждение?

Вопрос, конечно, риторический. Усложнённая структура университетской культуры теперь не может базироваться на едином этическом архе, в связи с чем трудным оказывается ответ на вопрос относительно этической проблематики в современном университете: что есть добро, зло, справедливость, ответственность и пр. В каждой составляющей культуры университета – свой ответ на поднимаемые вопросы.

Действительно, корпоративная культура университета даёт ему экономическую идентификацию, полагает его субъектом экономической деятельности, использующим товарные понятия услуги, предмета потребления, стоимостных характеристик знания и образования и пр. Но правомочны ли подобные аналогии? По поводу образования как предмета потребления и, следовательно, услуги рассуждают Н.В. Игнатов и А.П. Никитин в статье «Образование как предмет потребления». Авторы считают, что любой предмет потребления обязательно должен обладать следующими признаками: быть полезным результатом затраченного труда, способным удовлетворять человеческие потребности и иметь ликвидную стоимость [17. С. 82]. Формально образование обладает всеми названными характеристиками, и потому, кажется, допустимо рассматривать его в качестве товара, который можно продавать как потребляемую услугу. Но образовательная услуга (в данном месте Н.В. Игнатов и А.П. Никитин ссылаются на М. Вебера) вовсе не похожа на ту, которая свойственна, допустим, парикмахеру или продавцу капусты: в ней заключена ценностная – нормативная и этическая – сторона образовательной деятельности. Образованию присущи ценостные характеристики: оно, во-первых, есть идеальная услуга, во-вторых, предназначено для формирования и удовлетворения духовных потребностей. Нельзя не сказать и о том, что (в-третьих) деятельности учителя, преподавателя, профессора присущ не только материальный, но и сакральный смысл сохранения и порождения культуры, который реализуется при любых, даже самых непригодных условиях и отношениях к нему со стороны ли ученика или даже со стороны государства. Этот смысл невозможно измерить стоимостными и товарными характеристиками. Но в таком случае образование не может быть и услугой, равной тем, что рассматриваются в экономической науке.

Корпоративная этика, базирующаяся на этике коммерции и предпринимательства, – это прерогатива современности, ответ университета новой эпохи, инновационная составляющая университетской культуры. Но чтобы университет, трансформируясь, всё же остался университетом, необходимо во встрече двух культур – корпоративной и профессиональной – отдать предпочтение профессорской этике и профессиональной культуре. Только в этих условиях становится возможной реализация принципа преемственности и изменчивости в развитии университета, что предотвращает возможность его превращения в экономическую корпорацию.

Литература

1. Кузнецов В.Г. Философия / В.Г. Кузнецова, В.В. Миронов и др. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alleng.ru/d/phil/phil026.htm> (дата обращения: 26.04.2015).
2. Бауман З. Текущая современность [Электронный ресурс]. URL: http://vk.com/doc14723184_241843019?hash=bae9a6c49fec899514&dl=97dc32df6d04a0ccfb (дата обращения: 26.04.2015).

3. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и топологии культуры [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Lotm/01.php (дата обращения: 26.04.2015).
4. Barber M. An avalanche is coming. Higher education and the revolution ahead / M. Barber, K. Donnelly, S. Rizvi March [Электронный ресурс]. URL: http://www.ippr.org/assets/media/images/media/files/publication/2013/03/avalanche-is-coming_Mar2013_10432/pdf (дата обращения: 08.02.2015).
5. Ридингс Б. Университет в руинах / пер. с англ. А.М. Корбута; под общ. ред. М.А. Гусаковского. Минск : БГУ, 2009. 304 с.
6. Bathmaker A.M. The Expansion of Higher Education: A Consideration of Control, Funding and Quality IN Bartlett, S. and Burton, D. (eds) Education Studies. Essential Issues, London : Sage, P. 169–189. URL: http://eprints.uwe.ac.uk/131/2/Bathmaker_-the_expansion_of_higher_education_chapter_prepub.pdf (дата обращения: 04.02.2015).
7. Webster F. The Postmodern University, Research and Media Studies [Электронный ресурс]. URL: <http://cjms.fims.uwo.ca/issues/07-01/Frank%20Webster.pdf> (дата обращения: 04.02.2015).
8. Петрова Г.И. Классический университет в неклассическое время. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 164 с.
9. Москвина Н.Б. Профессиональная деятельность преподавателя вуза : проблема разрушения смыслов // Высшее образование в России. 2014. № 12. С. 36–42.
10. Розов Н.Х. Преподаватель – профессия на все времена // Высшее образование в России. 2014. № 12. С. 26–32.
11. Рузанкина Е.А. Трансформация роли университета в свете концепции науки второго рода // Академическая наука и высшее образование в современном российском обществе: материалы и тез. круглого стола, Новосибирск, 12 марта 2014 г. Новосибирск, 2014.
12. Зиневич О.В. Университет как научный и социальный институт в современном российском обществе / О.В. Зиневич, Е.А. Рузанкина // Высшее образование в России, 2014. № 7. С. 37–43.
13. Сенашенко В. Выступление на круглом столе «О готовности вузов к «переходу» // Высшее образование в России. 2011. № 3. С. 96–120.
14. Круглый стол «Идея университета : вызовы современной эпохи // Высшее образование в России. 2012. № 7. С. 35–63.
15. Бакштановский В.И. Университетская этика : Прикладная этика : Инновационный курс для магистр(ант)ов и профессоров. Ч. 3 : учеб. пособие. Тюмень : НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2014. 242 с.
16. Апресян Р.Г. Об этических принципах научной деятельности : аналит. обзор и проект Декларации для государств – участников СНГ / Р.Г. Апресян, О.И. Кубарь, Б.Г. Юдин. СПб. : Изд-во НИИЭМ им. Пастера, 2011. 65 с.
17. Игнатов Н.В. Образование как предмет потребления / Н.В. Игнатов, А.П. Никитин // Идеи и идеалы. Философия. Экономика. Социология. Педагогика. Культурология. Искусствоведение. 2014. № 1(19). Т. 2. С. 81–89.

Petrova Galina I. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: seminar_2008@mail.ru. DOI 10.17223/22220836/18/4

PRESERVATION OF THE CLASSICAL HERITAGE AND OPPORTUNITY OF TRANSFORMATIONS IN THE MODERN UNIVERSITY

Key words: Classic University, the principle of continuity, culture, university ethics.

The problem of article is the next. It is necessary to solve the contradiction what was seen into development of the modern university. On the one hand the modern university fixes specific of its conditions and it is transformed. On the other hand a danger is hidden in these transformations. This danger is the loss its functions (Mission and its idea). Its Mission is to be the social institute of enlightenment and its Idea is an education. An inclusion of innovations is the danger for modern university so it can be transformed into economic organization. Called contradiction is resolved by principle of development what can be formulated the next. The development any social institution (university, including) is realized, when classical traditional heritage is preserved and innovations are included simultaneously. These innovations should be relevant to the historical stage. This means that a balance must be preserved between traditions which act as a mechanism of social development for stable structures and innovations that are the mechanism of dynamic social structures.

The solve of this contradiction is actual for modern university because this danger is hidden here. This danger is the next. The university can turn into economic corporation. Therefore the question of the borders for transformations arises into the modern university.

The author made the conclusion about the borders of transformations. He consider that the borders of transformations lie into Ethics. Conservation of the ethics of the University there is a limit of the transformations of classical University because it loses its essence (idea) and specific functions in society otherwise.

References

1. Kuznetsov V.G. Filosofiya / V.G. Kuznetsova, V.V. Mironov i dr. [Elektronnyiy resurs]. URL: <http://www.alleng.ru/d/phil/phil026.htm> (data obrascheniya: 26.04.2015).
2. Bauman Z. Tekuchaya sovremenost [Elektronnyiy resurs]. URL: http://vk.com/doc14723184_241843019?hash=bae9a6c49fec899514&dl=97dc32df6d04a0ccfb (data obrascheniya: 26.04.2015).
3. Lotman Yu.M. Stati po semiotike i topologii kulturyi [Elektronnyiy resurs]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Lotm/01.php (data obrascheniya: 26.04.2015).
4. Barber M. An avalanche is coming. Higher education and the revolution ahead / M. Barber, K. Donnelly, S. Rizvi March [Elektronnyiy resurs]. URL: http://www/ippri/ org/assets/media/ images/media/files/publication|2013|03|avalanche-is-coming_Mar2013_10432/pdf (data obrascheniya: 08.02.2015).
5. Ridings B. Universitet v ruinah / per. s angl. A.M. Korbuta; pod obsch. red. M.A. Gusakovskogo, Minsk : BGU, 2009. 304 s.
6. Bathmaker A.M. The Expansion of Higher Education: A Consideration of Control, Funding and Quality IN Bartlett, S. and Burton, D. (eds) Education Studies. Essential Issues, London : Sage, R. 169–189. URL: http://eprints.uwe.ac.uk/131/2/Bathmaker_-the_expansion_of_higher_education_chapter_prepub.pdf (data obrascheniya: 04.02.2015).
7. Webster F. The Postmodern University, Research and Media Studies [Elektron.resurs]. URL: <http://cjms.fims.uwo.ca/issues/07-01/Frank Webster.pdf> (data obrascheniya: 04.02.2015).
8. Petrova G.I. Klassicheskiy universitet v neklassicheskoe vremya. Tomsk : Izd-vo TGU, 2010. 164 s.
9. Moskvina N.B. Professionalnaya deyatelnost prepodavatelya vuza : problema razrusheniya smyslova // Vyisshee obrazovanie v Rossii. 2014. № 12. S. 36–42.
10. Rozov N.H. Prepodavatel – professiya na vse vremena // Vyisshee obrazovanie v Rossii. 2014. # 12. S. 26–32.
11. Ruzankina E.A. Transformatsiya roli universiteta v svete kontseptsiyi nauki vtorogo roda // Akademicheskaya nauka i vyishee obrazovanie v sovremennom rossiyiskom obschestve: materialy i tez. kruglogo stola, Novosibirsk, 12 marta 2014 g. Novosibirsk : Izd-vo NGTU, 2014.
12. Zinevich O.V. Universitet kak nauchnyiy i sotsialnyiy institut v sovremenном rossiyiskom obchestve / O.V. Zinevich, E.A. Ruzankina // Vyisshee obrazovanie v Rossii. 2014. № 7. S. 37–43.
13. Senashenko V. Vyistuplenie na krugлом stole «O gotovnosti vuzov k «perehodu» // Vyisshee obrazovanie v Rossii. 2011. № 3. S. 96–120.
14. Kruglyiy stol «Ideya universiteta : vyizovyi sovremennoy epohi // Vyisshee obrazovanie v Rossii. 2012. # 7. S. 35–63.
15. Bakshtanovskiy V.I. Universitetskaya etika : Prikladnaya etika : Innovatsionnyiy kurs dlya magistr(ant)ov i professorov. Ch. 3 : uchebnoe posobie. Tyumen : NII prikladnoy etiki TyumGNGU, 2014. 242 s.
16. Apresyan R.G. Ob eticheskikh printsipakh nauchnoy deyatelnosti : analit. obzor i proekt Deklaratsii dlya gosudarstv – uchastnikov SNG / R.G. Aprsyany, O.I. Kubar, B.G. Yudin. SPb. : Izd-vo NIIEM im. Pastera, 2011. 65 s.
17. Ignatov N.V. Obrazovanie kak predmet potrebleniya / N.V. Ignatov, A.P. Nikitin // Idei i idealy. Filosofiya. Ekonomika. Sotsiologiya. Pedagogika. Kulturologiya. Iskusstvovedenie. 2014. # 1(19). T. 2. S. 81–89.

УДК 94/99 (460)
DOI 10.17223/22220836/18/5

О.А. Жеравина

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ГОРОДА ИСПАНИИ КАК ОБЪЕКТЫ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

В статье рассматриваются Саламанка и Алькала-де-Энарес – старинные университетские города, входящие в список мирового культурного наследия, анализируются характерные особенности их университетов.

Ключевые слова: университетский город, Саламанка, Алькала-де-Энарес, испанские университеты, культурное наследие.

Испания занимает третье место по количеству объектов, включенных ЮНЕСКО в список мирового культурного наследия. Испания также относится к странам с наибольшим числом городов, находящихся в данном списке.

В числе пятнадцати испанских городов, имеющих статус исторических и являющихся частью мирового культурного наследия, есть два старинных университетских центра – Саламанка и Алькала-де-Энарес.

Испания принадлежит к числу европейских государств, обладающих богатым историко-культурным университетским наследием. Уже к Новому времени в стране существовало более 30 университетов, среди которых к наиболее престижным относились действующие и поныне Саламанкский университет, университеты Вальядолида, Алькала-де-Энарес (Алькала), Севильи, Гранады, Сантьяго-де-Компостела и ряд других.

Основанный в начале XIII в. в кастильской Саламанке университет входит в когорту старейших европейских университетов; он же представляет собой один из наиболее ярких символов испанской культуры. Университет Комплутенсе, появившийся три века спустя после Саламанкского в кастильском же городке Алькала-де-Энарес, стал воплощением грандиозного замысла кардинала Сиснероса, стремившегося осуществить в начале XVI в. масштабную реформу образования и воспитания испанского клира [1. Р. 11–13].

В целом каждый из старинных испанских университетов на протяжении веков становился неотъемлемой частью локальной, региональной и общенациональной культуры. Однако именно университеты Саламанки и Алькала-де-Энарес завоевали особое место в мировом университетском сообществе.

Саламанка на протяжении своей истории была центром обучения, снискавшим широкую известность в Испании и за ее пределами. Повседневная жизнь университетской корпорации определяла основные параметры бытия города; в его облике последовательно отражались этапы развития университета, роста его духовного и материального пространства. Университетские научные школы привлекали будущих юристов, медиков, теологов; открывавшиеся коллегии академическую карьеру для неимущих студентов превращали в реальность. Реальностью становились и широкие возможности, которые открывались перед выпускниками Саламанкского университета на поприще государственной службы.

Идеи величия знания, служения науке и монархии раскрывались не только в учебных аудиториях и в процессе научной деятельности, но и в самом архитектурном облике центра старинного города, в масштабах обустройства его университетских кварталов, барельефах, украшающих фасад главного здания университета и колоннаду центральной площади. В эпоху испанского Возрождения, ставшую временем наивысшего расцвета университета, Саламанка с ее дворцами, монастырями, жилыми домами, зданиями коллегий, улицами и дорогами стала зрымым олицетворением университета.

Богатство историко-художественного наследия и состояние подлинно живого города как центра познания и науки позволило в 1988 г. утвердить Саламанку в качестве объекта мирового культурного наследия, а в 2002 г. – культурной столицы Европы [2]. Из 6 критериев, по которым уникальные в своем роде объекты включаются в список всемирного наследия, Саламанка, по решению ЮНЕСКО, отвечает трем. Эти критерии указаны в описании данного объекта как «шедевра человеческого созидательного гения» (критерий I), свидетельствующего «о значительном взаимовлиянии человеческих ценностей... в определенном культурном пространстве...» (критерий II) и являющегося «выдающимся примером ... архитектурного ансамбля, который иллюстрирует значимый период человеческой истории» (критерий IV) [3].

В 1997 г. мэрией Алькала-де-Энарес, автономной коммуной Мадрида и университетом Алькала был подготовлен документ, в котором обосновывалась необходимость включения университета и исторического центра Алькала-де Энарес в список мирового культурного наследия. В заявке отмечалось, что в основе концепции города с его материальной, культурной, религиозной составляющими лежит разработанный кардиналом Сиснеросом проект по созданию университета. В отличие от распространенной практики возводить здание высшей школы в определенном городе, где впоследствии этот учебный центр обрастал необходимой инфраструктурой, Сиснерос придавал возможному в Алькала университету фундаментальное значение, изначально планируя строительство всего необходимого для его функционирования. В результате город одновременно с появлением в нем университета обрел зрымые материальные черты университетского центра, города, чей характер, согласно воплощенному плану Сиснероса, определялся логикой и особенностями функционирования университетской корпорации [4. С. 26–29]. Уникальность Алькала-де-Энарес, как подчеркивали авторы заявки, заключается в том, что он стал первой моделью университетского города эпохи раннего Нового времени.

Эту характеристику подтвердила делегация Международного совета по сохранению памятников и достопримечательных мест ИКОМОС (ICOMOS), которая посетила Алькала-де-Энарес в январе 1998 г. Специалистами совета было отмечено, что университет в Алькала не является старейшим ни в Европе, ни в Испании. Вместе с тем местом его рождения стал первый университетский город, построенный в качестве такового по заранее составленному плану, в котором основная застройка была подчинена нуждам процесса обучения и научных исследований. Отмечалось, что в этом Алькала отличается от старейших университетов Болоньи, Оксфорда, Кембриджа или Парижа, которые развивались в рамках существовавших и уже сформированных го-

родских реалий, к которым этим университетам приходилось адаптироваться. Университет Алькала стал идеальной моделью для создаваемых испанскими миссионерами университетских центров в Южной Америке, а также для университетов Европы и других континентов [5].

По рекомендации ИКОМОС университет Алькала-де-Энарес и историческая часть города в 1998 г. были внесены в список объектов мирового культурного наследия [6]. Отметим, что наряду с критериями II и III, как в случае с Саламанкой, внесенной в этот список десятилетием ранее, город Алькала и его университет были выбраны также по критерию VI, сформулированному в отношении конкретного объекта следующим образом: «Вклад Алькала в интеллектуальное развитие человечества проявляется посредством материализации концепции Града Божьего, достижений в области лингвистики, которые имели здесь место, особенно в развитии испанского языка и благодаря тому, что Дон Кихот из La Mancha является шедевром Мигеля де Сервантеса Сааведры, самого выдающегося сына именно этого города» [5].

Включение в список объектов мирового культурного наследия университетских центров Испании, как и сравнительно большого числа других испанских городов, является не только делом чести и выражением международного признания. Это предполагает огромную ответственность со стороны государства, которое берет на себя обязательства по сохранению подобных объектов, расположенных на его территории. Создавая сложность такого рода задач и масштабы необходимых экономических ресурсов, мэры городов Испании в 1993 г. создали ассоциацию городов мирового культурного наследия. Цель этой ассоциации – организация и осуществление совместных действий по сохранению исторического и культурного наследия этих городов, а также поддержание и укрепление того сложившегося образа жизни, который необходим этим историческим центрам. В практической деятельности и планах ассоциации участие в совместных проектах, согласование позиций; обмен опытом и объединение сил перед лицом общих трудностей.

16 января 2015 г. в ходе встречи Филиппа VI с мэрами 15 городов, входящих в ассоциацию, новому королю Испании были представлены результаты совместной деятельности по сохранению и популяризации испанских городов – объектов мирового культурного наследия [7].

Для университетских городов Испании наиболее актуальными остаются проблемы сохранения многогранного феномена университетской культуры, изучения этой культуры и передачи ее достижений последующим поколениям в качестве историко-культурного наследия. Понимание данной проблематики нашло свое воплощение в Саламанкской декларации об историко-культурном наследии университетов (2008) [8]. В этом документе ректоры ведущих испанских университетов подтвердили приверженность университетского сообщества принципу преемственности в восприятии и поддержке идей, содержащихся в международных соглашениях о культурном, историческом и художественном наследии человечества, подписанных европейскими странами на протяжении XX в.

Декларация была призвана привлечь внимание государства и общества к концепции испанского университета как неотъемлемой и весьма значимой части историко-культурного наследия страны. Подписавшие Саламанкскую

декларацию ректоры обратились к европейскому сообществу с просьбой включить в европейский список историко-культурного наследия университетское наследие Испании [8. Р. 67–68].

Таким образом, была обозначена концепция университетского историко-культурного достояния Испании как совокупного феномена. Саламанка и Алькала как уже признанные объекты мирового культурного наследия составляют, пожалуй, самую яркую, но не единственную ипостась этого феномена, представляющего важную составляющую мирового культурного наследия.

Литература

1. Rodriguez-San Pedro Bezares L.E. Las Universidades Hispanas en la Edad Moderna. Un Balance // Las Universidades Hispánicas: de la Monarquía de los Austrias al Centralismo Liberal. Salamanca, 2000. P. 11–13.
2. Ciudades Patrimonio de la Humanidad: España. UNESCO. Salamanca [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ciudadespatrimonio.org/ciudades/index.php?cd=8> (дата обращения: 10.04.2015).
3. UNESCO. World Heritage List. Old City of Salamanca [Электронный ресурс]. JURL: <http://whc.unesco.org/en/list/381> (data obrascheniya: 12.04.2015).
4. Formulario para la inscripción en la lista del patrimonio mundial de la Universidad y recinto histórico de Alcalá de Henares. Primer modelo de ciudad universitaria de la edad moderna. Alcalá de Henares – Comunidad de Madrid – Universidad de Alcalá. 1997. 80 p. URL: https://www.uah.es/patrimonio_humanidad/documentos/patrimoniohumanidad.pdf (data obrascheniya: 24.05.2015).
5. Alcalá de Henares patrimonio cultural de la humanidad // Vivat Academia, revista electrónica del «Grupo de Reflexión de la Universidad de Alcalá» (GRUA). – Marzo 1999. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://www3.uah.es/vivatacademiaanteriores/tres/patrimon.htm#Acción del ICOMOS> (data obrascheniya: 16.04.2015).
6. UNESCO. World Heritage List. University and Historic Precinct of Alcalá de Henares [Электронный ресурс]. URL: <http://whc.unesco.org/en/list/876> (data obrascheniya: 12.04.2015).
7. Audiencia de SM el Rey a los alcaldes de las Ciudades Patrimonio de la Humanidad de España. 16 de enero del 2015. URL: <http://www.ciudadespatrimonio.org/agenda/eventos.php?id=167> (data obrascheniya: 10.04.2015).
8. Declaración de Salamanca sobre el Patrimonio Histórico-Cultural de las universidades españolas // RdM. Revista de Museología: Publicación científica al servicio de la comunidad museológica. 2008. № 43. P. 66–68.

Zheravina Olga A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: toledo@mail.tomsknet.ru. DOI 10.17223/22220836/18/5

UNIVERSITY CITIES OF SPAIN AS OBJECTS OF THE WORLD CULTURAL HERITAGE

Key words: University City, Salamanca, Alcala de Henares, Spanish universities, cultural heritage.

Spain takes the third place by amount of the objects included by UNESCO in the list of world cultural heritage. Among fifteen Spanish cities entering this list there are two ancient university centers – Salamanca and Alcala de Henares. Spain has rich historical and cultural university heritage. By early Modern time in the country there were more than 30 universities among which there were Salamanca University, universities of Valladolid, Alcala de Henares (Alcala), Seville, Granada, Santiago de Compostela and others.

The university founded at the beginning of the XIII century in Castilian Salamanca is included into group of the oldest European universities and represents one of the brightest symbols of the Spanish culture. The university which appeared in Alcala de Henares three centuries later than that of Salamanca became realization of the plan of the cardinal Cisneros seeking to carry out a large-scale education reform of the Spanish clergy at the beginning of the XVI century. Many of ancient Spanish universities throughout centuries became an integral part of regional and national culture. However the universities of Salamanca and Alcala de Henares won a special place in world university community.

Salamanca throughout the history was the center of study which got wide popularity in Spain and abroad. Stages of university development, growth of its spiritual and material space were consistently reflected in the image of the city. University schools of sciences involved future lawyers, physicians, theologians; the opening colleges turned the academic career for poor students into reality. During the era of the Spanish Renaissance which became time of the highest blossoming of the university Salamanca with its palaces, monasteries, houses, buildings of colleges, streets and roads became a visible embodiment of university. In 1988 Salamanca was approved as object of world cultural heritage. In the application submitted in 1997 by Spain for inclusion of university and historic center of Alcala de Henares in the list of world cultural heritage it was noted that Cisneros's project on creation of university is the cornerstone of the concept of this University City. The city along with emergence of university in it found visible material lines of the university center, whose character, according to the realized plan of Cisneros, was defined by logic and features of functioning of University Corporation. Alcala became the first model of the university city of early modern times. According to the recommendation of ICOMOS the Alcala de Henares University and historical part of the city in 1998 were inscribed in the list of objects of world cultural heritage. Salamanca and Alcala as already recognized objects of world cultural heritage make, perhaps, the brightest, but not the only form of this phenomenon representing an important component of world cultural heritage.

УДК 069.12
DOI 10.17223/22220836/18/6

Е.Н. Мастеница

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК ОБЪЕКТ НАСЛЕДИЯ: ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ И ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ В МУЗЕЯХ ПОД ОТКРЫтыМ НЕБОМ

В статье прослеживается история термина «культурный ландшафт» и его трактовок в ракурсе проблемы выделения в самостоятельный объект наследия. Рассматриваются методологические подходы к изучению культурного ландшафта: географический, этнолого-географический и информационно-аксиологический. На примере зарубежных музеев под открытым небом и отечественных музеев-заповедников анализируются способы сохранения этнокультурного ландшафта, включающего в себя как материальные объекты, так и формы нематериального наследия. Делается вывод о том, что музеи под открытым небом являются наиболее эффективной моделью сохранения и презентации культурного и природного наследия.

Ключевые слова: *культурный ландшафт, культурное и природное наследие, музеефикация, музей под открытым небом.*

«Ландшафт всегда был основой человеческого существования – той материальной основой, по которой человек передвигался, которая его питала, которая в буквальном смысле служила ему опорой... Ландшафт составлял повседневный фон зрительных ощущений человека, ту среду, с которой он соотносил результаты собственной созидательной деятельности...» [1. С. 5]. Однажды обнаруженные человеком наиболее красивые в природном отношении и удобные для проживания места уже не выпадали из его внимания. Освоенные и преображеные в рамках различных исторических эпох, они становились устойчивыми образами пространства.

В отечественной научной мысли понятие исторического ландшафта как образа места было введено и обосновано Н.П. Анциферовым. В книге «Душа Петербурга» для обозначения неповторимой атмосферы и уникального образа места он использовал древнее латинское выражение «genius loci» (дух места или гений места). Постижению этого образа, по мнению Анциферова, могут способствовать природно-географические характеристики, топонимия, градостроительная основа и планировка, литературные, художественные, исторические, философские и другие тексты, а также культурная стратиграфия, связанная с определённой местностью [2].

До конца ХХ в. культурный ландшафт не рассматривался как самостоятельный объект наследия. В качестве окружающей памятник среды он представлял собой компонент достопримечательного места. Так, в ст. 7 Венецианской хартии (1964) была утверждена неотделимость памятника от окружающей среды, а ст. 14 закрепила необходимость сохранения целостности достопримечательных мест [3]. По определению Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО (1972), достопримечательные места – это «произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримеча-

тельные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии» [4].

Понятие «культурный ландшафт» было конкретизировано значительно позднее в Руководстве по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия, основном документе по применению Конвенции о всемирном наследии ЮНЕСКО, в 1992 г. По этому документу объектом охраны и использования становится территории со всем многообразием включенных в них историко-культурных и природных характеристик, а сам культурный ландшафт определяется как результат творчества человека и природы [5].

В Конвенции были выделены три основные категории культурных ландшафтов: целенаправленно созданные – рукотворные, созданные по замыслу (сады, парки, объекты ландшафтной архитектуры, природно-технические системы, ландшафты поселений), естественно развившиеся – сформированные в результате процессов целенаправленной деятельности и природной эволюции (сельские, этнические, историко-индустриальные и т.д.) и ассоциативные – ассоциирующиеся с каким-либо феноменом культуры (памятные места, сакральные местности, места творчества и т.д.). Главные критерии включения культурных ландшафтов в Список всемирного наследия в целом почти совпадают с критериями, принятыми для других объектов культурного наследия:

1. Объект представляет собой произведение творческого гения человека.
2. Объект является уникальным свидетельством существования определенной культуры.
3. Объект представляет выдающийся образец ландшафта как результата взаимодействия человека и природы, иллюстрирующего важный этап (этапы) в истории человечества.
4. Объект представляет выдающийся образец традиционного человеческого поселения, освоения, землепользования, характерного для той или иной культуры (или культур), в особенности если существует опасность разрушения объектов под воздействием необратимых изменений.
5. Объект непосредственно связан со значимыми событиями, традициями, верованиями, представляющими мировое достояние [6].

Являясь носителем исторической памяти, ландшафт нуждается в особых методах сохранения. В 2000 г. во Флоренции государства – члены Совета Европы подписали Европейскую конвенцию о ландшафтах, где охрана ландшафта подразумевает действия по сохранению и поддержанию наиболее значительных или характерных черт ландшафта, продиктованных его значимостью как наследия, которая вытекает из его естественной конфигурации и (или) является результатом человеческой деятельности [7]. Положения этого документа стали важнейшим инструментом в охране ландшафтов, состояния которых вызывает особую тревогу в России. Однако до настоящего времени Российская Федерация не подписала эту конвенцию.

В российском законодательстве формулировка «культурный ландшафт» пока отсутствует. Это понятие соотносится с определениями «историко-культурная территория» и «земли историко-культурного назначения», закрепленными в Основах законодательства РФ о культуре (ст. 3, 38) [8] и в Земельном кодексе Российской Федерации (ст. 93) [9]. Культурный

ландшафт как объект наследия по-прежнему трактуется как компонент «достопримечательного места» (ст. 3 ФЗ-73), по определению включающего «памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории Российской Федерации, историческими (в том числе военными) событиями, жизнью выдающихся исторических личностей; объекты археологического наследия; места совершения религиозных обрядов» [10]. В отечественной практике придать достопримечательному месту статус музея-заповедника крайне сложно, а законодательство не защищает достопримечательное место от различных видов строительной и хозяйственной деятельности. Так, ст. 35 ФЗ-73 запрещает «проектирование и проведение землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ» только на территории памятника или ансамбля, а в случае с достопримечательными местами такие работы возможны и регламентируются органами власти или охраны памятников [10].

Музеефикация исторического ландшафта, по единодушному мнению специалистов, – это наиболее надёжная система защиты разнообразных объектов культурного наследия. Отечественная модель сохранения культурных ландшафтов в перспективе должна соответствовать международным программам и задачам, выдвинутым ЮНЕСКО. Пока же приходится констатировать, что, несмотря на большое количество законодательных актов по охране наследия, мы значительно отстаём от многих европейских стран в сохранении историко-культурных ландшафтов и других объектов наследия.

Изучение феномена культурного ландшафта имеет исследовательскую традицию. В работах американского географа К. Зауэра, впервые использовавшего термин «культурный ландшафт», последний понимается как пространственное отражение накопленной эволюции культур в определенной местности или своеобразная проекция культур на природный ландшафт [11]. Вопросом влияния культуры на ландшафт занимался также О. Шпенглер. Он писал: «Человек пускает корни в землю, которую обрабатывает. Душа человека обнаруживает душу в ландшафте, в нём возникает новая связь земли с существованием... Земля становится матушкой-землёй». Шпенглер представлял культуру как растение, вырастающее из своего родного ландшафта [12. С. 109]. Идеи взаимодействия и взаимовлияния культуры и окружающей среды, этноса и ландшафта рассматривались в трудах Л.Н. Гумилёва, В.И. Вернадского, Л.И. Мечникова. Их концепции стали основой для современного этнолого-географического подхода к изучению ландшафта, согласно которому ландшафт рассматривается как природная среда, освоенная определённым этносом (В.Н. Калуцков, Т.М. Красовская)

В отечественной науке продолжает существовать главенствовавший в XX в. географический (классический) подход к изучению культурного ландшафта как модификации природного, в рамках которого ландшафт изучается как исторически адаптированный человеком к природным условиям и географическому положению (В.А. Низовцев, А.Г. Исаченко). Заслуживает внимания получивший широкое распространение информационно-аксиологический подход, в основе которого лежит представление об активной роли интеллектуальной и духовной деятельности человека в формировании культурного

ландшафта, а сам культурный ландшафт исследуется как комплекс материальных и нематериальных (духовных) ценностей (Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова). Современная интерпретация культурного ландшафта «как текста, состоящего из территориально-культурных кодов и разных типов и форм презентаций (карт, рисунков, картин, фотографий, литературных и поэтических текстов, документов и фольклора)» [13. С. 294], представляет собой прочтение ландшафта в качестве уникального информационного источника, содержащего сведения об истории и культуре данного места. Для интерпретации и презентации культурного ландшафта Д.Н. Замятиным был разработан образно-географический метод моделирования исторических территорий в рамках гуманитраной географии [14].

Таким образом, на рубеже ХХ–ХХI вв. понятие «культурный ландшафт» оказалось в центре внимания как «естественников», так и «гуманистариев», постепенно смещаясь из области физической географии в культурологическую.

Современные российские ученые ведут целенаправленную разработку новых методологических оснований исследования культурного и природного наследия, стратегий сохранения уникальных территорий с комплексной регенерацией памятников истории и культуры, традиционных форм хозяйствования и природопользования. Приоритет в этой области принадлежит Российскому научно-исследовательскому институту культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва. Специалисты института разработали и внедрили концепцию особо охраняемых (уникальных) территорий, по которой природные и культурные части наследия следует рассматривать как единый объект охраны с возможностью рационального использования объектов наследия. Сотрудники института предложили также использовать модель культурно-ландшафтного районирования, в основе которой лежит комплексное восприятие и сохранение природного ландшафта и органически вписанных в него культурных элементов [15].

Представляется важным отметить, что еще в 1980-х гг. Н.И. Толстым был предложен термин «этнокультурный ландшафт», трактуемый как «внутренний» – традиционный этнический ландшафт, основными признаками которого являются: сохранение традиционных форм природопользования, преобладание традиционных архитектурных и планировочных форм, сохранение этнографических и фольклорно-языковых традиций, поддержание традиционных верований и в качестве дополнительного критерия – образ места как «хранителя той или иной культурной традиции» [16. С. 74].

Этнокультурный ландшафт как объект наследия включает в себя не только материальные свидетельства, сохранившиеся в виде традиционных жилищ, захоронений, предметов быта, орудий труда, украшений и других артефактов, но также и нематериальные формы, представляющие особую группу культурных ценностей. Согласно определению Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия, принятой ЮНЕСКО в 2003 г., «нематериальное культурное наследие» означает передаваемые от поколения к поколению обычай, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и

в некоторых случаях отдельными лицами в качестве части их культурного наследия [17]. К нематериальным ценностям относятся устные традиции и формы выражения, в том числе язык, исполнительские искусства (актёрская игра, музицирование, пение, танцы), обычаи, обряды, праздники, знания и навыки, связанные с традиционными ремёслами.

В современном российском законодательстве отсутствуют нормы в области защиты объектов нематериального культурного наследия, как и собственно понятие «нематериальное культурное наследие». В ст. 3 Основ законодательства РФ о культуре (1992) даётся определение культурных ценностей, куда помимо материальных включены объекты нематериального культурного наследия: языки, диалекты, говоры, национальные традиции и обычаи, фольклор, художественные промыслы и ремёсла. Также ст. 20 гарантирует право на сохранение и развитие культурно-национальной самобытности народов и иных этнических общностей [17].

Ключевым словом в определении нематериального наследия является «традиция», которая сохраняется до тех пор, пока в обществе существует установка на её поддержание. Традиция – это фундаментальная основа разнообразных форм культурной деятельности, формирующих чувства преемственности и самобытности. Утраченные традиции могут быть восстановлены в музейной среде, если для этого сохранились достоверные свидетельства. Изучая различные орудия труда и готовые изделия, музеи возрождают забытые промыслы и ремёсла, а процесс изготовления также сохраняется и демонстрируется в музее. Иногда удается не только восстановить такой объект нематериального наследия, но и возродить в обществе установку на поддержание этой традиции – так происходит ревитализация (оживление) объекта [18. С. 73–74]. Важным фактором музеефикации нематериального наследия является наличие носителей традиции, с помощью которых происходит актуализация объекта. При живых носителях актуализация осуществляется методом фиксации. В этом случае обеспечивается сохранение максимальной подлинности объекта. Если живые носители не сохранились, их роль могут взять на себя сотрудники музея или посетители. Это не просто переодевание экскурсоводов и посетителей в народные костюмы и разучивание песен и танцев. Такие варианты предполагают научно разработанную реконструкцию объекта.

Ярким примером реконструкции традиционной культуры музейными средствами является Музей ремёсел в Турку (Финляндия). Музей ремёсел Луостаринмяки располагается в центральной части города на месте бывшего ремесленного района и представляет собой 18 кварталов с подлинными деревянными домами XVIII–XIX вв., сохраненными *«in situ»*. Музей был открыт в 1940 г., а с 1943 г. функционирует как «живой» музей, где посетители приобщаются к старинным ремёслам. В домах воссоздана обстановка жилых помещений и ремесленных мастерских двухсотлетней давности. Можно осмотреть мастерские столяра, пекаря, портного, часовщика, табачника, круженницы и других мастеров, понаблюдать за их работой, попробовать хлеб, испечённый по старинным рецептам в подлинной печи XIX в., принять участие в традиционных праздниках и обрядах [19].

При создании музея под открытым небом в Арнеме (Нидерланды) был использован комплексный подход к организации музейной среды, где музейные объекты не только продолжают функционировать в привычном формате своего назначения, но образуют своеобразный «геоценоз», позволяющий увидеть прошлое. На маслобойне работает жернов давильного пресса, сыроварня изготавливает сыры по старинным местным рецептам, пивоварня предлагает свежесваренное пиво и т.д. При этом все объекты – и мельница, и фахверковая ферма, и сыроварня – не просто аттракционы или фон для съёмки, но «маяки национальной и общечеловеческой памяти» [20. С. 49–51].

Анализ отечественного опыта музеификации этнокультурного наследия позволяет выделить музей-заповедник «Витославлицы», основанный в 1964 г. на месте старинного новгородского села Витославлицы, существовавшего в XII–XVIII вв. Заповедник создавался как музей деревянного зодчества, сохраняющий и демонстрирующий под открытым небом архитектурные памятники XVI в., жилые и производственные постройки XVIII–XIX вв., однако современные экспозиции музея отражают развитие народного искусства, традиционные обычаи, обряды и занятия. На территории музея проводятся реконструкции старинных свадебных обрядов, состязаний, детских игр, народных забав и гуляний, мастер-классы по традиционным ремёслам, ремесленные ярмарки [21]. Основополагающими принципами деятельности данного музея-заповедника являются региональность (ориентация на полный территориальный охват регионально-областной культурной традиции во всех ее субрегиональных и этнических проявлениях); учёт культурного разнообразия региона (организация полевой экспозиции по секторам, соответствующим локальным культурным традициям региона); ландшафтность – показ не только отдельных построек, но и их «естественной» среды, сохранение природного и воссоздание культурного ландшафта [22].

Примером эффективной актуализации этнокультурного наследия может служить возрождение традиций коренных народов Ленинградской области (ижоры, води, вепсов, ингерманландских финнов): танцевально-песенной культуры, поэзии, ремёсел, традиционных праздников, разнообразных языков и культур Невского края. Небольшие музеи краеведческого профиля – Ижорский этнографический музей в деревне Вистино, Водский музей в деревне Лужицы выступают центрами сохранения культурного наследия коренных народов и культурного ландшафта региона [23. С. 156–157].

В современном глобальном мире тотальной стандартизации, утраты культурного многообразия, агрессивного наступления массовой культуры, забвения традиций и обезличивания необычайно важно поддерживать процесс развития локальных культур. В настоящее время в нашей стране разрабатывается множество проектов музеев под открытым небом, однако их реализация затруднена из-за неразработанности механизмов охраны культурных ландшафтов, отсутствия государственной поддержки и финансирования.

В заключение отметим, что музеи-заповедники, национальные и исторические парки, экомузеи, этнопарки и другие музеи под открытым небом являются наиболее эффективной моделью сохранения и презентации культурного и природного наследия, позволяющей сохранять и экспонировать объекты наследия в аутентичной исторической, этнокультурной и природной

среде. Объектами наследия в этом случае выступают не только памятники архитектуры, но и культурный ландшафт как результат созидачества человека и природы, имеющий исключительное историко-культурное значение и включающий в себя весь комплекс материальных и нематериальных ценностей, связанных с историческим формированием территории.

Несмотря на то, что Россия является членом таких авторитетных международных организаций, как Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), Международный совет музеев (ИКОМ), Международный совет по вопросам памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС), рекомендации которых играют важную роль в формировании российского законодательства о культурном наследии, существуют серьёзные отличия в применении законов на практике, в результате чего многие уникальные отечественные памятники и связанные с ними территории находятся под угрозой исчезновения.

Не менее важным фактором, определяющим сохранность памятников и культурных ландшафтов, является отношение общества к культурному наследию. Если в нашей стране реальной защитой памятников и уникальных территорий занимаются в основном местные общественные организации или отдельные активисты, но в целом можно наблюдать повсеместную «удручающую инертность и безразличие общества» [24], то в европейских странах забота о наследии стала необходимой и естественной потребностью как государственных институтов, так и самих граждан.

Литература

1. Горбатенко С. Петергофская дорога. СПб. : Историческая иллюстрация, 2013. 528 с.: ил.
2. Анциферов Н.П. Непостижимый город. СПб. : Лениздат, 1991. 335 с.
3. *The Venice charter*. ICOMOS/ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.icomos.org/venicecharter2004/> (дата обращения: 05.05.2015).
4. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. ЮНЕСКО, 1972 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (дата обращения: 10.05.2015).
5. Определение формата культурного ландшафта. Музей будущего. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.future.museum.ru/part03/030203.htm> (дата обращения: 10.05.2015).
6. World Heritage Cultural Landscapes [Электронный ресурс]. URL: <http://whc.unesco.org/en/culturallandscape/> (дата обращения: 05.05.2015).
7. Европейская конвенция о ландшафтах. Справочно-правовая система URISTU.com [Электронный ресурс] / Электрон. данные. URL: http://uristu.com/library/konventsii/konvenciy_754/ (дата обращения: 10.05.2015).
8. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 05.05.2014) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162637/?frame=2#p164 (дата обращения: 05.05.2015).
9. Земельный кодекс Российской Федерации (от 25.10.2001 № 136-ФЗ, действующая редакция от 29.12.2014 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/earth/> (дата обращения: 07.05.2015).
10. Федеральный закон от 25.06.2002 N 73-ФЗ (ред. от 22.10.2014, с изм. от 01.12.2014) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». КонсультантПлюс, 1997–2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176236/ (дата обращения: 08.05.2015).
11. Sauer K. Morphology of Landscape // University of California. Publications in Geography. Vol. 2. № 2. 1925. P. 19–53.
12. Шпенглер О. Закат Европы : Очерки морфологии мировой истории. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. С.Э. Борич. Минск: Попурри, 2009. Т. 2. 704 с.

13. Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.
14. Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.
15. Веденин Ю.А. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Изв. РАН. Сер. географическая. 2001. № 1. С. 7–14.
16. Text of the Convention for the Safeguarding of Intangible Cultural Heritage, 2003. UNESCO [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unesco.org/culture/ich/index.php?lg=en&pg=00006> (дата обращения: 05.05.15).
17. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 05.05.2014) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162637/?frame=2#p164 (дата обращения: 15.12.2014).
18. Каулен М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М. : Этерна, 2012. 432 с.: ил.
19. Luostarinmaki Handicrafts Museum. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.turku.fi/public/default.aspx> (дата обращения: 15.07.14).
20. Мухин А.С. Дома среди дюн // Мир музея. 2013. №10 (314). С. 49–51.
21. Витославлицы [Электронный ресурс]. URL: <http://novgorodmuseum.ru/vitoslavlicy> (дата обращения: 05.05.2015).
22. Калуцков В.Н. «Этническая деревня» – новый тип культурного ландшафта // Социокультурное регионоведение [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regionalsciences.ru/publication/article/198-l-r.html> (дата обращения: 05.05.2015).
23. Mastenitsa E.H. Социальный ресурс российских музеев // Museum International. 2012. № 249–250, vol. 63. С. 155–160.
24. «Инертность и безразличие общества» : Интервью с Ю.А. Ведениным / Институт наследия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.heritage-institute.ru/index.php/ourpublications/212-l--r> (дата обращения: 07.05.2015).

Mastenitsa Elena N. Saint-Petersburg State University of Culture (Saint-Petersburg , Russian Federation). E-mail: elenamast@yandex.ru DOI 10.17223/22220836/18/6

CULTURAL LANDSCAPE AS OBJECT OF HERITAGE: APPROACHES TO STUDYING AND PRESERVATION PROBLEMS IN THE OPEN-AIR MUSEUMS

Key words: cultural landscape, cultural and natural heritage, muzeumification, open-air museum.

In modern open-air museums not only monuments, but also environment – the landscapes which historically developed as a result of long interaction of the human being and the nature are objects of protection and revitalization. Till last decade the XX century the cultural landscape wasn't considered as independent object of heritage, and it represented a component of sights as the environment surrounding of a monument. The Convention on protection of the World Heritage (1992) allocated three main categories of cultural landscapes: the purposefully created – man-made, created on a special plan (gardens, parks, objects of landscape architecture, natural and technical systems, landscapes of settlements), naturally developed – created as a result of processes of purposeful activity and natural evolution (rural, ethnic, historical and industrial, etc.) and associative – the cultures which are associated with any phenomenon (memorable places, sacral districts, creativity places, etc.). Being the carrier of historical memory, the landscape needs special methods of preservation. The most reliable and effective is the muzeumification which is guided by modern concepts of its research. In Russian science there are three main approaches to studying of a cultural landscape: geographical (classical) approach where the landscape is studied as historically adapted by the human being for an environment and a geographical position; ethnological and geographical approach on which the landscape is considered as the environment mastered by a certain ethnos and information and axiological approach where the cultural landscape is investigated as a complex of material and non-material values. Today the concept "cultural landscape" is in focus of interests both "natural sciences", and "humanities", being gradually displaced from geographic area in the social and cultural. The Russian scientists conduct purposeful development of the new methodological bases of research of cultural and natural heritage, strategy of preservation of unique territories with complex regeneration of historical and cultural monuments, traditional forms of managing and environmental management. The priority in this area belongs to the Russian

research institute of cultural and natural heritage of D.S. Likhachyov. Memorial estates, national and historical parks, the ecomuseums, ethnoplaces and other types of open-air museums, are the most effective model of preservation and presentation of cultural and natural heritage allowing to keep and exhibit objects of heritage in authentic historical, ethnocultural and natural environment. In this case not only monuments of architecture, but also a cultural landscape acts as objects of heritage. Today cultural landscapes are considered as a result of coauthorship of the human being and the nature possessing exclusive historical and cultural value and including all complex of the material and non-material values connected with historical formation of the territory. The Russian model of preservation of cultural landscapes in the long term has to correspond to the international programs and tasks which are put forward by UNESCO. So far it should be noted that, despite a large number of acts on protection of heritage, we considerably lag behind many European countries in preservation of historical and cultural landscapes and other objects of heritage.

References

1. Gorbatenko S. Petergofskaja doroga // SPbGBU «Muzej «Narvskaja zastava»». SPb. : Istoricheskaja illjustracija, 2013. – 528 s.: il.
2. Anciferov N.P. Nepostizhimyj gorod. SPb. : Lenizdat, 1991. 335 s.
3. The Venice charter. ICOMOS/ [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.icomos.org/venicecharter2004/> (data obrashhenija: 05.05.2015).
4. Konvencija ob ohrane vsemirnogo kul'turnogo i prirodnogo nasledija. JuNESKO, 1972 g. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (data obrashhenija: 10.05.2015).
5. Opredelenie formata kul'turnogo landshafta. Muzej budushhego. [Jelektronnyj resurs] / Jelektron. dannye. URL: <http://www.future.museum.ru/part03/030203.htm> (data obrashhenija: 10.05.2015).
6. World Heritage Cultural Landscapes [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://whc.unesco.org/en/culturallandscape/> (data obrashhenija: 05.05.2015).
7. Evropejskaja konvencija o landshaftah. Spravochno-pravovaja sistema URISTU.com [Jelektronnyj resurs]. URL: http://uristu.com/library/konventsii/konvenciya_754/ (data obrashhenija: 10.05.2015).
8. Osnovy zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o kul'ture (utv. VS RF 09.10.1992 N 3612-1) (red. ot 05.05.2014) [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162637/?frame=2#p164 (data obrashhenija: 05.05.2015).
9. Zemel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii (ot 25.10.2001 N 136-FZ, dejstvujushhaja redakcija ot 29.12.2014 g.). [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/earth/> (data obrashhenija: 07.05.2015).
10. Federal'nyj zakon ot 25.06.2002 N 73-FZ (red. ot 22.10.2014, s izm. ot 01.12.2014) «Ob obektah kul'turnogo nasledija (pamjatnikah istorii i kul'tury) narodov Rossijskoj Federacii». ConsultantPljus, 1997–2015. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176236/ (data obrashhenija: 08.05.2015).
11. Sauer K. Morphology of Landscape // University of California. Publications in Geography. Vol. 2. № 2. 1925. P. 19–53.
12. Shpengler O. Zakat Evropy : Ocherki morfologii mirovoj istorii. Vsemirno-istoricheskie perspektivy / per. s nem. S.Je. Borich. Minsk: Popurri, 2009. T. 2. 704 s.
13. Kaluckov V.N. Landshaft v kul'turnoj geografii. M.: Novyj hronograf, 2008. 320 s.
14. Zamjatin D.N. Kul'tura i prostranstvo: Modelirovanie geograficheskikh obrazov. M.: Znak, 2006. 488 s.
15. Vedenin Ju.A. Kul'turnyj landshaft kak obekt kul'turnogo i prirodnogo nasledija // Izv. PAN. Serija geograficheskaja. 2001. №1. S. 7–14.
16. Text of the Convention for the Safeguarding of Intangible Cultural Heritage, 2003. UNESCO [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.unesco.org/culture/ich/index.php?lg=en&pg=00006>, (data obrashhenija: 05.05.15).
17. «Osnovy zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o kul'ture» (utv. VS RF 09.10.1992 N 3612-1) (red. ot 05.05.2014) [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162637/?frame=2#p164 (data obrashhenija: 15.12.2014).
18. Kaulen M.E. Muzeefikacija istoriko-kul'turnogo nasledija Rossii. M. : Jeterna, 2012. 432 s.: il.

19. Luostarinmaki Handicrafts Museum. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.turku.fi/public/default.aspx>, svobodnyj. – Zagl. s jekrana. (15.07.14).
20. Muhin A.S. Doma sredi djun // Mir muzeja. 2013. №10 (314). S. 49 – 51.
21. Vitoslavlicy [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://novgorodmuseum.ru/vitoslavlicy>, (data obrashhenija: 05.05.2015).
22. Kaluckov V.N. «Jetnicheskaja derevnja» – novyj tip kul'turnogo landshafta //Sociokul'turnoe regionovedenie [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.regionalstudies.ru/publication/article/198-l-r-.html> (data obrashhenija: 05.05.2015).
23. Mastenica E.N. Social'nyj resurs rossijskih muzeev // Museum International. 2012. № 249–250, vol. 63. S. 155–160.
24. «Inertnost' i bezrazlichie obshhestva». Interv'ju s Ju.A.Vedeninym / Institut nasledija [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.heritage-institute.ru/index.php/-ourpublications/212-l---r> (data obrashhenija: 07.05.2015).

УДК 902/908
DOI 10.17223/22220836/18/7

Т.С. Паршикова

**АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ АЛТАЯ:
ИЗУЧЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ
В 1940–1960-е гг.¹**

Представлены результаты мероприятий по охране памятников археологии на Алтае в 1940–1960-е гг., в том числе данные по учету и паспортизации объектов. В это время актуальным становится вопрос формирования законодательной базы в данной области. Приводятся данные о работе по выявлению, регистрации, составлению списков и паспортизации памятников истории и культуры, а также освещается деятельность Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в Алтайском крае на начальном этапе (в конце 1960-х гг.)

Ключевые слова: археология, Алтай, историко-культурное наследие, экспедиции, охрана памятников, ВООПИК.

На территории нашей страны сконцентрировано значительное количество ценных объектов историко-культурного наследия. Многие из них поистине уникальны и могут быть отнесены к мировым сокровищам культуры. Важное направление в деле охраны историко-культурного наследия – выявление, систематизация, изучение и сохранение памятников археологии.

В конце 1940-х гг., после окончания Великой Отечественной войны, вопрос сохранения наследия стал особенно актуальным. Руководством страны отмечалось, что в деле охраны памятников культуры имеются серьезные недостатки. В связи с этим 14 октября 1948 г. вышло постановление Совета Министров СССР № 3898 «О мерах по улучшению охраны памятников культуры» [1. С. 136–144], утверждающее Положение об охране памятников культуры, по которому местным органам власти предписывалось:

1. Осуществлять надзор за тем, чтобы археологические разведки и раскопки производились лицами, имеющими на то право в соответствии с полученными ими разрешениями («Открытыми листами»).
2. Не допускать использования памятников в каких-либо хозяйственных целях (в качестве строительного материала, а также распашки или разрытия).
3. Установить вокруг археологических памятников охранные зоны.
4. Решительно пресекать самовольные раскопки и другие действия, влекущие разрушение археологических памятников [2. С. 77–78].

23 ноября 1948 г. исполнительный комитет Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся вынес решение № 822 «Об охране памятников культуры на территории Алтайского края». Согласно Положению государствен-

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», проект № 2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии», а также в рамках базовой части государственного задания Алтайского государственного университета «Использование естественно-научных методов в реконструкции историко-культурных процессов на Алтае в древности» (код проекта 1006).

ной охране подлежали памятники архитектуры, памятники искусства, памятники археологии, исторические памятники [1. С. 136–144].

Постановлением Совета Министров от 28 мая 1949 г. № 373 была утверждена Инструкция о порядке учета, регистрации и содержания археологических и исторических памятников на территории РСФСР. Согласно ей на территории Алтайского края проводились работы по выявлению, регистрации, составлению списков и паспортизации памятников археологии. Регулирование данной деятельности осуществлялось отделом культурно-просветительской работы крайисполкома, Горно-Алтайским облисполкомом, городскими, районными и сельскими исполнительными комитетами. Краеведческие музеи (Алтайский краевой краеведческий музей, Бийский краеведческий музей, Горно-Алтайский областной краеведческий музей, Каменский краеведческий музей, районные музеи) были ответственными за выполнение работ как наиболее компетентные организации в данной области [2. С. 77].

Основное внимание в то время уделялось объектам историко-революционного характера (братским могилам, обелискам, памятникам Гражданской войны). В списке памятников республиканского значения, находящихся на территории Алтайского края (1949 г.), археологические объекты не значились. Однако работы по их учету велись.

Необходимо отметить, что археологические изыскания, проводимые в данный период на Алтае сотрудниками центральных научных учреждений страны и местными центрами [3, 4, 5], существенным образом способствовали включению объектов археологического наследия во вновь создаваемые охранные списки. В конце 1949 г. в перечне учтенных и запаспартизированных памятников Алтая обозначено 57 позиций, среди которых № 19 – комплекс памятников в урочище Ближние Елбаны, № 26 – тюркское изваяние «Кезер», № 35 – пять «царских» курганов урочища Пазырык, № 36 – древний оросительный канал в Курайской степи (Кош-Агачский район) и др. [6. Л. 86].

Одновременно с осуществлением государственного учета и паспортизации определялись охранные зоны исторических и археологических памятников. Согласно Инструкции на каждый объект составлялись Акт технического осмотра и Охранное обязательство. Ответственность за сохранность памятников возлагалась на местные Советы, колхозы и организации, на территории которых они располагались. Все учтенные объекты утверждались районными и городскими исполнкомами с указанием размеров охранных зон, режима использования и персональной ответственности за их сохранность. Паспортизацией охватывались из учтенных лишь те памятники, данные о которых отвечали указанным требованиям. По этой причине паспорта были составлены на 180 исторических и 57 археологических памятников, тогда как учтено соответственно 253 и 66 [7. Л. 80–82].

В документах отмечается, что при работе по учету объектов музеи обращались за помощью к археологам из центральных научных учреждений. Так, например, М.П. Грязнов неоднократно осматривал археологическую коллекцию АКМ, которая была выставлена на одной витрине и включала материалы, полученные в разные годы с территории края, вносил необходимые поправки в определение отдельных предметов [8. Л. 16]. А.П. Уманский в своих воспоминаниях указывал на то, что при содействии М.П. Грязнова одним из

первых был составлен паспорт на комплекс памятников урочища Ближние Елбаны [9. С. 184]. Что касается работавшего в это время на территории Горного Алтая С.И. Руденко, то, как отмечается в отчете ГАОКМ за 1949 г., учёный часто посещал музей и давал консультации относительно размещения предметов и составления сопроводительных текстов [10. Л. 17].

В отчете о работе музеев и охране памятников за 1950 г. [11. Л. 70] отмечалось, что археологические комплексы, представленные древними курганами, стоянками, городищами, каменными изваяниями и другими объектами, выявлены на территории Горно-Алтайской автономной области, Быстроистокинского, Сросткинского, Старобардинского, Топчихинского, Усть-Пристанского районов и в окрестностях г. Бийска. Наибольшее количество объектов было зафиксировано в Онгудайском, Улаганском, Кош-Агачском и Шебалинском аймаках. Ученые археологические памятники были обследованы и в ряде случаев частично раскопаны. Для изучения отдельных объектов организовывались научные командировки работников музеев. Они на местах уточняли имеющиеся данные, составляли характеристики, определяли топографическое положение.

В конце 1950-х гг. внимание стало уделяться памятникам, находившимся в аварийном состоянии. Управление музеев и охраны памятников Министерства культуры СССР запрашивало у местных органов информацию о памятниках археологии, подвергшихся разрушению (распашка, размывка реками и т.д.). Так, на охрану памятников истории, археологии и искусства в 1959 г. краю выделялось 315 тысяч рублей, 35 из которых предназначались на исследование объектов древней истории, находившихся в аварийном состоянии [12. Л. 13–14].

В начале 1960-х гг. в СССР государственные и общественные институты столкнулись с целым комплексом проблем, связанных с изучением, сохранением и использованием памятников. Серьезные недостатки в работе, связанной с охраной объектов историко-культурного наследия, стали предметом аналитического обзора, выполненного в 1963 г. Управлением изобразительных искусств и охраны памятников Министерства культуры СССР. В нем, в частности, отмечались факты массового уничтожения и порчи исторических, архитектурных, художественных и революционных объектов наследия в связи с проведением реконструкций исторических центров советских городов и проявлением халатности на местах. Среди причин неудовлетворительной памяткоохранительной работы учреждений назывались: отсутствие четкой системы и слабая связь между государственными и общественными институтами. Авторы обзора считали, что весь комплекс охранных мероприятий не может быть обеспечен только государственными органами охраны наследия [13. С. 18].

В целях привлечения широкой общественности к активному участию в деле охраны памятников истории и культуры постановлением Совета Министров РСФСР № 882 от 23 июля 1965 г. было организовано Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК). Летом 1966 г. в Москве прошла учредительная конференция [14. Л. 20–27]. Организация стала первой неправительственной структурой в сфере сохранения наследия, объединившей в своих рядах не только краеведов-любителей, но прежде все-

го специалистов: архитекторов, историков, искусствоведов, музеиных и архивных работников, реставраторов, инженеров-технологов, археологов.

В июле 1966 г. Президиумом Центрального Совета (ЦС) Общества утверждены местные отделения [14. Л. 13]. В постановлении от 5 июля 1966 г. под № 3 обозначено Алтайское краевое отделение, председателем которого являлся П.А. Бородкин (заведующий архивным отделом крайисполкома), а председателем Алтайского краевого Совета ВООПИК стал Н.Н. Первушин (председатель правления Алтайской организации Союза архитекторов СССР) [14. Л. 14]. Тогда же (в июле 1966 г.) сформирована Государственная инспекция по охране памятников. В ее состав вошли три отдела: охраны, реставрации, эксплуатации и пропаганды.

Среди приоритетных оставались вопрос учета памятников, а также проблема отсутствия квалифицированных специалистов, способных проводить весь комплекс мероприятий по выявлению, изучению, сохранению и популяризации объектов наследия. В связи с этим 13 мая 1967 г. Комиссия археологических памятников ЦС ВООПИК и Отдел полевых исследований Института археологии АН СССР обратились с просьбой к археологам, выезжавшим летом в регионы СССР для проведения исследований памятников археологии, оказывать местным отделениям ВООПИК помочь по выявлению, учету и охране археологических объектов [15. Л. 67].

В 1967 г. ко всем выдаваемым Открытым листам шло Приложение следующего содержания:

Уважаемые товарищи! Созданное в 1966 г. Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, в целях оказания помощи государственным органам в сохранении исторического и культурного наследия народов нашей Родины, проводит работу по выявлению, учету, организации охраны и популяризации памятников истории и культуры, в том числе и памятников археологии.

Однако местные отделения Общества зачастую испытывают трудности в работе из-за отсутствия специалистов-археологов. Мы обращаемся к Вам с большой просьбой оказать квалифицированную помощь отделению Общества, находящемуся в области, где Вы проводите исследования.

Как специалист Вы можете помочь в решении многих вопросов, в том числе:

- в выявлении еще не учтенных памятников археологии;
- в определении научной ценности памятника с целью включения его в списки памятников общесоюзного, республиканского или местного значения;
- в составлении паспортов на вновь выявленные археологические памятники и проверке паспортов на ранее учтенные памятники;
- в определении охранной зоны археологического памятника;
- в составлении охранного обязательства на археологический памятник;
- в составлении карты археологических памятников того или иного района;
- в популяризации археологических памятников исследуемой Вами области через местную печать, радио, телевидение, путем проведения экскурсий, бесед, чтения лекций и т.п.

Заведующая Отделом полевых исследований Института археологии АН СССР – Л. Евтухова. Председатель Комиссии археологических памятников ЦС ВООПИК – Е. Крупнов [15. Л. 68].

На территории Алтайского края консультации местным отделениям Общества давали А.П. Окладников, С.С. Сорокин, А.П. Уманский, Б.Х. Кадиков и другие специалисты-археологи, проводившие исследования в регионе [16. Л. 28].

Отсутствие научно обоснованной классификации и критериев оценки вело к сокращению списков охраняемых объектов, исключению некоторых из них из перечней и др. Для решения данной проблемы Инспекцией ВООПИК разработаны Основные положения для отбора памятников истории и культуры, подлежащих государственной охране.

В 1966 г. в Алтайском крае прошла первая региональная конференция ВООПИК [17], на которой одной из основных была обозначена проблема учета памятников археологии. Продолжались работы по выявлению и изучению таких объектов, проводились исследования на комплексах, находившихся в аварийном состоянии. Для более эффективных действий в данном направлении предлагалось провести работу по составлению карты археологических объектов (в первую очередь это касалось курганов), которые следовало вывести из системы землепользования [15. Л. 15]. На конференции Советом краевого отделения ВООПИК были обозначены основные критерии для отбора памятников истории и культуры, подлежащих государственной охране. Для археологических объектов в первую очередь предлагалось учитывать следующие факторы: значимость в решении вопросов развития материальной культуры и техники; значение памятника при изучении экономической, социальной, политической и культурной истории народов РСФСР, истории образования Российской государства; наличие на памятнике культурного слоя значительной мощности и хорошей сохранности, с четкой стратиграфией и содержащего свидетельства человеческой деятельности. Обязательной охране подлежали памятники археологии, давшие название археологическим культурам, на которых сохранились нераскопанные участки. Обозначенные критерии считались основными для отбора объектов, рекомендованных к постановке под охрану и для проведения их классификации (государственного или местного значения). Однако отмечалось, что в процессе фиксации могут быть выявлены памятники, обладающие и другими значимыми признаками, которые также следует включать в предварительные охранные списки [14. Л. 31]. На каждый объект составлялась учетная документация (паспорт, акт технического состояния и охранное обязательство). Первичным охранным документом являлась учетная карточка ВООПИК.

Анализ отчетных материалов за указанный период показал, что основная деятельность по выявлению и исследованию памятников археологии приходится на конец 1940-х – начало 1950-х гг., когда охранные мероприятия получили соответствующую законодательную базу. Согласно принятым положениям на территории Алтайского края стали проводиться целенаправленные работы по выявлению, регистрации, составлению списков, изучению и паспортизации археологических объектов. Впервые в мероприятия подобного рода включились музеи региона. За короткий период выделено значительное количество новых, ранее неизвестных па-

мятников, многие поставлены на учет и взяты под охрану. Благодаря проделанной работе стало ясно, что большое количество объектов археологического наследия находится в аварийном состоянии и нуждается в спасении. Специалисты уделяли им особое внимание, осуществлялись специальные раскопки, которые проводились с целью спасения памятников, находящихся под угрозой уничтожения. Информация, полученная об археологических объектах в данный период, сыграла большую роль для дальнейшего их изучения. Однако несмотря на проделанную работу, общая проблема охраны памятников полностью так и не была решена. Начатые мероприятия были прерваны в связи с сокращением списков охраняемых государством объектов и резким снижением ассигнований на реставрационные и восстановительные изыскания. Дальнейшее развитие охраны памятников пришлось на вторую половину 1960-х гг., когда в вопросах сохранения наследия наметились положительные тенденции. Одной из них стала организация ВООПИК. Периодом расцвета Общества считаются 70–80-е гг. XX в., когда оно являлось одной из самых массовых организаций и насчитывало в своих рядах более 10 млн человек [18], тем не менее сам факт создания подобного объединения и первые мероприятия по сохранению наследия в 1960-е гг. обозначили основные направления работ в последующем.

Литература

1. *О мерах по улучшению охраны памятников культуры* : постановление Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. // Собрание постановлений и распоряжений Совета Министров СССР. М., 1948. № 6. Ст. 81. С. 136–144.
2. Каширин Л. В. Мероприятия по охране памятников археологии на Алтае в 1940-х гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2006. Вып. 15. С. 77–79.
3. Паршикова Т.С. Археологические исследования на Алтае в 1940-е годы // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиск, открытия: материалы 51-й Региональной (7-й Всероссийской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Красноярск, 2011. С. 33–35.
4. Паршикова Т.С. История археологических исследований на Алтае в 1950-е гг. // Вестн. алтайской науки. 2014. № 4 (22). С. 426–428.
5. Паршикова Т.С. Деятельность музеев Алтайского края в области археологии (1940–1960-е гг.) // Изв. Алт. гос. ун-та. Сер.: История, политология. 2013. №4/2 (80). С. 223–227.
6. Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края» (КГКУ ГААК). Ф. 1041. Оп. 1. Д. 113.
7. КГКУ ГААК. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 47.
8. КГКУ ГААК. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 105.
9. Тишкун А.А. Встречи с А.П. Уманским // Вопр. археологии и этнографии Сибири: памяти профессора А.П. Уманского. Барнаул, 2008. С. 179–207.
10. КГКУ ГААК. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 106.
11. КГКУ ГААК. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 34.
12. КГКУ ГААК. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 379.
13. Голотин И.В. Государственная политика в области охраны памятников истории и культуры в 1953–1985 гг. (по материалам Ярославской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2011. 24 с.
14. КГКУ ГААК. Ф.Р. 1549. Оп. 1. Д. 1.
15. КГКУ ГААК. Ф.Р. 1594. Оп. 1. Д. 4.
16. КГКУ ГААК. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 726.
17. КГКУ ГААК. Ф.Р. 1549. Оп. 1. Д. 2.

18. История ВООПИК [Электронный ресурс]. URL: <http://www.voopik.ru/voopik/history/> (дата обращения: 05.05.2015).

Parshikova Tatiana S. Altai State University. E-mail: taty-parshikova@yandex.ru

DOI 10.17223/22220836/18/7

ARCHAEOLOGICAL HERITAGE OF ALTAI: THE STUDY AND CONSERVATION IN THE 1940s – 1960s.

Keywords: archeology, Altai, historical and cultural heritage, expeditions, protection of sites, VOOPIK.

An important trend in the conservation of historical and cultural heritage is the identification, classification and study of archaeological sites. In the territory of Altai such work is carried out over more than 150 years. After the end of World War II, the issue of heritage conservation has become particularly relevant. Leadership of the country noted that there were serious drawbacks in the protection of cultural relics. At the end of the 1940s released a series of decisions concerning the identification, research, accounting, conservation of archaeological sites. Guided by the provisions, responsible for the execution of works in the Altai Territory organizations had worked on the identification, registration, and certification of lists of sites of historical and cultural heritage. In this case, the active role played by archaeologists who conducted the research in the region, the museum staff, the local intellectuals. In a short time it was recorded a significant number of different sites. In the late 1940s – early 1950s. security measures have received an appropriate legislative framework. The information obtained about the heritage sites in this period, played an important role for further study. However, the activity started was interrupted by narrow the list of objects protected by the state and a sharp decrease in the provision for restoration and reconstruction work. Further development of the sites protection in the second half of the 1960s, when the All-Russian Society for Historic Conservation and Cultural Organization (VOOPIK) was organized. Society has become the first non-governmental actors in the conservation of heritage, unites not only the local history enthusiasts, but above all, specialists in various fields. One of the main question remained accounting sites, as the lack of evidence-based classification and evaluation criteria led to the reduction of the list of protected sites, the exclusion of some of the lists. The essential problem is the lack of qualified specialists able to carry out all the activities to identify, study, conservation and promotion of sites. In the early years of the organization has made measures to improve the business of protection of historical and cultural heritage, has developed a number of documents to facilitate more effective work in this direction. Considerable attention was paid to the archeological objects. The information obtained about the heritage sites in this period, played an important role for further study. With the establishment of the Society and its operations at the end of 1960. specific measures have been taken for the conservation of sites.

References

1. O merah po uluchsheniju ohrany pamjatnikov kul'tury : postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 14 oktyabrya 1948 g. // Sobranie postanovenij i rasporjazhenij Soveta Ministrov SSSR. M., 1948. № 6. St. 81. S. 136–144.
2. Kashirina L. V. Meroprijatija po ohrane pamjatnikov arheologii na Altae v 1940-h gg. // Soхранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Barnaul, 2006. Vyp. XV. S. 77–79.
3. Parshikova T.S. Arheologicheskie issledovaniya na Altae v 1940-e gody // Arheologija, jetnografija, paleoekologija Severnoj Evrazii: problemy, poisk, otkrytija: materialy LI Regional'noj (VII Vserossijskoj) arheolo-gjetnograficheskoy konferencii studentov i molodyy uchenyh. Krasnojarsk, 2011. S. 33–35.
4. Parshikova T.S. Istorija arheologicheskikh issledovanij na Altae v 1950-e gg. // Vestnik altajskoj nauki. 2014. № 4 (22). S. 426–428.
5. Parshikova T.S. Dejatel'nost' muzeev Altajskogo kraja v oblasti arheologii (1940–1960-e gg.) // Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istorija, politologija. 2013. №4/2 (80). S. 223–227.
6. Kraevoe gosudarstvennoe kazzennoe uchrezhdenie «Gosudarstvennyj arhiv Altajskogo kraja» (KGKU GAAK). F. 1041. Op. 1. D. 113.
7. KGKU GAAK. F. 1041. Op. 1. D. 47.

8. KGKU GAAK. F. 1041. Op. 1. D. 105.
9. Tishkin A.A. Vstrechi s A.P. Umanskim // Voprosy arheologii i jetnografii Sibiri: pamjati professora A.P. Umanskogo. Barnaul, 2008. S. 179–207.
10. KGKU GAAK. F. 1041. Op. 1. D. 106.
11. KGKU GAAK. F. 1041. Op. 1. D. 34.
12. KGKU GAAK. F. 1041. Op. 1. D. 379.
13. Golotin I.V. Gosudarstvennaja politika v oblasti ohrany pamjatnikov istorii i kul'tury v 1953 – 1985 gg. (po materialam Jaroslavskoj oblasti): avtoref. dis. .... kand. ist. nauk. Jaroslavl', 2011. 24 s.
14. KGKU GAAK. F.R. 1549. Op. 1. D. 1.
15. KGKU GAAK. F.R. 1594. Op. 1. D. 4.
16. KGKU GAAK. F. 1041. Op. 1. D. 726.
17. KGKU GAAK. F.R. 1549. Op. 1. D. 2.
18. Istorija VOOPiK [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.voopik.ru/voopiik/history/> (data obrashhenija: 05.05.2015).

УДК: 398.8
DOI 10.17223/22220836/18/8

Кр. Г. Филева-Русева

СОХРАНЕНИЕ БОЛГАРСКОГО МУЗЫКАЛЬНО-ФОЛЬКЛОРНОГО НАСЛЕДИЯ

Культурным наследием с особой значимостью для народа является его музыкальный фольклор. Поскольку болгарская народная музыка не только сопутствовала будням нашего народа, но имела важное значение для сохранения его как этноса во время пяти векового турецкого рабства, мы заботимся о ее сохранении. Народную музыку изучают в школе, ее нотируют, записывают на электронные носители, цитируют в авторских произведениях, в нашей и иностранной печати публикуют исследования, посвященные ей.

Ключевые слова: народная музыка, фольклор, культурное наследие, болгарская музыка.

В эпоху глобализации с особенной остротой встают проблемы сохранения национальной идентичности, а также ознакомления с традициями других народов. Неотъемлемый элемент национальной самобытности любого народа – его фольклор: музыка, танцы, национальная одежда и предметы быта, обычаи, праздники.

Музыка по традиции имела большое значение в жизни болгарина, сопутствовала ему в радости и грусти, в работе и отдыхе. Наш народ создавал красивые и волнующие песни по любым поводам. Поэтому не удивительно, что для сохранения народных мелодий найдены разнообразные пути и приложено немало усилий. Меры по сохранению и распространению ценных образцов принимаются по нескольким основным направлениям: сохранение путем записи (нотирование и звукозапись), сохранение посредством заучивания; распространение посредством композиторского творчества, концертно-исполнительской деятельности и теоретических исследований. Конкретными мерами являются:

1. Запись народных песен. Учителя и музыковеды нотировали у народных исполнителей, исследовали и распределяли в зависимости от фольклорной области, где они записаны, а также в соответствии с их предназначением огромные количества народных песен. Они изданы во множестве сборников. Детальное изучение специфики родного музыкального фольклора сделало возможным построение стройной теоретической системы, объясняющей особенности болгарской народной мелодии – ее ладовое и метроритмическое многообразие. На базе этих знаний созданы и учебники народной музыки, предназначенные для профессионального музыкального образования. Среди них:

а) Манол Тодоров. Българска народна музика. Учебник за средните музикални училища (Болгарская народная музыка. Учебник для средних музыкальных училищ) [1].

б) Стоян Ст. Джуджев. Българска народна музика (в два тома) (Болгарская народная музыка (в двух томах) [2, 3].

2. Включение многих народных песен в учебники музыки для общеобразовательной школы. Массовое музыкальное воспитание в Болгарии в большой степени связано с болгарской народной музыкой. Народные песни предусмотрены как для слушания, так и для исполнения в рамках каждого года учебного курса – с первого до восьмого класса. В качестве песен для слушания включены: «У Недини сълънце грее» («В доме Неды солнце светится»), «Ерген деда» («Холостяк не первой молодости»), «Здравче, венче» («Дикая герань, венок»), «Калугерине» («Монах»), «Йоздол иде бела Неда» («Снизу идет белая Неда»), «Шарена хурка, млада булка» («Пестрая прялка, молодая невеста») и др. Для изучения и исполнения учениками только в первом классе СОУ предложены песни: «Ой, Лазаре» («Ой, Лазар»), «На мегдана» («На сельской площади»), «Коледарска песен» («Колядка»), «Сурва, сурва година» (*поздравление с наступившим Новым годом*), «Три тъпана бият» («Три больших барабана гремят»), «Тръгна Желка на оране» («Отправилась Желка землю пахать»), «Комарко се женеше» («Комарик свадьбуправлял»), а в последующем предусмотрены и многие другие. В пятом и шестом классах, где изучаются особенности шести фольклорных областей в Болгарии, в целях представления каждой области подобраны самые характерные народные песни, отражающие ладовые и метроритмические особенности региона. Песни подобраны так, чтобы они отражали интонационные различия различных фольклорных областей. Включены и песни по поводу определенных праздников и народных обычаем. Соответствующие страницы в учебниках богато иллюстрированы типичными национальными костюмами, предметами быта, наиболее часто используемыми народными музыкальными инструментами. Помещена информация об известных народных певцах и инструменталистах региона. Система музыкального воспитания, развитая профессором, доктором П. Минчевой, с определенным акцентом на обучении нотной грамоте, осуществляемого на основе болгарского музыкального фольклора, успешно введена в болгарскую школу еще в прошлом веке. Эта система продолжает применяться и по сей день.

3. Усилия болгарских композиторов распределяются в нескольких направлениях:

а) Обработка народных песен. Красивые народные мелодии подвергались обработке для сольного пения, а также для народного хора многими профессиональными тоновыми творцами. обработку осуществляли Ф. Кутев, П. Владигеров, И. Спасов, П. Лёндев и др.

б) Гармонизация народной песни. Этот подход первых болгарских композиторов, создававших свои произведения после освобождения Болгарии от турецкого рабства, заключается в попытках добавления аккомпанемента к фольклорной мелодии, который, однако, сочинен по правилам западноевропейской мажоро-минорной системы. Болгарские народные песни, разнообразные в ладовом отношении (их большая часть – на ста-ринные лады, в пентатонике, в ладовых структурах с увеличенной секундой), при таком подходе в большинстве случаев теряют часть своей специфической выразительности. Вникая глубоко в их специфику, композиторы следующего поколения преодолевают ограниченность этого отношения к народной мелодии и применяют новые подходы. Среди этих

способов особое значение для сохранения народных песен в памяти болгарина и для популяризирования нашей народной музыки в мире имеет включение народной песни в авторское произведение.

в) Целостное цитирование народной песни широко использовалось болгарскими композиторами-классиками, создававшими свои произведения с 40-х до 80-х гг. XX в. В их творчестве утверждается понимание, что большая часть наших народных песен не поддаются гармонизации по принципам мажоро-минорной системы и путем простого добавления сопровождающих голосов. Яркие тоновые творцы, такие как Димитр Ненов, говорят о полифонической природе болгарской народной песни. Многоцветье наших фольклорных мелодий полноценно раскрыто в творчестве выдающегося болгарского композитора Панчо Владигерова. Он родился в Швейцарии, музыкальное образование получил в Германии, а после возвращения в Болгарию изучает особенности наших народных песен. Среди прекрасных образцов, которые Владигеров создает, следуя принципу точного цитирования народной песни, народная песня «Грозданка и Богдан воевода» и др.

Пример № 1. Панчо Владигеров – Прелюдия на основе народной песни „Грозданка и Богдан воевода“, т. 1–7

У другого известного болгарского композитора – Любомира Пипкова, современника Владигерова, свой, более рациональный подход. В клавирных циклах «Весенние прихоти», «Метроритмические картины и студии» и «От 1 до 15» Пипков систематизирует характерные для нашего национального музыкального фольклора метроритмы в стройную серию, причем для многих пьес в этих циклах использует различную народную песню. Поскольку большое количество метров присутствует в болгарском музыкальном фольклоре в нескольких разновидностях, Пипков обычно использует в качестве основ-

ной темы мелодию в более распространенном варианте метроритма, а встречаемую реже разновидность того же метра развивает в средней доле. Удачные образцы – это «Две ритмические вариации» на народную песню «Айде, конь» («Айда, конь»), «Рученица» на народную песню «Скъсал си Черньо чехлите» («Порвал Черньо свои шлепанцы»), обе пьесы из цикла «Весенние прихоти».

Пример № 2. Любомир Пипков – «Две ритмические вариации» на народную песню «Айда, конь», т. 1–4

Наш выдающийся композитор Димитр Ненов использует только одну буквально цитированную народную песню в своем творчестве. Это народная песня «Я разгурай, Цвето моме, магиите» («Давай, удаляй, девица Цвета, магию»), появляющаяся как тема третьего раздела вариационного цикла – Концерта для фортепиано с оркестром (концерт одноглавый, но состоит из четко обособленных четырех разделов).

Пример № 3. Народная песня «Давай, удаляй, девица Цвета, магию» как тема третьего раздела Концерта для фортепиано с оркестром

г) Вплетение интонаций и ритмов. Наши композиторы-классики, перед которыми стояла задача выстроить болгарский национальный композиторский стиль, кроме буквального цитирования народной песни в авторском произведении, часто применяют и вплетение характерных для нашего музыкального фольклора интонаций, метров, ритмических групп, ладовых струк-

тур, а также часто используемых народными певцами орнаментов и приемов. Это придает национальное звучание авторским произведениям. В творчестве Д. Ненова и П. Хаджиева используются старинные лады. Например, начало клавирной миниатюры „Волынка“ Д. Ненова имеет миксолидийскую ладовую окраску.

4. Народные исполнители – певцы и инструменталисты. Исключительно талантливые народные певицы, такие как Валя Балканска, сестры Кушлевы, Николина Чакардыкова, Янка Рупкина, Гюргя Пинджурова, Кремена Станчева, прославляют не только нашу страну, но и народную болгарскую музыку во всем мире. Знаменитая песня родопской певицы Вали Балканской «Излел е Дельо хайдутин» («Вышел гайдук Дельо») уже летает в космосе – она была выбрана как одно из музыкальных посланий Земли к остальным цивилизациям. Имена народных инструменталистов Теодоси Спасов (кавал – *род свирели*), Румен Сирацов (тамбур), Мария Стоянова (волынка) известны далеко за пределами Болгарии, а наряду с ними – и музыка, которую музыканты исполняют.

5. Профессиональные народные хоры и оркестры. Создано много профессиональных народных хоров, камерных формаций, оркестров. Известен, например, Академический народный хор при АМТИИ в городе Пловдиве, у которого очень богатый репертуар и чье мастерство вдохновило многих пловдивских авторов творить и обрабатывать народные песни. Для этого самобытного ансамбля создали авторские песни и сделали ряд обработок таких композиторов, как Иван Спасов, Николай Стойков, Красимир Кюркчийски, Асен Диамандиев и др. В 2008 г. на 5-й Мировой хоровой олимпиаде (5th World choir games) в Граце (Австрия) в категории «Фольклор» Академический народный хор завоевал титул чемпиона мира. В 2015 г. предусмотрено участие хора в «Экспо 2015» в Милане (Италия). Определенных успехов добился Академический народный оркестр при АМТИИ. Его репертуар обогатился за счет произведений многих болгарских композиторов.

6. Самодеятельные хоровые коллективы и камерные формации. Практика создавать самодеятельные хоровые и инструментальные коллективы не нова, но она, наряду с другими инициативами, дает очень хорошие результаты. Вокальные формации, такие как «Дупнишките баби» («Дупнишкие бабушки»), «Старозагорските баби» («Старозагорские бабушки») и др., отправляют свои теплые и трогательные музыкальные послания по всему миру.

7. Доступ выдающихся народных исполнителей к национальным электронным медиа. Болгарское телевидение и радио уделяют особое внимание фольклорным событиям – концертам знаменитых народных певцов, народных хоров и оркестров, сельским ярмаркам, фестивалям, спектаклям, воссозидающим древние народные обычай. Так, народная музыка нередко звучит в болгарском национальном эфире. Созданы и регулярные специализированные фольклорные радиопередачи. Передача «Живая вода» в рамках радиопрограммы «Христо Ботев» идет каждую пятницу в прямом эфире. В этих выпусках, дляящихся полчаса, не только звучит родниковая народная музыка, старательно подбираемая компетентными музыкальными редакторами, но часто выступают и профессиональные музыканты – исполнители, теоретики,

педагоги, которых объединяет полная отдача делу популяризирования народного тонового искусства.

8. Ежегодные международные фольклорные фестивали в более крупных болгарских городах – Софии, Пловдиве, Варне, Велико Тырново. Эти фестивали каждое лето собирают фольклорные танцевальные ансамбли и оркестры со всего мира. Перед многочисленной публикой каждая формация представляет характерные для своих народных традиций песни, инструментальную музыку, национальные костюмы и танцы. Всегда среди участников фольклорных фестивалей присутствуют по меньшей мере две болгарские фольклорные формации, а на фестивале, проведенном в 2014 г. в Пловдиве, было четыре болгарских ансамбля. Эти молодые люди с увлечением исполняют наши темпераментные танцы, играют нашу витальную инструментальную музыку, поют наши воздействующие песни, представляют заботливо и находчиво украшенные национальные костюмы. В программе каждого фольклорного фестиваля предусмотрено по два концерта и по одному шествию в каждый из фестивальных дней. Вечерние концерты в рамках Пловдивских фольклорных фестивалей проводятся в Античном театре, построенном в то время, когда Пловдив был центром римской провинции Фракия. В этой респектабельной обстановке жители и гости древнего города (которые в это время года многочисленны) наслаждаются исполнением талантливых молодых людей.

9. Теоретические исследования. Выдающиеся музыковеды создают дополнительные возможности для ознакомления мира с болгарским музыкальным фольклором, представляя уникальность нашей народной музыки на престижных международных форумах. В 2014 г., после моей успешной публикации, меня пригласили стать составителем, гостевым главным редактором и рецензентом специального выпуска *International Journal of Literature and Arts*, которому я дала заглавие *Musical Theory, Psychology and Pedagogy*. Я использовала предоставленные мне права, чтобы включить статью влиятельного болгарского теоретика профессора Пенки Минчевой, в которой стройно, лаконично и с приведением множества примеров автор представила самые характерные особенности нашей народной музыки. Статью прочитали больше 6000 человек в Интернете. Это свидетельствует не только об удивившейся практике по представлению и сохранению нашей народной музыки, но и об определенном интересе к ней в мире.

Болгарская народная музыка в веках была неотъемлемым спутником нашего народа. Даже в течение 500 лет турецкого рабства музыкальный фольклор играл важную роль в сохранении болгар как этноса. Поэтому мы, болгары, обязаны уважать, любить и чтить ценные образцы своего музыкального народного творчества. Мы обязаны также заботиться о сохранении достижений этого культурного наследия, создаваемых в веках как жемчужины из слез болгарина, и о том, чтобы мир имел возможность ознакомиться с ними.

Литература

1. Тодоров Манол. Българска народна музика : Учебник за средните музикални училища. София: Музика, 1976.
2. Джуджесев Стоян Ст. Българска народна музика. София : Музика, 1980. Т. 1.

3. Джуджев Стоян Ст. Българска народна музика. София: Музика, 1975. Т. 2.

4. Минчева Пенка П., Пехливанова П., Христова Св., Филева Кр. Музика : Учебник за шести клас. София : Азбуки-Просвета, 2007.

Fileva-Ruseva Krasimira Georgieva. Academy of Music, Dance and Fine Arts (Plovdiv, Bulgaria)
E-mail: krassyfileva@abv.bg. DOI 10.17223/22220836/18/8

PRESERVATION OF THE BULGARIAN MUSICAL FOLKLORE HERITAGE

Key words: folk music, folklore, cultural heritage, bulgarian music.

The cultural heritage, with a particular importance for the people is their folk music. Specific measures for the preservation and spreading of the valuable examples of the Bulgarian folk music art are:

- The recording and writing in notes of folk songs;
- The inclusion of many folk songs in the textbooks of music for the secondary school;
- The use in authors' compositions;
- The concerts of the folk performers - singers and instrumentalists, professional folk choir orchestras, amateur choirs and chamber formations;
- The access of the outstanding folk performers to the national broadcast media;
- The annual international folk festivals in the larger Bulgarian cities - Sofia, Plovdiv, Varna, Veliko Tarnovo;
- The theoretical research.

Bulgarian folk music through the ages has been an indispensable companion of our people. Even during 500 years of Ottoman rule folk music had an important role in the preservation of the Bulgarian ethos. That is why we, Bulgarians, are obliged to respect, love and honor the valuable samples of their music folklore.

References

1. Todorov Manol. B"lgarska narodna muzika. Uchebnik za srednite muzikalni uchilishcha. Sofiya : Muzika, 1976.
2. Dzhudzhev, Stoyan St. B"lgarska narodna muzika. Sofiya : Muzika, 1980. Т. 1.
3. Dzhudzhev, Stoyan St. B"lgarska narodna muzika. Sofiya : Muzika, 1975. Т. 2.
4. Mincheva Penka P., Pekhlivanova P., Khristova Sv., Fileva Kr. Muzika. Uchebnik za shesti klas. Sofiya: Azbuki-Prosveta, 2007.

РОЛЬ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ В СОХРАНЕНИИ И АКТУАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

УДК 791.43.03

DOI 10.17223/22220836/18/9

Е.П. Алексеева

РОЛЬ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ В СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА ПРИМЕРЕ КИНЕМАТОГРАФА В КАЗАНИ

Фонды Национального музея Республики Татарстан хранят уникальные кадры кинофильмов и киножурналов. В статье приводятся факты, как эти материалы попали в музей, а также история создания кинофильмов «Взятие Казани в 1918 году» и «Татарстан. Страна четырех рек». Долгое время этот киноархив хранился на горючей пленке, и несколько лет тому назад за кинодокументы взялись специалисты Центрального государственного архива аудиовизуальных документов Республики Татарстан при Главном архивном управлении при Кабинете министров Республики Татарстан. Все бесценные материалы на горючей плёнке они перевели на цифру, таким образом сохранив кинодокументы и для сегодняшнего дня, и для будущего.

Ключевые слова: Фонды Национального музея Республики Татарстан, кинохроника, кинолетопись, Центральный государственный архив аудиовизуальных документов Республики Татарстан.

В фондах Национального музея Республики Татарстан хранится документальный фильм «Взятие Казани в 1918 году». Помимо этого фильма здесь хранятся несколько десятков киножурналов на пленке 1930–40-х гг., снимавшихся в Казани. Это «Татарстан», «Советская Татария», «Межреспубликанский киножурнал», «Дружба народов», первый полнометражный документальный фильм «Татарстан. Страна четырех рек».

О том, как эти фильмы и киножурналы попали в Национальный музей, рассказал в своей книге «Поиски, встречи, находки» в то время директор музея В.М. Дьяконов:

Было это в годы Отечественной войны. Прохожу как-то по музейному двору и вижу: жгут ребята киноплёнку.

— Откуда, — спрашиваю, — плёнку взяли?

Молчат виновато. Пришлось пригрозить как следует. Повели в смежное с музеем помещение.

— Тут её, этой плёнки, навалом, дяденька, — оправдываются.

Чулан оказался даже незапертый. Принесли фонарь «летучую мышь», стали вытаскивать коробки с кинолентами. Да, это были киноленты, а точнее казанская кинохроника: 120 журналов за ряд лет. Всё покрыто толстым слоем пыли, завалено всяkim хламом.

Поскольку имущество было бесхозным, музей прибрал его к своим рукам. На благо исторической науке. Сейчас этим кинофондом пользуются кинематографисты, работники телевидения, разные исследователи. Что ни говорите, а это кинолетопись Татарии за десяток предвоенных лет [1].

Эту информацию дополнит рассказ заслуженного деятеля искусств Республики Татарстан кинорежиссера И.Х. Утяганова:

В середине девяностых годов я приступил к работе над фильмом «Кто же я?» – о Султан-Галиеве, имя которого в советское время было вычеркнуто из истории. В это же время в фондах НМ РТ, как мне стало известно, было много киножурналов, снятых казанскими кинематографистами в тридцатые – сороковые годы. Эти коробки с пленкой лежали неразобранные. Сначала на телевидении, а потом на Казанской студии кинохроники я на монтажном столе стал смотреть эти бесценные кинокадры. А заодно их описывать. Все 120 коробок! Эта работа заняла целый год.

Еще в то время Госкино Республики Татарстан пыталось найти деньги для контратипирования и печати позитива (это стоило тогда миллион рублей!), но почему-то дело остановилось...¹.

И лет пятнадцать тому назад за киноархив взялись специалисты Центрального государственного архива аудиовизуальных документов Республики Татарстан при Главном архивном управлении при Кабинете министров Республики Татарстан во главе с директором С.Н. Гороховым. Все бесценные материалы на горючей плёнке они перевели на цифру, таким образом сохранив кинодокументы и для сегодняшнего дня, и для будущего.

Интересна история создания фильма «Взятие Казани в 1918 году», ведь собственного кинопроизводства в Татарии тогда еще не было.

Тогда, в 1918 г., в периферийных городах смутно представляли себе, что происходит в центре, газеты приходили нерегулярно. И вот двинулись из Москвы агитационно-инструкторские коллективы – помогать местным Советам, учить, контролировать, а заодно и распространять газеты, брошюры, устраивать митинги, показывать кино. И первый такой поезд ВЦИК, названный именем Ленина, отбыл из Москвы в Казань 14 сентября 1918 г. [2]. Оператор обычно помещался здесь в отдельном купе. В поезде была даже оборудована специальная лаборатория, где можно было хранить пленки и химикалии, печатать фотографии, проявлять на пробу куски пленки.

Этот поезд ехал через Муром, Арзамас и Алатырь на Казань, только что отбитую у белогвардейцев. Оператор, снимавший Казань, был вооружен кинокамерой, немалым запасом пленки и мандатом, разрешающим съемку на фронте и в прифронтовой полосе. Оператором был молодой человек лет двадцати – Эдуард Тиссе (впоследствии снимавший вместе с Сергеем Эйзенштейном).

Известно, что утром 20 сентября 1918 г. поезд прибыл в Казань, куда лишь несколько дней назад вступили красные. Город встретил оператора оживленными улицами, татарской и русской речью, бойкой базарной торговлей. Вот прямо под открытым небом очередь красноармейцев к незамысловатому цирюльнику («стрижем-брееем»); вот зияющие провалами окон разрушенные дома, вывороченные из мостовой булыжники; пулеметы и снаряды, брошенные на пристани отступавшими белогвардейцами.

Тиссе снимает много. 22 сентября – день траура. Красная Казань хоронит бойцов, павших при взятии города. Накануне руководство поезда обратилось

---

¹ Из интервью кинорежиссера И.Х. Утяганова автору.

к военному коменданту Казани Кину с просьбой дать легковой автомобиль с проводником для Тиссе, который «обязан произвести съемку процессии похорон жертв контрреволюции» [2. С. 116].

Вот как сам Тиссе вспоминал съемки в Казани:

Выбирай высокую точку съемки, взобрался с аппаратом на ветряную мельницу. Увлекшись съемкой, не заметил, как она стала центром боя. Я продолжал снимать, пока кавалерия белых не подошла вплотную к мельнице. Но вот, к счастью, наши конники перешли в контратаку. С большим трудом, под обстрелом, мне удалось спуститься со своим киноаппаратом вниз. Меня подхватили на тачанку и я получил возможность снять паническое бегство белых... [3].

В записной книжке оператора Эдуарда Тиссе есть записи, позволяющие проследить его дальнейший путь по Волге и Каме:

...Поселок «Бережные челны». Сидим на пароходе «Дмитрий Донской». Высадка невозможна до разведки.

Снимал боевые операции на подступах к Мензелинску. Город взяли. Важный стратегический пункт для возможности дальнейшего продвижения Волжской флотилии Раскольникова.

Был на заседании у командующего Волжской флотилией Раскольникова. Начался обстрел из дальнобойных орудий со стороны неприятеля. Противник выпустил подвесной аэростат для корректировки стрельбы... Выходил с аппаратом снимать взрывы снарядов на воде [4].

В годы Гражданской войны хроникиры отсняли тысячи метров пленки, на которой были запечатлены события на фронтах, на улицах и площадях городов. «Советская кинематография возникла в годы гражданской войны. Она родилась в походном строю... У стен Казани, под небом Перекопа, у Царицына, в донских степях можно было услышать еле уловимый шум киноаппарата, заглушенный ружейным треском и орудийным грохотом. По следам Колчака, Врангеля, Деникина, белополяков двигался глаз объектива, и, когда падали в траву пустые пулемётные ленты, в коробку складывались ленты свежего негатива» [5].

В январе 1919 г. в Казани в кинотеатре «Электра» состоялась премьера хроникальных фильмов, посвященных годовщине Октябрьской революции: «Чехословацкий фронт» (оператор Эдуард Тиссэ) и «Взятие Казани тов. Троцким».

Благодаря энергичной деятельности Казанского Киноотдела Казань получила возможность видеть эти картины в театре „Электра“. Для казанцев последняя картина представляет особый интерес. Сняты картины очень чётко и легко, и довольно удачно выбраны некоторые наиболее яркие моменты. В самом начале показана на экране карта с обозначением мест, занятых чехословаками, затем видно, как постепенно линия оккупации суживается. Далее изображаются места боев на пути к Хвалынску, смотр войскам в Вольске тов. Троцким; полки имени Пугачева и Стеньки Разина, смотр мусульманскому полку – все это живо и интересно.

Но всё же лучше всего – снимки взятия Казани. Хорошо составлены объяснительные фразы, сопровождающие картину. Тут изображен артиллерий-

ский бой под Казанью, демонстрируется вся наша Волжская флотилия, стянутая к Казани, знаменитая баржа „Сережа“, штурмовавшая Казань в последний день перед взятием города. Взятие Казани было вопросом жизни для Советской Республики – и вот на фронт отправляется тов. Троцкий и 1/5 всех коммунистов. Затем начались затяжные бои. Интересно изображен наш десант на левом берегу Волги. Наконец, демонстрируется взятие Верхнего Услона и Казани и торжественный въезд Троцкого в город. В Казани досталась богатая военная добыча – Артиллерийский парк. В заключение демонстрируются те немногие повреждения в городе при взятии. Картина, несомненно, явилась очень интересной в особенности казанцам, все это пережившим – так об этом событии писала местная газета «Знамя революции» [6].

Первый документальный фильм, который сняли в татарском отделении «Востоккино», был посвящен юбилейной дате – 10-летию Татарской республики. О создании фильма рассказал историк кино Рашит Янгиров [7]. Сценарная основа ленты создавалась известным кинодраматургом С.А. Ермолинским. Сроки выхода фильма на экраны были предельно сжатые, и руководители «Востоккино» приняли необычное решение: поручить съёмку сразу двум режиссёрам, действующим самостоятельно, но в рамках единого съёмочного плана. Первую группу составили режиссёр М.Е. Вернер и оператор К.М. Венц, вторую – начинающий режиссёр А.М. Дубровский и оператор Н.Д. Анощенко. Ассистентом кинорежиссера был Каюм Поздняков.

В июне обе съёмочные группы выехали на натурные съёмки, которые продолжались около двух месяцев. За это время участники киноэкспедиций обвездили всю республику на лодках, пароходах, лошадях и по железной дороге. Отснято более 11 тысяч метров плёнки, причём в качестве пролога к фильму были инсценированы эпизоды, иллюстрировавшие историю татарского народа, экономическое, национальное и религиозное угнетение татар в царской России. Но главным объектом съёмок была, конечно же, Татария советская, её люди, занятые созидательным трудом.

Кинооператор Н.Д. Анощенко описывает работу в своих мемуарах «Пятьдесят лет в кино»:

Население крупного татарского села Большая Атня Арского кантона было «шокировано» – на его пустынных широких и пыльных улицах появились какие-то «бесстыдники». Они бродили полуголыми, забирались с каким-то блестящим аппаратом и на ветхие грибоподобные навесы над воротами, и на крыши домов и сараев и там что-то крутили у «ящика». Даже на лошадей они иногда садились... лицом к хвосту, а в руках держали какую-то жужжащую шкатулку. По селу поползли слухи, будто мы приехали к ним снимать для того, чтобы потом по этим «карточкам» определять у крестьян хлебные излишки и отбирать их.

Много всяких нелепых разговоров шло про нашу экспедицию. Но малопомалу жители Большой Атни к нам привыкли и стали верить, что мы приехали сюда, вглубь Татарии, для съёмок большой кинокартинны, которая должна познакомить все многомиллионное население СССР с их замечательной республикой и с ее народом [7].

В фильм вошли комбинированные кадры, символизировавшие новый день татарской деревни, – над бескрайними хлебными нивами вставала испо-

линская фигура татарского крестьянина, хозяина своей земли и плодов своего нелёгкого труда [7].

В начале февраля 1930 г. фильм вышел на экраны, получив название «Татарстан. Страна четырёх рек». Музыку к кинофильму написал выдающий татарский композитор Салих Сайдашев.

Вот как описала один из первых общественных просмотров московская газета «Кино»:

Картину смотрели ее герои – те, кто в Татарстане работают на социализм, те, кто в давние, но незабытые дни погибали под ужасающим гнетом царско-помещичье-полицейского строя.

А потом, после просмотра картины, герои ее осаждали сцену. Они хотели говорить и говорили. И все – те, кто говорил со сцены, и те, кто, заполнив зал, внимательно смотрел и слушал, – покрывали бережными, непривычными каракулями листы анкет. И даже пионер записал, не по-детски владея языком нашего времени: «Картина хорошая, тем более, что она не осталась в стороне в смысле отражения не только взрослой части, но и показывает, как трудится комсомол и не отстает от темпа работ и пионер» [7].

Фильм «Татарстан. Страна четырёх рек», ставший первым полнометражным фильмом о республике, с успехом демонстрировался по всему Советскому Союзу и сыграл свою роль в политико-просветительской работе, в международном воспитании советских людей.

Вот что о выходе картины на экраны Татарской республики писала местная газета:

Кинокартина «Татарстан», посвященная десятилетию Татарской республики, закончена производством и выпущена в прокат. К основным достоинствам картины выступавшие товарищи относили хорошо показанную в многочисленных кадрах социалистическую перестройку татарской деревни. Несколько слабее дан исторический материал. Заснят, например, расстрел Муллы-Нур Вахитова, но совершенно не показана его громадная революционная борьба, не показана его роль как организатора татарских рабочих и бедняков. Не отражает картина и Октябрьских дней в Татарии – несмотря на свои недостатки, появление этой картины, – единодушно заявили рабочие, – нужно только приветствовать [8].

И уже скоро Татарское отделение «Востоккино» «устраивает в кинотеатре «Чатки» первый рабоче-общественный просмотр кинофильма собственного производства «Востоккино» последнего выпуска «Татарстан» («Страна четырех рек»).

Режиссер А.М. Дубровский. Ассистент Каюм Поздняков.

Операторы: Н. Анощенко, К. Венц, Б. Франциссон.

Музыка композитора С. Сайдашева. Начало ровно в 6 часов. Вход по пропускам» [8].

Это было в тридцатые годы. Второе рождение Казанская студия кинохроники получила в июне 1961 г. Из приказа директора А.Н. Краева от 31 августа 1961 г. узнаем, что к этому времени завершилось строительство фильмохранилища. А сама «производственная деятельность киностудии проходит в условиях неоконченных строительно-монтажных работ» [9].

20 декабря 1962 г. по распоряжению Министерства культуры РСФСР создается комиссия по приемке в эксплуатацию фильмохранилища, ограждения территории студии, наружных дворовых сетей [9. Л. 36]. Это значит, что к этому времени уже была создана инфраструктура студии с подъездными путями, гаражом, ограждением территории и современным фильмохранилищем. Только с 1961 по 1981 г. Казанской студией кинохроники выпущено более 1000 документальных, научно-популярных, технико-пропагандистских, учебных и рекламных фильмов и киножурналов, многие из которых имеют дипломы всесоюзных и зональных кинофестивалей и куплены для зарубежного зрителя. Все они находились в фильмохранилище. Третий директор киностудии М.М. Михайлов отдал распоряжение оцифровать все фильмы на киноплёнке, находящиеся в фильмохранилище. Специалистами Центрального государственного архива аудиовизуальных документов Республики Татарстан при Главном архивном управлении при Кабинете министров Республики Татарстан во главе с директором С.Н. Гороховым это делается уже несколько лет подряд. Таким образом, сохранены бесценные кинодокументы для истории.

Литература

1. Дьяконов В.М. Поиски, встречи, находки. Казань: Татарское кн. изд-во, 1977. 101 с.
2. Листов В. Камера в пути // Искусство кино. 1968. № 10. С. 114–120.
3. Идрисов А. Пионер казанского кино // Вечерняя Казань. 1979. 21 марта.
- 4 Кино. 1933. № 10. 23 февр. Цит. по: Листов В. Камера в пути // Искусство кино. 1968. № 10. С. 117.
5. Иезутов Н. Фильмы Пудовкина. М.; Л. 1937. С. 4.
6. Знамя революции. 1919. 19 янв.
7. Янгиров Р. Экран рассказывает о Татарстане // Сов. Татария. 1986. 14 мая.
8. Красная Татария. 1930. 26 марта.
9. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. Р-5455. Оп.1, д.14, л. 2–3.

Alekseeva Elena P. Kazan State University of Culture and Arts (Kazan, Russian Federation). E-mail: alekseeva-kaz@mail.ru DOI 10.17223/22220836/18/9

THE ROLE OF CULTURAL INSTITUTIONS IN PRESERVING CULTURAL HERITAGE (THE EXAMPLE OF CINEMA IN KAZAN)

Key words: the National Museum of the Republic of Tatarstan, newsreels, film chronicle, Central State Archive of Audiovisual Documents of the Republic of Tatarstan.

Fund of the National Museum of the Republic of Tatarstan treasures the documentary called «The capture of Kazan in 1918». Except this film a few dozen of newsreels shot on the 1930-40th years' films in Kazan are kept here. They are «Tatarstan», «Soviet Tatarstan», «Interrepublican newsreel», «Friendship of Peoples», and the first full-length documentary «Tatarstan. The country of four rivers». The former director of the museum V.M. Dyakonov told about how the National Museum received these movies and newsreels in his book «The search, meetings, discoveries».

And fifteen years ago the Central State Archive of Audiovisual Documents of the Republic of Tatarstan' experts headed by director S. N. Gorokhov started researches of this film archive. All precious materials on flammable film were transferred to digital versions, so these experts preserved film documents for today and for the future.

The article tells the story of the film «The Capture of Kazan in 1918» shot by the operator Eduard Tisse, who later worked with director Sergei Eisenstein. Quotes from his diary of that time are given in the article. The article cites the article from the local periodicals about the premiere of the film in the cinema of Kazan.

Also the article provides the information about the shooting of the first full-length film made in the Republic of Tatarstan named «Tatarstan. The Country of four rivers». The film was shot by Tatar branch of «Vostokkino» and was dedicated to the 10th anniversary of the Tatar Republic.

The article gives the information published in the Moscow newspaper «Kino» and the local newspaper «Krasnaya Tatariya» about one of the first public display received great public interest.

Kazan newsreel studio got its second birth in June, 1961. And in December, 1962, the Commission of the Ministry of Culture of the RSFSR accepted contemporary film storage into exploitation. All films shot by studio stored there. The third director of the studio M.M. Mikhailov ordered to digitize all the movies on film kept in film storage. The Central State Archive of Audiovisual Documents of the Republic of Tatarstan' specialists headed by director S.N. Gorokhov are digitizing these films for several years. So precious film documents are being preserved for the history on such a way.

References

1. D'yakonov V.M. Poiski, vstrechi, nakhodki. Kazan': Tatarskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1977. 101 s.
2. Listov V. Kamera v puti // Iskusstvo kino. 1968. № 10. S. 114–120.
3. Idrisov A. Pioner kazanskogo kino /Vechernaya Kazan'. 1979. 21 marta.
4. Kino. 1933. № 10. 23 fevr. Tsit. po: Listov V. Kamera v puti // Iskusstvo kino. 1968. № 10. S. 117.
5. Iyezuitov N. Fil'my Pudovkina. M.; L. 1937. S. 4.
6. Znamya revolyutsii. 1919. 19 yanv.
7. Yangirov R. Ekran rasskazyvayet o Tatarstane // Sov. Tatariya. 1986. 14 maya.
8. Krasnaya Tatariya. 1930. 26 marta.
9. Natsional'nyy arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond R -5455, opis'1, delo14, ll. 2–3

УДК 069 (571.150)
DOI 10.17223/22220836/18/10

Т.Г. Гребенникова

УЧРЕЖДЕНИЯ МУЗЕЙНОГО ТИПА В АЛТАЙСКОМ КРАЕ: МНОГООБРАЗИЕ ФОРМ И ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ¹

В статье рассматриваются учреждения музейного типа, функционирующие на территории Алтайского края, фиксируется многообразие их форм, исторический опыт развития и специфика деятельности на территории региона. Приводится характеристика учреждений, сохраняющих и экспонирующих природное (Барнаульский зоопарк, Южно-Сибирский ботанический сад) и культурное (музей «Горная аптека») наследие, тематических парков, детских (Педагогический музей кукол, музей «Мир техники», Барнаульский планетарий, музей «Как так?») и брендовых музеев, известных в регионе.

Ключевые слова: учреждение музейного типа, музей, культурно-познавательный туризм, наследие.

Учреждения музейного типа – термин, который появился в российской литературе по музеологии в 2000-е гг. [1; 2. С. 46–52; 3. С. 57–64]. В документах международного уровня данное понятие пока не встречается, но наблюдается устойчивая тенденция к расширению содержания самого понятия «музей». Международный совет музеев (ICOM) включает в содержание понятия «музей» такие объекты, как:

- природные, археологические и этнографические памятники и достопримечательности, исторические памятники, представляющие музейный интерес, которые приобретают, хранят и популяризируют материальные свидетельства о людях и их среде обитания;
- учреждения, содержащие коллекции, выставляющие на обозрение живые экспонаты растений и животных, такие как ботанические сады и зоопарки, аквариумы и виварии;
- научные центры и планетарии;
- некоммерческие художественные галереи;
- природные парки;
- международные, национальные, региональные или местные музеи;
- культурные центры и другие организации, содействующие консервации, управлению ресурсами материального и нематериального наследия;
- другие учреждения, которые имеют характеристики музея [4. С. 35].

Такой подход, безусловно, значительно расширяет границы мирового музейного пространства, позволяет сохранять и использовать максимальное разнообразие объектов наследия.

В теории и практике российской музеологии применяются два понятия – «музей» и «учреждение музейного типа». М.Е. Каулен [1. С. 5–8] предприняла попытку зафиксировать многообразие существующих музейных форм

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ-Алтай (проект № 14-11-22001 «Энциклопедия музеев Алтайского края»).

России. Одна из тенденций, которую отмечает исследовательница, такова. Многие музейные учреждения начинают обходиться без музейных предметов; соответственно, им не нужны фондовые собрания и подлинные памятники культурного или природного наследия. Такие образования могут использовать слово «музей» в своих названиях, но по факту они являются местами отдыха и проведения свободного времени, а их экспозиции носят развлекательно-познавательный характер. Иными словами, учреждения музеиного типа выполняют лишь часть функций классического музея, сосредоточив свою деятельность в основном в экспозиции. Следуя за рассуждениями М.Е. Каулен и соглашаясь с ними, отметим разновидности учреждений музеиного типа: экспозиции без музейных предметов, построенные на новоделах и реконструкциях; музеи, в которых представлен не аутентичный памятник, а процесс его исследования или процедура реставрационной работы; учреждения, в которых соединяются классические музейные формы с другими учреждениями – аптеками, магазинами, театрами и пр.; детские развивающие музеи, которые ориентированы на развитие познавательной и творческой активности юных посетителей (творческие конкурсы, мастер-классы, научные опыты, фокусы и пр.); музеи под открытым небом, в которых все объекты в силу их специфики и особенностей осмотра полностью расположены в экспозициях под открытым небом (ботанические сады, дендрарии, зоопарки); брендовые музеи.

Многие учреждения музеиного типа, как и классические музеи, формировались эволюционно, постепенно. Формы таких учреждений, созданные на основе экспонирования природных объектов, имеют своих средневековых родоначальников. Главной их особенностью во все периоды развития были «живые» экспонаты. К изучению этого явления обращались в своих исследованиях В.П. Грицкевич [5] и А.А. Сундиева [6]. В.П. Грицкевич указал, что монастырские аптекарские огороды Европы постепенно эволюционировали в ботанические сады. Уже в этих первых образованиях, как отмечает исследователь, декоративность отходила на второй план, а их ценность определялась редкостью и экзотичностью растений. Изучая аналогичные протомузейные формы в России, А.А. Сундиева отметила, что самые первые аптекарские огороды разводились при средневековых монастырях еще с XI в., растения при этом высаживались в систематизированном порядке в зависимости от их лечебных свойств, принимались меры по акклиматизации лекарственных растений из других стран. Аптекарским огородам как особому явлению в истории музеиного дела России уделили большое внимание Д. Швидковский и А. Паршин [7]. Исследователи отметили, что в XVI–XVII вв. в Москве необычным явлением стало распространение висячих садов, которые устраивались на террасах Большого Кремлевского и Патриаршего дворцов. В таких садах произрастали цветы, лекарственные травы, экзотические овощи и ягоды (арбузы) [7]. Развитие аптекарских садов приобретает государственное значение, когда в Петербурге в феврале 1714 г. выходит указ Петра Первого о создании Аптекарского огорода в Москве [8]. В 1805 г. огород был куплен Московским университетом и со временем преобразован в ботанический сад. В наши дни в качестве дань традициям он называется Ботанический сад МГУ

им. М.В. Ломоносова «Аптекарский огород» и объединяет разнообразные экспозиции под открытым небом и оранжереи [9, 10].

Во второй половине XVIII века аптекарские сады появляются и в сибирских городах - Тобольске, Иркутске, Нерчинске. Т.В. Пойдина указала, что небольшие лекарственные сады были устроены при Змеиногорском, Локтевском, Сузунском, Колыванском госпиталях на территории современного Алтайского края. В целом Горная администрация уделяла особое внимание устройству лекарственных садов, о чем свидетельствует Указ Колыванской горной экспедиции от 13 апреля 1790 г. о «разведении в «госпитальных огородах и садах» разных лекарственных трав: шалфея, ромашки, мяты» [11].

Аптекарский сад возник и в Барнауле (ныне административно Алтайский край). Он располагался в районе первой улицы города – Петропавловской линии (в наши дни – ул. Ползунова), напротив здания Горной аптеки. Его еще в 1771 г. описал академик П.С. Паллас, посетивший Барнаул: «...имеется в числе казенных строений... каменная аптека с садом, в коем растут разные травы». Сохранились сведения о том, какие травы произрастали в саду, что известно из реестра 1808–1809 гг., составленного штаб-лекарем С. Шангинным. Т.В. Пойдина отмечает, что сохранившийся план барнаульского «Кабинетского приаптекарского сада» свидетельствует о его простой композиции: две главные осевые аллеи разделяли территорию, образуя в месте пересечения центральную площадку в форме круга, что придавало системе посадок геометрический вид. Как уже отмечалось выше, аптекарские сады России тяготели в своем устройстве к регулярным паркам [12]. На основе аптекарского сада С. Шангина заложил первый в Сибири ботанический сад с оранжереей (свыше 400 видов сибирской и китайской флоры и плантация ревеня) [13]. В наши дни на месте этого ботанического сада существует парк культуры и отдыха. Но традиции сохранения и актуализации природного наследия не были утрачены в алтайском регионе, их современными продолжателями можно считать современные учреждения музеиного типа – Южно-Сибирский ботанический сад (ЮСБС) и Дендрарий НИИСС им. М.А. Лисавенко. ЮСБС был организован в ленточном сосновом бору на территории пос. Южный в г. Барнауле как центр изучения и охраны флоры Алтая и подготовки специалистов-ботаников. Сад был открыт в 1979 г. У истоков создания ботанического сада стояли И.В. Верещагина, А.М. Малолетко, Т.А. Терехина и другие специалисты. Значительный вклад в его развитие внес А.И. Шмаков. В настоящее время в структуре сада действуют 6 отделов: отдел древесных и кустарниковых растений, отдел травянистых растений, систематики растений, геоботаники и растительных ресурсов, отдел декоративных растений, биотехнологии, гербарий. Начиная с первых лет существования сада в нем ведется активное экспедиционное обследование различных территорий России (Алтай, Саяны, Прибайкалье, Дальний Восток) и зарубежья. В саду произрастает 117 видов древесных, кустарниковых растений и лиан. Более половины коллекции составляют представители флоры Алтая. Дальневосточная флора представлена 35 видами, европейская часть России – 8 видами, Северная Америка – 14 видами. Из декоративных растений отметим тюльпаны, камнеломки, лютики, вероники, акониты, дельфиниумы и др. [14].

Второе учреждение музейного типа по сохранению природного наследия в Барнауле – это Дендрарий ФГБНУ «Научно-исследовательского института садоводства Сибири им. М.А. Лисавенко». Дендрарий – учреждение музеиного типа, участок территории, на котором размещена коллекция древесных растений (деревьев, кустарников, лиан), которые культивируются в открытом грунте. Первые экземпляры деревьев для будущего дендрария были посажены ученым Михаилом Афанасьевичем Лисавенко в конце 1930-х гг. на территории Горного Алтая. И только в 1953 г. часть из них привезли в Барнаул и стали формировать дендрарий. В наши дни дендрарий НИИСС им. М.А. Лисавенко занимает более 10 гектаров. В нем произрастают деревья и кустарники 957 видов, гибридов, сортов и форм. Всего 128 родов растений. Часть деревьев, которые растут сейчас в дендрарии, была привезена алтайскими учеными из экспедиций. Экспозиция систематизирована по отделам, в каждом из которых собраны растения из определенного региона. Особое место в дендрарии занимает цветник. В особом отделе собраны деревья и кустарники из Японии, Китая и Кореи. Посетить Барнаульский дендрарий можно в составе экскурсионной группы [15, 16].

Особой формой сохранения живой природы с давних времен были зверинцы, эволюционировавшие постепенно в современные зоопарки как учреждения музейного типа. Зверинцы представляли собой собрания редких зверей и птиц. Создавались они с разными целями: для развлечения и удовлетворения любознательности и уже позднее – для научного познания мира и популяризации научных знаний. Самый знаменитый европейский зверинец построил в Версале Людовик XIV в XVII в. В 1663 г. царь Алексей Михайлович основал в подмосковном селе Измайлово, в дополнение к мельницам, пивоварням, медоварням и стекольному заводу, огромный зверинец [17]. Многие современные зоопарки мира выросли из подобных зверинцев. Так, самый старый зоопарк в мире – Зоопарк Шёнбрунн на окраине Вены – был основан в 1752 г. в качестве императорского зверинца. В России в окрестностях Санкт-Петербурга зверинец был основан по указу Петра Великого в Нижнем парке Петергофа. С именем императора Николая I связан самый выдающийся период в истории «Зверинца», когда в планировку парка были внесены заметные изменения: построили новые загоны для зверей, из еловых колосьев возвели оградительные изгороди [18, 19], придав ему организованный для посещения вид.

Поскольку особое внимание в публикации уделено региональным учреждениям музейного типа, отметим, что свои зоопарки есть и в сибирских городах. Крупнейшим является Новосибирский зоопарк (коллекция «живых» экспонатов формируется с 1930-х гг.), но такое учреждение музеиного типа есть и в Барнауле. Барнаульский зоопарк начался с нескольких клеток. Но постепенно строились новые вольеры, менялся ландшафт. Зоопарк организовался в сотрудничестве с бизнес-сообществом (в обмен на рекламу). Состав коллекции учреждения таков: местная фауна; 2) коллекции алтайских растений; 3) краснокнижные животные (рысь, например, прибыла из Московского зоопарка, леопард – из Северска; канадская пума – из Красноярска; тигр – из Санкт-Петербурга.

В учреждениях музейного типа сохраняется и популяризируется не только природное, но и культурное, в том числе нематериальное наследие. Учреждения музейного типа с преимущественно экспозиционным пространством, сочетающие в своей деятельности работу двух учреждений, представлены и в европейской части России, и в Сибири. Так, в исторической части Барнаула, на ул. Ползунова, расположился Музей истории аптечного дела «Горная аптека». Горная аптека появилась в Барнауле в XVIII в., еще во времена существования горнорудных заводов А. Демидова для их обслуживания. Она играла важную роль в снабжении госпиталей горного округа медикаментами, предметами ухода за больными. Материалы аптеки получала из разных источников: от Московской аптеки, из Петербурга, Тобольска. Развивалось и собственное производство – напротив аптеки развернулся аптекарский огород, в котором выращивалось порядка 400 видов лекарственных трав. На смену деревянному зданию, которое пострадало в том числе и в результате наводнения в мае 1793 г., стали возводить новое строение по проекту архитектора А. Молчанова [20]. Именно в нем и расположился в наши дни оригинальный музей.

В наши дни здание Горной аптеки – самое старое кирпичное здание в городе. Реставрацию объекта начали в 2010 г. В ходе этих работ в подвале аптеки было обнаружено большое число рецептов XIX в. С использованием обнаруженных находок в музее постарались воссоздать атмосферу минувшей эпохи. «На первом этаже гостей встречают в зале истории аптечного дела, затем можно увидеть аптечный торговый зал в стиле конца XIX века с немецким кассовым аппаратом, этажом выше в настоящей аптечной лаборатории представлен макет провизора за работой» [21]. Также в здании Горной аптеки имеется небольшая действующая современная аптека. Особенность этого учреждения музейного типа состоит в его активной включенности в сферу культурного туризма. Музей хранит, экспонирует и популяризирует предметы историко-культурного значения, а также само историческое здание.

В последние несколько лет в Алтайском крае активно стали возникать и так называемые брендовые музеи – учреждения, которые создаются преимущественно в целях развития культурного туризма, формируя особый бренд, символ территории, города, села. Так, в Романовском районе Алтайского края функционирует единственный в стране музей гуся. Он открыт в лечебно-оздоровительном комплексе «Гуселетовские плесы» – популярном месте туристического отдыха, которое славится лечебными грязями, где когда-то жили сотни гусей. Музей объединил более 5 тысяч экспонатов со всего мира, в том числе книги, плакаты, почтовые марки, монеты, посуду с изображением гусей, а также фигурки птиц, выполненные из самых разных материалов, игрушки. Гусь в данном случае выступает брендом «Гуселетовских плес», а музей, безусловно, носит брендовый характер.

Еще один пример брендового музея – Музей свадьбы в Бийске. Его открытие состоялось в 2012 г. на базе отдела записи актов гражданского состояния Администрации Бийска. Экспозиция состоит из нескольких разделов, в которых представлены старинные и современные свадебные платья, аксессуары, открытки, фотографии, документы, предметы быта, которые девушка получала в приданое.

Период своего становления переживают в наши дни в России тематические парки – учреждения музейного типа, также ориентированные на развитие познавательного интереса посетителей и построенные преимущественно на воспроизведениях объектов наследия и новodelах. Примером тематического парка является комплекс «Этномир» – огромный живой музей на границе Московской и Калужской областей. Здесь можно побывать в домах народов мира, познакомиться с предметами быта, примерить национальную одежду, поучиться традиционным ремеслам, принять участие в народных играх. На территории этнографического парка-музея построены и принимают посетителей русское подворье, украинский и белорусский хутора, этнодвор «Страны Центральной Азии», этнодвор «Сибирь и Дальний Восток», этнодвор «Страны Южной Азии» [22].

Тематический парк «Легенда» начал формироваться на площадке села Полеводка Бийского района Алтайского края. Его возникновение было связано с всероссийским фестивалем деревянных скульптур, в рамках которого мастера резьбы создавали подлинные шедевры. Эти творения стали главной составляющей экспозиции под открытым небом парка «Легенда». В настоящее время парк продолжает активно расширяться и застраиваться, планируется создать кузницу, медовый ряд с настоящей пасекой, что несомненно сформирует интерес у туристической аудитории. В разработке парка активное участие принимает Алтайская торгово-промышленная палата [23].

Особым направлением в трансформации современного музейного мира стало возникновение детских развивающих музеев. Собрания таких учреждений наряду с уникальными предметами включают и те, с которыми ребенок сталкивается в повседневной жизни, а также специально сконструированные модели, которые можно использовать в игровой и учебной деятельности. Подобные музеи подразумевают активную познавательную и творческую деятельность своего посетителя – ребенка. Они начали возникать в США на рубеже XIX–XX вв. и сейчас распространены в разных странах мира – Замок Шарля Перро (Франция); Музей Астрид Линдгрен (Швеция); Детский музей Strong National Museum of Play (США); Культурно-просветительский центр «Дом Деда Мороза» в Великом Устюге; Детский центр научных открытий «ИнноПарк» в Москве и др. [24, 25]. Проблемы и пути развития детских музеев были актуализированы в журнале «Музей» в 2014 г., когда один из номеров (№ 1) заявил такую тему: «Детские музеи. Чтобы счастливых детей было больше».

Свои особенные детские музеи расширили музейный мир Барнаула. Так, 17 мая 2012 г. на базе МБДОУ ЦРР – «Детский сад № 217» был открыт Педагогический музей кукол. Концепция музея кукол основывается на программе, разработанной творческим коллективом детского сада при научном руководстве куратора музея – доцента Алтайского государственного педагогического университета О.И. Давыдовой. Основной фонд музея составляют куклы-сувениры, игровые куклы в народных костюмах, коллекционные куклы, тряпичные куклы ручной работы, народные куклы-обереги, авторские куклы, куклы советского периода и современные игрушки. Экспозиция регулярно обновляется, отражая какую-либо тему, и располагается в фойе детского сада на втором этаже. В ней представлены не только куклы, но и макеты, репро-

дукции и другие научно-вспомогательные материалы. Основную организационную работу этого оригинального музея ведет старший воспитатель Е.Б. Мельникова.

Очень популярны во всем мире детские музеи научно-технической направленности. Одной из форм такого музея является планетарий – научно-просветительное учреждение музейного типа, в котором демонстрируется небесная сфера со звездами, планетами и спутниками, кометами и метеорами; панорамы Луны, других планет. Первый в мире планетарий был построен в Мюнхене в 1925 г. в Немецком музее достижений естественных наук и техники. В СССР первый планетарий был открыт в Москве 5 ноября 1929 г. Третьим планетарием за пределами Германии и тринадцатым в мире стал Московский [26]. В 2011 г. была завершена реконструкция комплекса Московского планетария, результатом чего стало создание уникальной системы освещения [27]. В 2015 г. Барнаульскому планетарию исполняется 65 лет [28]. Барнаульский планетарий – член Ассоциации планетариев России, член Сообщества планетариев мира, член Федерации космонавтики России. Планетарий расположен в здании, где в начале XX в. находился Храм во имя Воздвижения Честного и животворящего Креста Господня. В 2014 г. мэрия Барнаула приняла решение о передаче здания планетария в собственность местной православной организации РПЦ. Но планетарий будет находиться в этом здании еще несколько лет, пока для него не найдут подходящее здание. Диаметр купола планетария 9 метров. Круговорашение небосвода модулируется малым «Цейсом» – проектором звездного неба, созданным еще до Второй мировой войны известной германской оптической фирмой «Карл-Цейс-Йена». В планетарии проводятся астрономические конкурсы среди школьников, круглые столы на актуальные темы астрономии и естествознания с привлечением специалистов [29, 30].

Интересен и востребован у публики еще один детский музей в Барнауле, демонстрирующий законы и открытия естествознания, – Музей занимательных наук «Как так?». Он объединил интереснейшие экспонаты, многие из которых являются действующими моделями: «Магнитная фантазия», «Танцующая цепь», «Хаотический маятник», «Левитатор Бернулли», «Волновой маятник», «Колесо-гирокоп». В экспозиции представлены также интересные экспонаты, позволяющие испытать определенные нагрузки и впечатления, к примеру экспозиция «Ощутите себя беременной женщиной». В музее имеется небольшой магазин, который предлагает совершить покупку на память о посещении (спектральные очки, растущий мозг, энергетическая палочка, фонтан из газировки и пр.). Особенность этого учреждения музейного типа в том, что экспонаты не являются объектами культурного или природного наследия. Главная цель музея – популяризация науки, знакомство детской аудитории с естественно-научными законами и достижениями естествознания.

К категории детских музеев можно отнести и интерактивный музей «Мир техники», который создан в 2006 г. Основатель и директор учреждения – Павел Ильич Нейштадт. Музей общественный, что отражено в его официальном наименовании – Алтайское краевое общественное учреждение «Интерактивный музей «Мир техники». Большую роль в создании музея сыграли грантовые проекты, при поддержке которых были созданы экспонаты. Первым фи-

нансовым кирпичиком стала поддержка проекта фондом Дмитрия Зимины «Династия». Цель этого музея – повышение уровня образования и интереса молодёжи к техническим устройствам разных исторических эпох. Главный принцип работы музея – все экспонаты можно и нужно приводить в движение! В основной экспозиции в виде моделей представлена история эволюции техники от ручных приспособлений эпохи древности до современных автоматических устройств. Модели механизмов помогают создавать такие региональные предприятия, как завод «Ротор», «СибЭнергоМаш», вагоноремонтный завод, Алтайский завод прецизионных изделий. Именно представители этих предприятий входят в совет попечителей рассматриваемого музейного учреждения.

Особое значение в оформлении экспозиции музея «Мир техники» играют графические реконструкции, на которых демонстрируются процесс и особенности применения того или иного технического устройства, модель которого демонстрируется рядом. Экспозиция выстроена в целом по хронологическому принципу.

Все многообразие учреждений музейного типа можно разделить на две группы: учреждения с экспонатами под открытым небом (ботанические сады, дендрарии, зоопарки, тематические парки) и музеи с коллекциями и/или экспозициями в зданиях (детские музеи, брендовые музеи и пр.). В целом учреждения музейного типа отличаются от классических музеев по некоторым параметрам:

1. Отсутствие традиционного систематизированного фондового собрания, задокументированного по установленным требованиям (акт поступления музеиных предметов, инвентарные книги и коллекционные описи и т.д.).

2. Все основные музейные предметы сосредоточены в экспозиции, фондохранилище, организованное должным образом, отсутствует.

Главная цель учреждений музейного типа – популяризация информации, научных данных, интересных коллекций, презентация города или региона. Исследовательская деятельность представлена, как правило, только в ботанических садах, планетариях. Несмотря на то, что музейные функции реализуются в таких учреждениях лишь частично, они играют большую роль в сохранении природного и культурного наследия и со временем становятся важными центрами развития культурно-познавательного туризма.

Литература

1. Каулен М. Музей или не-музей // Музей. 2010. №8. С. 4–11.
2. Каулен М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М.: Этерна, 2012. 432 с.
3. Гребенникова Т.Г. Современные исследования музеев и объектов культурного и природного наследия России: учеб. пособие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 57–64.
4. Рыбак К.Е. Музейное право: международно-правовые аспекты. М.: Юрист, 2005. 288 с.
5. Грицкевич В.П. История музейного дела до конца XVIII века. СПб.: СПбГУКИ, 2004. 406 с.
6. Сундиева А.А. Протомузейные формы в российской культуре // Обсерватория культуры. 2005. № 3. С. 74–77.
7. Швидковский Д. «Аптекарский огород» в центре столицы / Д. Швидковский, А. Паршин // Наше наследие. 1997. № 43–44. С. 200–205.
8. Зарождение аптек [Электронный ресурс]. URL: <http://museum.impharma.ru/text/10> (дата обращения: 13.04.2015 г.).

9. Ботанический сад МГУ им. М.В. Ломоносова «Аптекарский огород» [Электронный ресурс]. URL: <http://hortus.ru/tasteniya/> (дата обращения: 15.04.2015 г.).
10. Новиков В.С. Исторические вехи: В 2006 г. исполняется 300 лет Ботаническому саду Московского университета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.massmedia.msu.ru/index.php?name=gazeta&id=article&send=2261> (дата обращения: 15.04.2015 г.).
11. Пойдина Т.В. Возникновение и развитие садово-паркового строительства в сибирских городах (на примере Барнаула, Томска, Омска) // Ползуновский вестник. 2006. № 4. С. 319-324.
12. Пойдина Т.В. Графические документы и фотоиллюстрации архивных и музейных фондов как источники изучения садово-паркового строительства в сибирском городе // Мир науки, культуры, образования. 2008. №2 (9). С. 41–43.
13. Бурштейн Е.Ф. Шангины – исследователи южной Сибири и казахских степей. М. : Наука, 2003. 232 с.
14. Южно-сибирский ботанический сад [Электронный ресурс]. URL: <http://ssbg.asu.ru/> (дата обращения: 15.04.2015 г.).
15. Соломина А. Барнаульский дендрарий [Электронный ресурс]. URL: <http://www.barnaul-altai.ru/info/barnaul/altai/dendrariy.php> (дата обращения: 17.04.2015 г.).
16. Катренко Н. Дендрарий : атака варваров? // Вечерний Барнаул. 2012 г. № 150 (3664). 5 окт. С. 31.
17. История зоопарков [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--80ankoagi.xn--80acgfbsl1azdqr.xn--p1ai/zoo/o-zooparke/istoriya-zooparka/istoriya-zooparkov> (дата обращения: 17.04.2015).
18. Зверинцы [Электронный ресурс]. URL: http://www.museum.ru/rme/proto_zver.asp (дата обращения: 15.04.2015).
19. Бурлаков А.В. Парк «Зверинец» [Электронный ресурс]. URL: <http://history-gatchina.ru/article/zverinec> (дата обращения: 15.04.2015).
20. Полякова Д.А. 220 лет со времени строительства в Барнауле здания Горной аптеки по проекту архитектора А.И. Молчанова // Барнаульский хронограф, 2014 г.: календарь знаменательных и памятных дат. Барнаул, 2013. С. 44–48.
21. Музей аптечного дела «Горная аптека» (город Барнаул) [Электронный ресурс]. URL: http://www.altairregion22.ru/territory/culture/museum_night/2012/mad.php (дата обращения: 15.04.2015).
22. Этномир – этнографический парк-музей [Электронный ресурс]. URL: <http://ethnomir.ru/etno/what-is-etnomir/> (дата обращения: 28.04.2015).
23. Бийский рабочий. 19.06.2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://biwork.ru/novosti/19464-v-ethnograficheskem-parke-legenda-v-bijskom-rajone-budet-zapushchen-malyj-vodyanoj-krug-k-shukshinskim-chteniyam.html> (дата обращения: 28.04.2015).
24. Детские музеи [Электронный ресурс]. URL: http://www.museum.ru/RME/sci_child.asp (дата обращения: 28.04.2015).
25. Лучшие детские музеи всего мира [Электронный ресурс]. URL: http://rybkovskaya.ru/detskie_muzei/ (дата обращения: 28.04.2015).
26. Большой планетарий Москвы: История планетария [Электронный ресурс]. URL: <http://www.planetarium-moscow.ru/about/history/> (дата обращения: 28.04.2015).
27. Boos E.G. Освещение Московского планетария / Е.Г. Боос, М.П. Белякова, В.И. Онищук // Мир строительства и недвижимости. 2012. № 43. С. 2–3.
28. Барнаульский планетарий [Электронный ресурс]. URL: <http://planetarium22.ru/> (дата обращения: 28.04.2015).
29. Через планетарий – к звездам // Вечерний Барнаул. 2012. 20 янв. С. № 7 (3521). 21.
30. Павлова Н. Весенний фестиваль планетарных программ // Вечерний Барнаул. 2011. 18 марта. № 39. С. 21.

Grebennikova Tatiana G. Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: tanyagor29@mail.ru. DOI 10.17223/22220836/18/10

INSTITUTE OF MUSEUM TYPE IN THE ALTAI REGION: DIVERSITY AND EXPERIENCE OF FORMS

Key words: Institute of Museum type, Museum, Cultural tourism, Heritage.

In the documents of the international level the concept of "Institute of Museum type" is not found, but there is a tendency to expand the concept of "museum" in the documents of the International Council

of Museums. In theory and practice of the Russian museology applied two concepts - "museum" and "Institute of Museum type". The latter are characterized by the fact that only part of the functions performed classical museum. The article deals with the institution of the museum type, functioning on the territory of the Altai Territory, fixed variety of forms such formations, the historical experience of development and specific activities of such institutions in the region. The historical aspect of the occurrence of certain museum institutions that preserve the natural properties. Museums that are based on the exposure of natural objects, have their medieval roots. Many botanical gardens have grown from pharmaceutical gardens. In the second half of the XVIII century apothecary gardens appear in the Siberian city of Tobolsk, Irkutsk, Nerchinsk. Garden herbs originated in Barnaul. Modern zoos are also evolved from the so-called zoos, which began to emerge from the XVII century. in Europe and in Russia.

The article presents the characteristics of institutions preserving and displaying the natural (Barnaul zoo, South-Siberian Botanical Garden, Arboretum NIISS them. Lisavenko MA) and cultural (Museum "Mountain Pharmacy") heritage. The building has a small pharmacy Mining modern pharmacy. Separately disclosed the specifics of the theme parks (the park "Legend"). Parks are focused on the development of cognitive interest of visitors and constructed mainly of reproduction heritage and reconstruction. Brand in the region are characterized by a museum (Museum of the goose, the Museum of the wedding), museums, famous in the region. Museum goose, for example, brought together more than 5,000 exhibits from around the world, including books, posters, stamps, coins, pottery depicting geese and bird figurines and other items.

A particular focus in the transformation of the modern museum world is the emergence of children's educational museums. Such museums involve active cognitive and creative activity of its visitors - children. They began to appear in the United States at the turn of XIX XX centuries. and now common in many countries. Problems and ways of children's museums have been updated in the journal "Museum" in 2014 (№1), his theme was formulated as follows: "Children's Museums". These museum institutions, known in the Altai Territory (Barnaul planetarium Pedagogical Museum of dolls, interactive museum "World mechanisms", the Museum of entertaining science "How so?") Are characterized in this article. For example, the main principle of the museum "World of art" all the exhibits can and should be set in motion! At the end of the publication concludes: there is a certain type of museum institutions, they differ from classical museums and for the development of cultural tourism.

References

1. Kaulen M. Muzey ili ne-muzey // Muzey. 2010. №8. S. 4–11.
2. Kaulen M.Ye. Muzeyefikatsiya istoriko-kul'turnogo naslediya Rossii. M.: Eterna, 2012. 432 s.
3. Grebennikova T.G. Sovremennyye issledovaniya muzeyev i ob'yektorov kul'turnogo i prirodno-gosudarstvennogo naslediya Rossii: uchebnoye posobiye. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2014. S. 57–64.
4. Rybak K.Ye. Muzeynoye pravo: mezhdu narodno-pravovyye aspekty. M.: Jurist, 2005. 288 s.
5. Gritskevich V. P. Istorija muzeynogo dela do kontsa XVIII veka. Sankt-Peterburg: SPbGU, 2004. 406 s.
6. Sundiyeva A.A. Protomuzeynyye formy v rossiyskoy kul'ture // Observatoriya kul'tury. 2005. № 3. S. 74–7.
7. Shvidkovskiy D., Parshin A. «Aptekarskiy ogorod» v tsentre stolitsy // Nashe naslediye. 1997. № 43 44. S. 200–205.
8. Zarozhdeniye aptek [Elektronnyy resurs]. URL: <http://museum.impharma.ru/text/10> (data obrashcheniya: 13.04.2015 g.).
9. Botanicheskiy sad MGU im. M.V. Lomonosova «Aptekarskiy ogorod» [Elektronnyy resurs]. URL: <http://hortus.ru/rasteniya/> (data obrashcheniya: 15.04.2015 g.).
10. Novikov V.S. Istoricheskiye vekhi V 2006 g. ispolnyayetsya 300 let Botanicheskому sadu Moskovskogo universiteta [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.massmedia.msu.ru/index.php?name=gazeta&id=article&send=2261> (data obrashcheniya: 15.04.2015 g.).
11. Poydina T.V. Vozniknoveniye i razvitiye sadovo-parkovogo stroitel'stva v sibirskikh gorodakh (na primere Barnaula, Tomска, Omska) // Polzunovskiy vestnik. 2006. №4. S. 319 324..
12. Poydina T.V. Graficheskiye dokumenty i fotoil'yustratsii arkhivnykh i muzeynykh fondov kak istochniki izucheniya sadovo-parkovogo stroitel'stva v sibirskom gorode // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2008. №2(9). S. 41 43.
13. Burshteyn Ye.F. Shanginy – issledovateli yuzhnoy Sibiri i kazakhskikh stepей. M.: Nauka, 2003. 232 s.
14. Yuzhno-sibirskiy botanicheskiy sad [Elektronnyy resurs]. URL: <http://ssbg.asu.ru/> (data obrashcheniya: 15.04.2015 g.).

15. Solomina A. Barnaul'skiy dendrariy [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.barnaul-altai.ru/info/barnaul/altai/dendrariy.php> (data obrashcheniya: 17.04.2015 g.).
16. Katreenko N. Dendrariy: ataka varvarov? // Vecherniy Barnaul. 5 oktyabrya 2012 g. № 150 (3664). S. 31.
17. Istorya zooparkov [Elektronnyy resurs]. URL: <http://xn--80ankoagi.xn--80acgfbsl1azdqr.xn--plai/zoo/o-zooparke/istoriya-zooparka/istoriya-zooparkov> (data obrashcheniya: 17.04.2015 g.).
18. Zverintsy [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.museum.ru/rme/proto_zver.asp (data obrashcheniya: 15.04.2015 g.).
19. Burlakov A.V. Park «Zverinets» [Elektronnyy resurs]. URL: <http://history-gatchina.ru/article/zverinec> (data obrashcheniya: 15.04.2015 g.).
20. Polyakova D.A. 220 let so vremeni stroitel'stva v Barnaule zdaniya Gornoy apteki po proyektu arkhitektora A.I. Molchanova // Barnaul'skiy khronograf, 2014 g.: kalendar' znamenatel'nykh i pamyatnykh dat. Barnaul: OAO «Altayskiy dom pechati», 2013. S. 44–48.
21. Muzej aptechnogo dela «Gornaya apteka» (gorod Barnaul) [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.altairregion22.ru/territory/culture/museum_night/2012/mad.php (data obrashcheniya: 15.04.2015 g.).
22. Etnomir – etnograficheskiy park-muzej [Elektronnyy resurs]. URL: <http://ethnomir.ru/etno/what-is-etnomir/>. (data obrashcheniya: 28.04.2015 g.).
23. Biyskiy rabochiy. 19.06.2014. [Elektronnyy resurs]. URL: <http://biwork.ru/novosti/19464-v-etnograficheskem-parke-legenda-v-bijskom-rajone-budet-zapushchen-malyj-vodyanoj-krug-k-shukshinskim-cteniym.html> (data obrashcheniya: 28.04.2015 g.).
24. Detskiye muzei [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.museum.ru/RME/sci_child.asp (data obrashcheniya: 28.04.2015 g.).
25. Luchshiye detskiye muzei vsego mira [Elektronnyy resurs]. URL: http://rybkovskaya.ru/detskie_muzei/ (data obrashcheniya: 28.04.2015 g.).
26. Bol'shoy planetariy Moskvy. Istorya planetariya [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.planetarium-moscow.ru/about/history/> (data obrashcheniya: 28.04.2015 g.).
27. Boos Ye.G., Belyakova M.P., Onishchuk V.I. i dr. Osveshcheniye Moskovskogo planetariya // Mir stroitel'stv ai nedvizhimosti. 2012. № 43. S. 2–3.
28. Barnaul'skiy planetariy [Elektronnyy resurs]. URL: <http://planetarium22.ru/> (data obrashcheniya: 28.04.2015 g.).
29. Cherez planetariy – k zvezdam // Vecherniy Barnaul. 20 yanvarya 2012 g. №7 (3521). S. 21.
30. Pavlova N. Vesenniy festival' planetarnykh programm // Vecherniy Barnaul. 18 marta 2011. № 39. S. 21.

УДК: 069 (517.17)
DOI 10.17223/22220836/18/11

Е.А. Орлова

МУЗЕЕФИКАЦИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ТЕЛЕУТСКОГО НАРОДА: ОПЫТ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА»

Статья посвящена рассмотрению способов музеификации нематериального культурного наследия телеутского народа на примере деятельности находящегося в Кемеровской области Историко-культурного и природного музея-заповедника «Томская Писаница». В статье описываются музейная интерпретация предметов телеутской коллекции, хранящейся в фондах музея-заповедника, а также различные формы культурно-образовательной деятельности – музейные уроки, экскурсии, праздники. Авторы делают вывод о том, что подобная деятельность позволяет сохранять и актуализировать древние традиции телеутов.

Ключевые слова: *нематериальное культурное наследие, музеификация, культурно-образовательная деятельность музея, музейная педагогика, музейные праздники, телеуты.*

Облик современного мира неуклонно меняется – появление новых транспортных средств, развитие экономических связей, формирование мирового рынка и ещё целый ряд не менее важных факторов способствуют сближению наций и расширению культурных контактов народов. Данный процесс, направленный на создание целостного культурного, информационного, экономического и другого пространства, получил название глобализации. Видные исследователи глобализации, такие как С. Хоффман и П.В. Малиновский, выделяют три её типа, существующие в настоящее время: экономическую, культурную и политическую. С. Хоффман писал, что определяющим моментом культурной глобализации является выбор между унификацией (нередко называемой американизацией) и стремлением к многообразию [1. С. 82–83]. Особенно острым подобный выбор становится для малочисленных народов, так как их традиционная культура испытывает двойное давление: со стороны западных духовных ценностей и со стороны ценностей доминирующего общества, представленного этническим «большинством».

В Кузбассе проживают два народа, отнесённых к коренным малочисленным, – шорцы и телеуты. Представители данных тюркоязычных этносов живут в Кемеровской области на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняют традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывают менее 50 тысяч человек и осознают себя самостоятельными этническими общностями. Данные критерии определены Федеральным законом от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» для отнесения того или иного народа к числу коренных малочисленных [2]. По результатам Всероссийской переписи населения 2010 г. численность шорцев, проживающих на территории Кузбасса, составляет 10 672 человека (12 888 в РФ), а телеутов – 2 520 человек (2 643 в РФ) [3].

В настоящее время сохранение традиционной культуры коренных малочисленных народов является проблемой мирового масштаба и гарантируется рядом международных соглашений. Один из важнейших подобных документов – до настоящего времени не ратифицированная РФ Конвенция по вопросам охраны нематериального культурного наследия от 17 октября 2003 г. Данный документ определяет нематериальное наследие как обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и в некоторых случаях отдельными лицами в качестве части их культурного наследия. Такое нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, их взаимодействия с природой и их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека [4].

Целью данной статьи является рассмотрение способов музеефикации нематериального культурного наследия коренного малочисленного народа – телеутов на примере деятельности находящегося в Кемеровской области Историко-культурного и природного музея-заповедника «Томская Писаница».

Несмотря на свою малочисленность и различные культурные вызовы современности, телеуты сделали свой выбор в пользу сохранения собственной этнокультурной идентичности. Так, например, на территории Беловского района Кемеровской области успешно действует историко-этнографический музей «Чолкой», организованный в соответствии с традиционным жизненным укладом телеутов и располагающий значительным количеством культовых предметов, предметов быта, изделий декоративно-прикладного искусства и т.д. Также в «Чолкое» действует архитектурная экспозиция под открытым небом, представляющая реконструкции различных телеутских построек. Кроме того, при посещении музея экскурсантов встречают театрализованной постановкой, позволяющей лучше понять обычаи и верования телеутов.

Религиозные представления телеутов отличаются сочетанием элементов анимизма, в частности, к дошаманистским временам относится кульп эмегендеров; шаманизма, основанного на вере в различных божеств и духов, населяющих Вселенную и оказывающих непосредственное влияние на жизнь человека; православия (так, нередко традиционные праздники оказываются приуроченными к престольным праздникам сёл, где проживают телеуты) и бурханизма, предусматривавшего почитание верховного божества Уч-Курбустана и отказ от поклонения «чёрным» духам.

Реконструировать духовные представления телеутов, глубже понять их народные обычаи, знания и навыки, касающиеся самых разных сфер человеческой деятельности, помогает исследование объектов материальной культуры – орудий труда, домашней утвари, жилищ, одежды и прочего. Все эти объекты не только выполняют определённые утилитарные функции, но и несут в себе информацию, закодированную в виде различных символов. Поэтому включение нематериального культурного наследия в музейную деятельность целесообразно начинать с выявления устой-

чивых символов, свойственных культуре того или иного народа, и их интерпретации в контексте музеиного собрания.

В настоящее время постоянная экспозиция, посвящённая культуре телеутского народа, в музее-заповеднике отсутствует, хотя планами перспективного развития музея-заповедника «Томская Писаница» предусматривается создание экспозиции «Телеутское поселение». Поэтому сохранение, интерпретация, трансляция и презентация нематериального культурного наследия телеутов в «Томской Писанице» имеет определённую специфику.

Основным объектом музейной интерпретации является телеутская коллекция, хранящаяся в фондах музея-заповедника «Томская Писаница». Её ядром послужили переданные в 1991 г. музею-заповеднику бытовые и культовые предметы (28 единиц хранения), собранные Д.А. Функом в Беловском, Гурьевском и Новокузнецком районах Кемеровской области.

Важное место в коллекции занимают культовые предметы – канаттулар (2 единицы хранения), эмегендеры (10 единиц хранения), енекелер (3 единицы хранения), паштык (5 единиц хранения), күрмүжек (1 единица хранения), чалулар (1 единица хранения).

Канаттулар («крылатые») представляют собой деревянные рогатки, обтянутые тканью и символизирующие охотничье духа. Дух «канаттулар» сочетал покровительство охотничьему промыслу с охраной дома от злых сил, обитая в печной трубе [5. С. 25].

Эмегендер («старушки») – это небольшие (10–15 см) куклы из льняной пакли или ваты, обтянутые тканью. К эмегендерам до настоящего времени обращаются в основном женщины в случае трудных родов, при болезни детей, причём, как правило, при болезнях глаз, ушей, носа и головы [6. С. 38].

Енекелер («матушки», «матери» эмегендеров) – изображения на лоскуте ткани дочерей небесного божества Бай-Ульгена. В их функции входили охрана жилища, очага и рожениц. Кроме того, они способствовали благополучному исходу родов, укачивали детей.

Паштык (буквально «главный») – холщовый мешочек для хранения ритуальных предметов.

Күрмүжек – антропоморфная деревянная фигурка духа, сочетающего функции хранителя дома и покровителя охотников.

Чалулар – миниатюрная модель шаманского бубна, атрибут некоторых эмегендеров, вероятно изображавших предков-шаманок.

Значительный вклад в дело интерпретации культовых предметов телеутской коллекции внёс доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой этнологии МГУ Д.А. Функ, посвятивший особенностям культа телеутских семейно-родовых покровителей брошюру «Семейно-родовые покровители у телеутов». Данное издание включает в себя фотографии и описание культовых предметов, выполненные сотрудниками «Томской Писаницы» – Е.А. Москвиной, В.М. Коноваловой и С.Н. Леонтьевым. Его уникальность заключается в том, что впервые публикуются в качестве единого комплекса такие материалы, как фотографии и описания культовых предметов, записи бесед с информантами, а также священные тексты телеутов с переводом на русский язык.

Остальную часть телеутской коллекции составляет одежда: воротнички от женских платьев – тяка (4 единицы хранения), мужские и женские пояса-кур (4 единицы хранения), женская обувь – чаарык (2 единицы хранения), платья-кунёк (6 единиц хранения), в том числе два свадебных платья, женский халат – јелен (1 единица хранения), женский стёганый халат – сырмал (1 единица хранения), женская шуба – тон (1 единица хранения), женское нагрудное украшение – тёштök (1 единица хранения), мужской халат – јелен (1 единица хранения). Кроме того, в состав коллекции входят прикроватная занавеска – кёжöго (1 единица хранения) и перешитое покрывало (1 единица хранения). Оба предмета использовались во время свадебного обряда.

Музейная интерпретация вышеперечисленных предметов телеутской коллекции позволяет получить информацию о типичных женских и мужских занятиях телеутов, способах ведения хозяйства, ремёслах (ткачество, ювелирное дело и т.д.).

Кроме того, изучение одежды позволяет судить о традиционных представлениях телеутов, в частности о структуре мироздания и способах взаимодействия человека с окружающим миром. Эти сведения помогают глубже понимать телеутский фольклор. Так, например, анализ традиционного женского костюма телеуток позволяет сделать вывод о том, что «кунёк» отражает в символической форме традиционные представления о структуре мироздания – верхнем и нижнем мирах. Причём верх одежды маркирован символами благодати – декоративными элементами золотистого и серебристого цвета. Отделка воротника, напоминающая по цвету золото и серебро, могла выполнять функцию оберега, защищающего от зла и обеспечивающего благополучие [7. С. 148], потому что в культуре тюркских народов Сибири золото и серебро связываются с благодатным божественным началом. Также определённую смысловую нагрузку несёт и цветовая гамма народного костюма. Например, свадебное платье шилось исключительно из ткани красного цвета, который служил своеобразным оберегом, призванным обеспечить женщине красоту, здоровье и благополучную семейную жизнь.

Результаты музейной интерпретации предметов женской одежды из телеутской коллекции были введены в научный оборот и представлены на международных конференциях «История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай)» (2014 г.) и «Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий» (2014 г.).

Но научное сообщество не единственный адресат информации, полученной в результате музейной интерпретации фондовых предметов музея-заповедника «Томская Писаница». В своей деятельности музей-заповедник, анимируя музейное содержание, старается ознакомить с различными аспектами нематериальной культуры телеутского народа посетителей «Томской Писаницы», а также школьников и студентов.

Анимирование музейного содержания происходит путём применения методов музейной педагогики – междисциплинарного направления на стыке музееведения, педагогики, психологии, культурологии, этики и т.д. «Точкой соприкосновения музейной педагогики и нематериального культурного наследия является принцип преемственности, суть которого – передача межпоколенческих знаний и культурных кодов» [8. С. 56].

Согласно классификации О. Ботяковой вся совокупность форм культурно-образовательной (музейно-педагогической) деятельности музея может быть разделена на два класса. К первому классу относят элементарные формы, которые, в свою очередь, разделяются на следующие типы: 1) производные от образовательно-воспитательной функции музея (лекция, консультация, музейный урок, музейное занятие); 2) типы, производные от рекреационной функции музея (экскурсия, спектакль, концерт, дефиле, бал, мастер-класс). Ко второму – комплексные формы. Формы данного класса группируются по признакам использования технологий синтеза и многократности совершающего действия: экскурсионные в лекционные циклы, кружок, студия, курсы, фестиваль, музейный праздник, музейная акция клуб, «вечера» [9].

В музейно-педагогической деятельности музея-заповедника «Томская Писаница» используются как элементарные, так и комплексные формы. Так, познакомить учащихся с духовными представлениями телеутов помогают музейные уроки, проводимые с широким применением интерактивных методов. Например, для учеников младших и средних классов разработан урок, посвящённый телеутскому свадебному обряду, во время которого школьники изготавливают копии ритуальных кукол эмегендеров, которые невеста непременно привозила с собой в новый дом. На уроках, посвящённых телеутским традициям, широко используются как фоновые предметы, так и новоделы, иллюстрирующие информацию о ремёслах телеутов, их хозяйственном укладе и религиозных представлениях.

Выше уже говорилось, что постоянная экспозиция, посвящённая культуре телеутов, в «Томской Писанице» отсутствует, поэтому одной из основных форм презентации нематериального культурного наследия телеутского народа становится экскурсии, проводимые научными сотрудниками музея-заповедника на передвижных выставках, которые организуются в библиотеках и образовательных учреждениях Кемерова и Кемеровской области. Регулярно проходят выставки, посвящённые различным аспектам духовной культуры тюрков Южной Сибири. Экспонирование культовых предметов и тех элементов телеутской одежды, что выполняют функцию оберегов, сопровождаемое пояснительными материалами, позволяет сформировать у посетителей представление о том, что религиозные верования телеутов имеют синкретический характер и сочетают в себе элементы родовых культов, шаманизма, христианства и бурханизма.

К классу комплексных форм культурно-образовательной деятельности, осуществляемых музеем-заповедником «Томская Писаница», относятся праздники. Музейные праздники позволяют представить те объекты культуры, которые существуют преимущественно в форме временной презентации (песня, танец, театр, фольклор и др.).

Важной формой презентации нематериального наследия телеутского народа является проводимый ежегодно (с 2006 г.) фольклорный праздник Чыл-Пажи. Чыл-Пажи, или, в другой транскрипции, Чыл-Пазы, представляет собой встречу Нового года у народов Саяно-Алтая (хакасов, шорцев, телеутов и др.), в буквальном переводе его название означает Голова года. Отмечается

он 22 марта, в день весеннего равноденствия. Чыл-Пажи открывает новый жизненный цикл, в этот день изгоняется всякая вражда.

Вот уже десять лет подряд 22 марта на территории «Томской Писаницы» проходят праздничные мероприятия с участием шорских, тывинских, алтайских и телеутских фольклорных коллективов. Многочисленные посетители музея-заповедника получают возможность приобщиться к таким элементам нематериального культурного наследия телеутов, как песни и танцы. Важность приглашения телеутских фольклорных коллективов определяется тем, что танцевальная и песенная культура – важнейшая и во многом сохранившаяся часть традиционной культуры коренных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока. Танцевальная пластика этих народов чрезвычайно представительна по отношению к их традиционной культуре в целом, выражает ее ценностные установки, органично входит как в бытовую, так и в художественную, обрядово-ритуальную, религиозную сферы культуры [10]. Песни же можно назвать подлинной энциклопедией народной жизни. Ведь песенное народное творчество всегда было своеобразным ретратраслятором важнейших мировоззренческих ориентиров, представлений и опорных символов народного сознания. Через него экстраполировалась существующая и складывающаяся веками система ценностей, нравственных и моральных норм того или иного этноса, заветы и поучения предков, которые передавались из поколения в поколение [11].

Кульминационным элементом праздничного торжества Чыл-Пажи являются обряды очищения от бед и болезней, кормления духов и благопожелания, проводимые шаманкой. Проведение на территории музея-заповедника шаманского обряда также способствует приобщению посетителей к традиционной культуре телеутов, так как шаманизм является «формой накопления и трансляции этнического опыта. Он формирует этнический стереотип поведения, своеобразный культурный код, когда мифы о злых или добрых духах и взаимоотношениях с ними определяют этические предпочтения, механизмы взаимодействия с окружающей природой и т.д.» [12. С. 164]. Благодаря участию в празднике Чыл-Пажи жители такого высокоурбанизированного региона, как Кемеровская область, имеют возможность приобщиться к телеутским традициям, уходящим корнями в глубокую древность.

Таким образом, можно сделать вывод, что нематериальное культурное наследие коренных малочисленных народов возможно музефицировать следующим образом – с помощью интерпретации музеиных этнографических коллекций с целью выявления культурных кодов и последующей трансляции полученной информации в рамках культурно-образовательной деятельности музея. Всё это позволяет сохранять и актуализировать древние традиции, что приобретает особое значение в условиях глобализации. В качестве примера можно привести культурно-образовательную деятельность музея-заповедника «Томская Писаница», направленную на музеификацию нематериального культурного наследия телеутского народа.

Литература

1. Хофман С. Столкновение глобализаций: Как сделать мир более пригодным для жизни // Россия в глобальной политике. 2003. № 1, т. 1. С. 78–91.

2. Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.garant.ru/act/right/180406/> (дата обращения: 19.03.2015).
3. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 19.03.2015).
4. Конвенция «Об охране нематериального культурного наследия»; принятая и провозглашена Генеральной конференцией ЮНЕСКО в Париже 17 октября 2003 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 19.03.2015).
5. Кимеева Т.И. Традиции и ремёсла бачатских телеутов / Т.И. Кимеева, Л.И. Тыдыкова. Кемерово, 2011. 120 с.
6. Функ Д.А. Семейно-родовые покровители у телеутов. Кемерово, 2012. 40 с.
7. Орлова Е.А. Символика воротника-тяка в традиционной женской одежде телеутов // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай) : материалы международной научно-практической конференции, 20–23 апреля 2014 г. / отв. ред. Ф.И. Куликов. Горно-Алтайск, 2014. С. 146–148.
8. Курьянова Т. С. Музей и нематериальное культурное наследие // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 361. С. 55–57.
9. Ботякова О.А. Музей этнографического профиля в контексте образования и культуры России: автореф. ... дис. канд. культурологии. СПб., 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.referun.com/n/muzey-etnograficheskogo-profilya-v-kontekste-obrazovaniya-i-kultury-rossii> (дата обращения: 27.03.2015).
10. Чернышова С.Л. Танцевально-пластическая культура коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: проблемы сохранения и актуализации : автореф. ... дис. канд. культурологии. – СПб., 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/tantsevalno-plasticheskaya-kultura-korennyyh-malochislenyyh-narodov-severa-sibiri-i-dalnego-vostoka-problemy-sohraneniya-i> (дата обращения: 01.04.2015).
11. Ерошенко А.Р. Песенное народное творчество как отражение национальной культуры и менталитета // Научный журнал КубГАУ. 2014 № 102(08). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ej.kubagro.ru/2014/08/pdf/63.pdf> (дата обращения: 01.04.2015).
12. Брачун Т.А. Чукотский шаманизм как социокультурный феномен // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2010. № 2 (1). С. 163–170.

Orlova Elena A. Public autonomous cultural institution of the Kemerovo region, Historical-cultural and natural museum-reserve «Tomsk Pisanitsa» (Kemerovo, Russian Federation).

E-mail: orlovaea42@gmail.com. DOI 10.17223/22220836/18/11

MUSEIFICATION OF INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE OF THE TELEUT PEOPLE: TOMSKAYA PISANITSA MUSEUM RESERVE EXPERIENCE

Key words: intangible cultural heritage, museification, museum's cultural education activities, museum education, museum events, Teleuts.

This article investigates the ways of museification of the intangible cultural heritage of the Teleut people, based on the example of the Historical Cultural and Natural Museum Reserve Tomskaya Pisanitsa located in the Kemerovo region. Teleuts are indigenous peoples living in Kuzbass. According to the Russian Census, there are 2,643 reported Teleut people, 2,520 of whom live in the Kemerovo region. The Tomskaya Pisanitsa Museum Reserve currently doesn't have a permanent exhibit dedicated to the Teleut culture. Therefore, preservation, interpretation, transmission and presentation of the Teleut intangible cultural heritage at the Tomskaya Pisanitsa have their specific features. The main object of the museum interpretation is a Teleut collection, stored in the museum. Religious objects occupy an important position in the collection, followed by clothes. All these items contain information encoded in the form of different symbols. The museum's interpretation of the objects in the Teleut collection allows to reconstruct the Teleut spiritual beliefs, to better understand their customs, knowledge and skills related to many different areas of human life, to obtain information about the typical Teleut male and female occupations, farming methods and crafts. The scientific community, the museum visitors and students of different educational institutions of Kemerovo and Kemerovo region are the recipients of the information obtained as a result of the museum interpretation of the objects from the Tomskaya Pisanitsa Museum Reserve collections. Museum lessons, held with the extensive use of interactive methods, help to familiarize students with the Teleut spiritual beliefs. One of the main forms of presen-

tation of the Teleut intangible cultural heritage is guided tours, conducted by the museum-reserve's researchers on the traveling exhibitions, organized in libraries and educational institutions of Kuzbass. The Teleut intangible heritage is manifested through annually held folklore festival Chyl-Pazhi or New Year celebration of the peoples of the Altai-Sayan region. For the tenth consecutive year (since 2006) on March 22 the Tomskaya Pisanitsa Museum Reserve hosts a festival featuring performances by traditional folk artists. Many museum visitors are introduced to the Teleut intangible cultural heritage through songs and dances. A shaman performs ceremonies culminating the Chyl-Pazhi festivities. Based on the foregoing, the article concludes that the intangible cultural heritage of indigenous peoples can be museified through the interpretation of museum ethnographic collections in order to identify the cultural codes and the subsequent transmission of the obtained information within the framework of the museum's cultural education activities. The Tomskaya Pisanitsa Museum Reserve's cultural and educational activities can be an example of museification of the intangible cultural heritage of the Teleut people.

References

1. Khoffman S. Stolknoveniye globalizatsiy. Kak sdelat' mir boleye prigodnym dlya zhizni // Rosiya v global'noy politike. 2003. № 1. T. 1. S. 78–91.
2. Federal'nyy zakon ot 30 aprelya 1999 g. N 82-FZ «O garantiyakh prav korennykh malochislenykh narodov Rossiyskoy Federatsii» [Elektronnyy resurs]. URL: <http://constitution.garant.ru/act/right/180406/> (data obrashcheniya: 19.03.2015).
3. Informatsionnyye materialy ob okonchatel'nykh itogakh Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (data obrashcheniya: 19.03.2015).
4. Konvensiya «Ob okhrane nematerial'nogo kul'turnogo naslediya»; prinyata i provozgashena General'noy konferentsiyey YUNESKO v Parizhe 17 oktyabrya 2003 g. [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (data obrashcheniya: 19.03.2015).
5. Kimeyeva T.I. Traditsii i remosla bachatskikh teleutov / T.I. Kimeyeva, L.I. Tydykova. Kemerovo, 2011. 120 s.
6. Funk D.A. Semeyno-rodovyye pokroviteli u teleutov. Kemerovo, 2012. 40 s.
7. Orlova Ye.A. Simvolika vorotnika-tyaka v tradisionnoy zhenskoy odezhde teleutov // Istoryya i kul'tura narodov Yugo-Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh regionov (Kazakhstan, Mongoliya, Kitay) : materialy mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskoy konferentsii, 20–23 aprelya 2014 goda / otv. red. F.I. Kulikov. Gorno-Altaysk, 2014. S. 146–148.
8. Kur'yanova T.S. Muzei i nematerial'noye kul'turnoye naslediye // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 361. S. 55–57.
9. Botyakova O.A. Muzei etnograficheskogo profiliya v kontekste obrazovaniya i kul'tury Rossii : avtoref. ... dis. kand. kul'turologii. SPb., 2007 [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.referun.com/n/muzei-etnograficheskogo-profilija-v-kontekste-obrazovaniya-i-kultury-rossii> (data obrashcheniya: 27.03.2015).
10. Chernyshova S.L. Tantseval'no-plasticheskaya kul'tura korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: problemy sokhraneniya i aktualizatsii : Avtoref. ... dis. kand. kul'turologii. – SPb., 2009 [Elektronnyy resurs]. URL: <http://cheloveknauka.com/tantsevalno-plasticheskaya-kultura-korennyh-malochislennyh-narodov-severa-sibiri-i-dalnego-vostoka-problemy-sokhraneniya-i> (data obrashcheniya: 01.04.2015).
11. Yeroshenko A.R. Pesennoye narodnoye tvorchestvo kak otrazheniye natsional'noy kul'tury i mentaliteta // Nauchnyy zhurnal KubGAU. №102(08). 2014 [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.ej.kubagro.ru/2014/08/pdf/63.pdf> (data obrashcheniya: 01.04.2015).
12. Brachun T.A. Chukotskiy shamanizm kak sotsiokul'turnyy fenomen // Vestnik Lenigradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2010. № 2 (1). S. 163–170.

УДК 027.6(571)
DOI 10.17223/22220836/18/12

Е.Б. Артемьева

БИБЛИОТЕКИ ДУХОВНОГО ВЕДОМСТВА НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРСКО-ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА В 1990-е – ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ 2000-х гг.

В статье приведена краткая характеристика развития библиотек духовных учреждений – храмов, семинарий, медресе, дацанов Сибири и Дальнего Востока в 1990-х – первое десятилетие 2000-х гг. Исторический опыт убеждает, что если различные структуры духовных заведений, включая библиотеки, не замыкаются на религиозной сфере, а общаются контакта с народом, то их деятельность способствует духовному возрождению общества.

Ключевые слова: библиотеки учреждений духовного ведомства, храмы, семинарии, медресе, дацаны, православная литература, исторические и нравственные ценности народов.

Восстановление духовных, исторических и нравственных ценностей народов является одной из задач библиотек. Особая роль в решении этого вопроса принадлежит библиотекам духовного ведомства, возрождение которых в России началось в конце XX в. С 1991 г. стали активно восстанавливаться старые и возводиться новые храмы, начали открываться воскресные школы и другие соответствующие учебные заведения. Русской православной церкви было поставлена задача духовного просвещения населения, которое, естественно, невозможно без духовно-назидательной литературы, а значит, без библиотек – хранилищ и трансляторов вековых знаний. Библиотеки как культурно-просветительские и информационные учреждения способствуют процессу возрождения, формируя соответствующие фонды и раскрывая их пользователям, воспитывают в людях нравственность, гуманность, понимание веры и религиозную веротерпимость.

Репертуар православной литературы в библиотеках церквей конца XX в. – это жития святых, поучения Святых Отцов Церкви, богослужебная литература (часослов, минеи, Триоди, требники, молитвословы и т.д.), акафисты, каноны, молитвы, а также их разъяснения и толкования Святыми Отцами, книги Библии (Псалтырь, Евангелие, Апостол, др.); книги учебно-назидательного характера: Закон Божий, катехизис, учебники церковно-славянского языка, которые используются при обучении детей и взрослых на уроках воскресной школы. К началу 2000-х гг. за счет появления многочисленных православных издательств количество документов в фондах библиотек заметно увеличилось.

Как указывают исследователи, фонды большинства православных библиотек насчитывают в среднем около 10 тыс. экз. Так, например, в библиотеках Новосибирского Вознесенского кафедрального собора, Новосибирского богословского института, Новосибирской духовной семинарии фонд именно такой в количественном выражении; в библиотеках ведутся каталоги и создаются электронные ресурсы. Имеется библиотека, ведется каталог в Бердском Преображенском кафедральном соборе. Начиная со второй половины 1990-х гг. фор-

мируются и православные электронные библиотеки, представленные на сайтах епархий. Большинство из них являются поливидовыми: они содержат текстовые документы, аудиозаписи, видеозаписи, фильмы, фотографии. Неотъемлемые атрибуты сайтов: новостные ленты, информирующие о последних событиях в православном мире; православные календари; форумы; полезные ссылки на сетевые ресурсы [1, 2, 3].

Возрождение храмов и монастырей породило кадровую проблему, потребовало организации духовных учебных заведений: были открыты семинарии, духовные училища и курсы псаломщиков; сформированы профильные факультеты и в светских вузах. Церковь решала задачу сделать доступным богословское и православное гуманитарное образование для всех, кто стремился вернуться к православной культуре, к православной вере, к духовным корням русского народа.

Во второй половине 1990-х гг. возродили свою деятельность и мусульманские библиотеки на территории Сибири, что было связано с открытием в областных и краевых центрах региона мечетей и медресе. Причинами организации работы мусульманских библиотек в основном являются: желание верующих ближе познакомиться с достижениями арабо-мусульманской культуры, возможность повышения уровня религиозного образования и проведение просветительской работы, прежде всего, среди представителей других конфессий. Основным ареалом распространения мусульманских библиотек является Западная Сибирь (Омск, Новосибирск, Тобольск). Это обстоятельство обусловлено как причинами исторического характера (Западная Сибирь – место компактного проживания мусульманского населения), так и особенностями распространения мусульманской книги в регионе. Основу большинства книжных фондов мусульманских библиотек составляют русскоязычные издания исламской тематики. В ситуации, когда русский язык оказывается важным инструментом межнационального общения, наличие русскоязычных книг приобретает огромную социальную значимость. Это обстоятельство позволяет говорить о межцивилизационной роли мусульманской книги и большом значении русского языка в мусульманском социуме.

Литература на арабском, равно как и на татарском, казахском и иных языках, присутствует в фондах рассматриваемых библиотек. Особых требований к отбору книг для библиотек не существует. Главное, чтобы их содержание соответствовало общепринятым исламским нормам и не имело серьезных расхождений с ортодоксальной мусульманской традицией. В XXI в. библиотеки являются центрами распространения мусульманской книги в Сибири и важнейшими проводниками мусульманской книжной культуры [9].

На территории региона получают развитие и буддийские библиотеки – в дацанах Бурятии, Иркутской области и др. Например, при Иволгинском дацане в Бурятии в 1991 г. был открыт Буддийский университет «Даши Чойнхорлин» – единственное учебное учреждение в России, деятельность которого направлена на углубленное изучение и преподавание буддийской философии. Университет является многопрофильным вузом, занимающимся подготовкой буддийских священнослужителей – лам, ученых-буддологов и востоковедов, лингвистов, специалистов по тибетскому и старомонголь-

скому языкам, врачей тибетской медицины, художников. В вузе действует библиотека, формируются электронные коллекции [10].

Таким образом, в регионе на рубеже XX–XXI вв. библиотеки различных конфессий начинают новый этап эволюции. Исторический опыт убеждает, что если различные структуры духовных учреждений, включая библиотеки, не замыкаются на религиозной сфере, а добиваются контакта с народом, то их деятельность способствует эволюции общества.

Литература

1. Минина С. Ю. Православные библиотеки и современность // Девятые Макушинские чтения. Новосибирск, 2012. С. 281–285.
2. Кузоро К. А. Православные электронные библиотеки: современное состояние и перспективы развития // Труды / Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук. Новосибирск, 2011. Вып. 1: Развитие электронной информационно-библиотечной среды. С. 88–93.
3. Фунтикова С. П. Православные библиотеки: прошлое и настоящее. М., 2002. С. 100–115.
4. Томская православная духовная семинария : офиц. сайт. URL: <http://tompds.ru/> (дата обращения: 07.05.2012).
5. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (ПСТГУ): офиц. сайт Московского Патриарха. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/80367.html> (дата обращения: 28.05.2015).
6. Журналы заседаний Священного Синода Русской Православной Церкви. 17–19 июля 2006 г. № 65 // Русская Православная Церковь. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/126436.html> (дата обращения: 05.05.2012).
7. Хабаровская духовная семинария // Древо: открытая православная энциклопедия. URL: <http://drevoinfo.ru/articles/16086.html> (дата обращения: 07.05.2012).
8. Хабаровская духовная семинария. URL: <http://dvseminary.ru/> (дата обращения: 07.05.2012).
9. Данилов В. Л. Мусульманская книга в Сибири в конце XX – начале XXI в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. С. 19–21. URL: http://www.spssl.nsc.ru/webirbis/irbis64r_01/cgi/cgiirbis_64.exe?Z21ID=&I21DBN=CATD&P21DBN=CATD&S21STN=1&S21REF=3&S21FT=T=fullwebr&C21COM=S&S21CNR=20&S21P01=0&S21P02=0&S21P03=M=&S21STR= (дата обращения: 31.05.2015).
10. Иволгинский дацан. URL: <http://www.datsan.buryatia.ru/> (дата обращения: 25.06.2013).

Artemyeva Elena B. Head of the Department of research-methodological activity of SPSTL SB RAS, Ph. D. (doctor of pedagogical sciences) (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: artem@spssl.nsc.ru. DOI 10.17223/22220836/18/12

RELIGIOUS DEPARTMENT LIBRARIES IN THE SIBERIAN-FAR EASTERN REGION IN 1990s – EARLY 2000s

Key words: religious department libraries, churches, seminaries, madrassas, datsans, Orthodox literature, peoples' historical and moral values.

Restoring peoples' spiritual, historical and moral values is a task of libraries. A special role in solving this problem belongs to religious department libraries, which revival began in the late XX century. In 1990s the old churches began actively restoring, new ones were built, Sunday schools and other relevant institutions were opened. The Russian Orthodox Church has been given the task of population religious education, which is impossible without ecclesiastical writing and edifying literature, hence, without libraries as storages and translators of secular knowledge. Libraries as cultural-educational and information institutions contribute to the process of regeneration forming relevant collections and uncovering their content for users, bringing people morality, humanity, faith understanding and religious tolerance. The article contains a brief description of the Orthodox church libraries (in Novosibirsk Region), seminaries, religious schools, faculties, where religious department staff is training (Tomsk, Vladivostok, Yakutsk, Khabarovsk, Yuzhno-Sakhalinsk), which revived their activities in Siberia and the Far East, as well as madrassas (Omsk, Novosibirsk, Tobolsk) and datsans (Republic of Buryatia) in 1990s – early 2000s. The historical experience shows, if various structures of

religious institutions, including libraries, are not confined to the religious sphere, but sought contact with the people, their activities contribute to the society spiritual development.

References

1. *Minina S.Ju.* Pravoslavnye biblioteki i sovremennost' // Devyatye Makushinskie chtenija. Novosibirsk, 2012. S. 281–285.
2. *Kuzoro K.A.* Pravoslavnye elektronnye biblioteki: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitiya // Trudy / Gos. publich. nauch.-tehn. b-ka Sib. otd-nija Ros. akad. nauk. Novosibirsk, 2011. Vyp. 1: Razvitie elektronnoj informacionno-bibliotechnoj sredy. S. 88–93.
3. *Funtikova S.P.* Pravoslavnye biblioteki: proshloe i nastojashhee. M., 2002. S. 100–115.
4. *Tomskaja pravoslavnaja duhovnaja seminarija* : ofic. sajt. URL: <http://tompds.ru/> (data obrashhenija: 07.05.2012).
5. *Pravoslavnyj Svjato-Tihonovskij gumanitarnyj universitet (PSTGU)*: ofic. sajt Moskovskogo Patriarcha. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/80367.html> (data obrashhenija: 28.05.2015).
6. *Zhurnaly zasedanij Svjashchennogo Sinoda Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. 17–19 iulya 2006 g. № 65 // Russkaja Pravoslavnaja Cerkov'*. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/126436.html> (data obrashhenija: 05.05.2012).
7. *Habarovskaja duhovnaja seminarija* // Drevo: otkrytaja pravoslavnaja jenciklopedija. URL: <http://drevo-info.ru/articles/16086.html> (data obrashhenija: 07.05.2012).
8. *Habarovskaja duhovnaja seminarija*. URL: <http://dvseminary.ru/> (data obrashhenija: 07.05.2012).
9. *Danilov V.L.* Musul'manskaja kniga v Sibiri v konce XX – nachale XXI v. : avtoref. dis. .... kand. ist. nauk. Novosibirsk, 2005. S. 19–21.
10. *Ivolinskij datsan*. URL: <http://www.datsan.buryatia.ru/> (data obrashhenija 25.06.2013).

УДК 01 (091)
DOI 10.17223/22220836/18/13

О.О. Борисова, Е.С. Шичаокина

«ПРИМЕРНЫЙ БИБЛИОТЕЧНЫЙ КАТАЛОГ» К.Н. ДЕРУНОВА КАК ЧАСТЬ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ БИБЛИОГРАФИИ

В статье выделены основные этапы деятельности выдающегося библиотековеда и библиографа К.Н. Дерунова. Подробно представлена его работа по созданию «Примерного библиотечного каталога». Акцентируется главная цель данной работы; отмечены критерии для отбора литературы в каталог; раскрывается его практическая значимость. Освещается работа по созданию второго издания Примерного библиотечного каталога. Упоминается о «Сводном указателе журнальных рецензий за период 1847–1907 гг.» – единственной опубликованной части Примерного библиотечного каталога.

Ключевые слова: К.Н. Дерунов, деятели отечественной библиографии, рекомендательная библиография, «Примерный библиотечный каталог», классификационные системы.

В современных историко-библиографических исследованиях одним из важных направлений является изучение творческого наследия деятелей отечественной библиографии. В данном контексте изучение наследия выдающегося российского и советского библиографа, библиотековеда Константина Николаевича Дерунова является актуальным, поскольку с именем К.Н. Дерунова связаны труды по теории и истории библиографии, практические и теоретические работы в области рекомендательной библиографии, библиографии рецензий. Однако в историю русской библиографии он вошел как автор фундаментального труда в области рекомендательной библиографии – «Примерного библиотечного каталога». Главным исследователем творчества К.Н. Дерунова была И.К. Кирпичева, также изучением его наследия занимались Е.Ю. Ажеева, Э.К. Беспалова, Е.В. Головань, И.Г. Хомякова.

Работа по созданию «Примерного библиотечного каталога» была начата в 1901 г. в Нижнем Новгороде. Основное назначение данного труда заключалось в оказании помощи при комплектовании общеобразовательных библиотек.

Первое издание каталога вышло в свет в 1906 г. Основой для отбора произведений послужило наличие рецензий. Книги, получившие положительные отзывы рецензентов, заносились автором в специальные списки.

Материал в каталоге систематизирован в соответствии с классификацией наук английского философа и социолога Г. Спенсера (во время создания «Примерного библиотечного каталога» данная классификация считалась одной из наиболее прогрессивных). Классификация основывалась на принципе обобщенного знания:

- абстрактные науки, к ним отнесены логика и математика;
- абстрактно-конкретные науки (механика, химия и физика);
- конкретные науки (астрономия, биология, геология, психология, социология).

Структура каталога включала двадцать семь отделов. Особое внимание К.Н. Дерунов уделял марксистской литературе, о чем свидетельствует состав ряда отделов. Например, в отделе «Политическая экономия» из 24 работ крупнейших исследователей политической экономии 12 посвящены К. Марксу и его экономической теории. В этом же отделе помещены произведения основоположников марксизма и их последователей, среди которых труды В.И. Ленина («Развитие капитализма в России», «Экономические этюды»), сочинения К. Маркса («Капитал», «Теория прибавочной стоимости»), работа Ф. Энгельса («Положение рабочего класса в Англии»). В отделе «Социология» содержался «Коммунистический манифест» К. Маркса и Ф. Энгельса и т.д. Наряду с трудами В.И. Ленина, К. Маркса и Ф. Энгельса читателю рекомендовались сочинения Н.А. Бердяева, А.А. Богданова, Л. Вольтмана, Э. Дюргейма и других социологов. В исключительных случаях К.Д. Дерунов включал в «Примерный библиотечный каталог» литературу научно-популярного характера. Так, ввиду отсутствия научно-популярной литературы по истории первобытной культуры он рекомендовал книгу Д. Кудрявского «Как жили люди в древности», а по математике – «Математические развлечения» Э. Люкаса. В каталоге широко представлена литература по истории наук, об этом свидетельствует содержание таких отделов, как «Социология» и «Биология». В отделе «Социология» значительная часть принадлежит общим сочинениям по истории, среди которых назовем «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Н. Бельтова, «Развитие социализма от утопии к науке» Ф. Энгельса. Отдел «Биология» представлен такими произведениями, как «Столетние итоги физиологии растений», «Основные черты истории развития биологии в XIX столетии» К.А. Тимирязева, «История естествознания в древности и в средние века» З. Гюнтера. Еще основательнее был укомплектован трудами исторического характера отдел «Литература», в котором около трехсот произведений посвящено историко-литературным проблемам [1. С. 57].

На труд К.Н. Дерунова в профессиональной печати («Педагогический сборник», «Исторический вестник») было опубликовано несколько рецензий, положительно характеризующих его. Основные недостатки рецензенты связывали с некоторой неясностью принципов отбора, существенными пропусками, ошибками в систематизации, отсутствием аннотаций, формальным расположением материала в отделах, при котором книги различной степени трудности стояли рядом. Высказывались предложения о более дробной рубрикации материала применительно к разным категориям читателей. В архиве К.Н. Дерунова сохранились письма 16 консультантов «Примерного библиотечного каталога» [2. С. 42].

С учетом всех замечаний К.Н. Дерунов продолжил дальнейшую работу, считая, что «Примерный каталог» должен быть постоянно обновляющимся библиографическим пособием. Подготовка второго издания (1908–1911 гг.) велась по двум направлениям: улучшение и дополнение «Примерного библиотечного каталога» и составление сводного указателя рецензий.

Во второе издание каталога было введено 2630 наименований. В подавляющем большинстве (около 71%) это книги, вышедшие в период с июня 1906 г. по июль 1911 г. Одновременно из каталога были исключены

778 названий. В числе последних: «Бактерии» Ф.В. Цопфа, «Теория сравнений» П.Л. Чебышева, «Очерк государственных и правовых греческих древностей» Г. Бузольта, «Священная Римская империя» Д. Брайса и т.п. Кроме того, из второго издания были исключены отделы детских книг (1382 наименования) и периодических изданий (94 наименования). Также работа по улучшению состава каталога проводилась К.Н. Деруновым путем замены устаревших изданий. Например, неполное собрание сочинений А.В. Кольцова (1856 г.) в издании К.Т. Солдатенкова заменено на Полное собрание сочинений в издании Академии наук, а вместо издания стихотворений Я.П. Полонского, вышедшего в 1885–1886 гг., рекомендовано более полное издание К. Маркса в пяти томах (1896 г.). В итоге второе издание каталога включало около 7500 названий. Особой заслугой К.Н. Дерунова считается включение во второе издание списка арестованных и конфискованных изданий. Данный список составлен автором на основании следующих источников: 1) «Алфавитный указатель книгам и брошюрам, арест на которые утвержден судебными установлениями по 1 января 1911 г.»; 2) «Книжная летопись за 1911 г.». В этом списке даны ссылки на 121 книгу [3. С. 67].

Менее всего изменения во втором издании коснулись классификационной схемы: составитель в названиях подрубрик лишь более детально отразил их содержание.

Обе части второго издания каталога снабжены вспомогательными указателями: алфавитным указателем имен и авторов и алфавитным указателем заглавий книг.

Ценным во втором издании является приложение «Сводный указатель журнальных рецензий за период 1847–1907 гг.» – единственная опубликованная часть «Примерного библиотечного каталога» [4]. Приложение сохранилось в виде картотеки, включающей около 300 тысяч рецензий.

О практическом значении «Примерного библиотечного каталога» свидетельствует переписка составителя со специалистами различных областей знания. Большинство ученых, к которым обращался библиограф, активно знакомились с материалами каталога и давали свои рекомендации. Они высоко оценивали работу К.Н. Дерунова. Так, А.Ф. Фортунатов подчеркивал значение знания каталога в первую очередь для своей педагогической работы. Он писал: «Мне она (работа К.Н. Дерунова) будет особенно полезна при чтении курса «Введение в агрономию», где мне приходится рассматривать библиографию всех отраслей науки» [5. С. 68]. Появление «Примерного библиотечного каталога» вызвало резонанс и у практиков библиотечного дела. Например, иностранные библиотекари отмечали важность данного труда для всех, заинтересовавшихся русской литературой. В процессе работы над отделом детской литературы К.Н. Дерунов вел активную переписку с библиотечными деятелями Англии, Германии, Франции и Дании. Немецкий библиотековед Э. Шульце сообщил ему перечень основных иностранных работ о детском и юношеском чтении [6. С. 63].

Известно, что К.Н. Дерунов не оставлял мысли о новом, третьем издании своего труда и постепенно накапливал необходимый материал. В его архиве в виде корректурного оттиска сохранился «Систематический указатель новейшей (1911–1916 гг. включительно), избранной литературы с рецензиями на

нее», который должен был выйти как отдельный номер журнала «Библиотекарь» за 1916 г. Издание так и не состоялось, однако, судя по принципам отбора, схеме расположения, привлечению рецензий, можно утверждать, что этот указатель мог бы стать основой третьего издания «Примерного библиотечного каталога».

Таким образом, изучение творческого наследия одного из выдающихся деятелей русской библиографии К.Н. Дерунова является актуальным и в наши дни. В фундаментальном труде «Примерный библиотечный каталог», наряду с известнейшим указателем Н.А. Рубакина «Среди книг», заложены основы методики рекомендательного библиографирования, которые он дополнял и совершенствовал от издания к изданию. Вместе с тем «Примерный библиотечный каталог», в первую очередь предназначенный в помощь комплектованию общеобразовательных библиотек, имел и другое значение – как ценное руководство в помощь самообразованию. Данный труд внес значительный вклад в развитие рекомендательной библиографии XX в.

Литература

1. Кирпичева И.К. К.Н. Дерунов (1866–1929) : очерк жизни и деятельности / И.К. Кирпичева. М., 1963. 120 с.
2. Ажееева Е.Ю. Философские основы библиотечной науки в наследии К.Н. Дерунова (к 140-летию со дня рождения) / Е.Ю. Ажееева // Библиотековедение. 2006. № 5. С. 74–81.
3. Беспалова Э.К. «Самый честный русский библиограф» (к 135-летию со дня рождения К.Н. Дерунова) // Библиотековедение. 2001. № 5. С. 63–70.
4. Примерный библиотечный каталог. Избранная литература по всем отраслям знания. С приложением «Сводного указателя журнальных рецензий на книги за период 1847–1907 гг.». 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1908. Ч. 1. XVI, 160 с. (В помощь читателям и в руководство библиотекарям).
5. Головань Е.В. К.Н. Дерунов : послесловие к юбилею // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. 2011. № 2. С. 74–80.
6. Хомякова И.Г. Зарубежные контакты К.Н. Дерунова (1866–1929) // Мир библиографии. 2006. № 6. С. 60–65.

Borisova Olga O., Shichaokina Ekaterina S. Orel State Institute of Arts and Culture (Orel, Russian Federation). E-mail: bibkafedra.ogiik@yandex.ru. DOI 10.17223/22220836/18/13

THE EXEMPLARY LIBRARY CATALOG KN DERUNOVA AS PART OF THE CULTURAL HERITAGE OF NATIONAL BIBLIOGRAPHIES*

Key words: K.N. Derunov, the national workers bibliography, recommended bibliography, «about the library catalog» classification system.

The name of K.N. Derunova associated with a number of works on the theory and history of bibliography, practical and theoretical work in the field of recommendatory bibliography, bibliography reviews. However, in the history of Russian bibliography he entered as an author of the fundamental work in the field of recommendatory bibliography «about the library catalog». Work on its creation was initiated in 1901. The main objective of «the Model library catalog» assistance in completing comprehensive libraries.

The first edition of the catalog was published in 1906. The structure of the catalog includes twenty-seven departments. Labor K.N. Derunova in professional printing has been published several reviews, positively characterize it. The archive K.N. Derunova preserved letter of 16 advisers Model library catalog. Foreign librarians noted the importance of work for all those interested in Russian literature. Preparation of the second edition (1908–1911 gg.) Was carried out in two directions: improvements and additions «exemplary library catalog», and the composite index reviews. Securities in the second edition of the application is «Composite Index magazine reviews for the period 1847–1907gg. – Only published part of the» Model of the library catalog. «The application is preserved in the form of filing, including about 300 thousand reviews.

The fundamental work «about the library catalog», along with the famous pointer NA Rubakin «Among the books» laid the foundation for the recommendatory methodology bibliografirovaniya., Which he supplemented and perfected from edition to edition.

References

1. Kirpicheva I.K. K.N. Derunov (1866–1929) : ocherk zhizni i deyatel'nosti / I.K. Kirpicheva. M., 1963. 120 s.
2. Azheyeva Ye.YU. Filosofskiye osnovy bibliotechnoy nauki v nasledii K.N. Derunova (k 140-letiyu so dnya rozhdeniya) / Ye.YU. Azheyeva // Bibliotekovedeniye. 2006. № 5. S. 74–81.
3. Bespalova E.K. «Samyy chestnyy russkiy bibliograf» (k 135-letiyu so dnya rozhdeniya K.N. Derunova) // Bibliotekovedeniye. 2001. № 5. S. 63–70.
4. Primernyy bibliotechnyy katalog. Izbrannaya literatura po vsem otrslyam znaniya. S prilozheniyem «Svodnogo ukazatelya zhurnal'nykh retsenziy na knigi za period 1847–1907 gg.» 2-ye, ispr. i dop. izd. Sankt-Peterburg, 1908. CH. 1. XVI, 160 str. (V pomoshch' chitatel'jam i v rukovodstvo bibliotekaryam).
5. Golovan' Ye.V. K.N. Derunov : poslesloviye k yubileyu // Vestn. Kostrom. gos. un-ta im. N.A. Nekrasova. 2011. № 2. S. 74–80.
6. Khomyakova I.G. Zarubezhnyye kontakty K.N. Derunova (1866–1929) // Mir bibliografii. 2006. № 6. S. 60–65.

УДК 027.52 (571.16)
DOI 10.17223/22220836/18/14

А.И. Дегтярева

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БИБЛИОТЕЧНЫХ КРАЕВЕДЧЕСКИХ
МАТЕРИАЛОВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ КАК СПОСОБ ИХ СОХРАНЕНИЯ
И ТРАНСЛЯЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ВЕБ-САЙТОВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ БИБЛИОТЕК
ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ)¹**

В статье рассматриваются краеведческие материалы публичных библиотек Томской области, представленные в сети Интернет. Показано, что данный формат трансляции краеведческих материалов позволяет библиотекам улучшить качество выполнения таких социальных функций, как приобщение к культурным ценностям, передача социальной памяти. Отмечается, что представление краеведческой информации в компьютерных сетях способствует ее сохранению.

Ключевые слова: муниципальные библиотеки Томской области, сельские библиотеки Томской области, социальные функции библиотек, сохранение культурного наследия, краеведческая деятельность библиотек.

Краеведческие материалы библиотек являются историко-культурными объектами, значимыми для сохранения и развития самобытности народов Российской Федерации [1]. Сохранение и трансляция библиотеками культурного наследия местного значения является одной из важнейших социальных функций, которая связана с приобщением населения к культурным ценностям [2], с передачей социальной памяти [3. С. 32].

Краеведческие материалы публичных библиотек являются уникальным источником информации о социальных, культурных, бытовых особенностях местности. Каждая публичная библиотека так или иначе причастна к сбору и сохранению таких материалов. В то же время одной из основополагающих задач любой публичной библиотеки является не хранение, а распространение информации, предоставление доступа к ней, причем не только местному населению, но и любому пользователю. Современные компьютерные технологии позволяют расширять границы доступа к библиотечным ресурсам, а также дают дополнительные возможности их сохранения и тиражирования.

Краеведческие материалы, имеющиеся в каждой публичной библиотеке, являются одним из наиболее востребованных для представления в удаленном доступе библиотечных ресурсов. Они выполняют социализирующую функцию для местного населения, и в особенности для молодежи, способствуют формированию культурно-исторического сознания местного сообщества [4]. Востребованность удаленного доступа к краеведческим материалам объясняется их уникальностью, оригинальностью. Большинство краеведческих материалов публичных библиотек формируются силами местных сообществ и не имеют больших тиражей. Единичность краеведческих материалов также приводит к необходимости решать вопрос об их сохранности. Одной из возможностей их сохранения является представление этих материалов в Интернете.

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке конкурса РГНФ, проект №15-33-01261.

Возможности представления краеведческих материалов в компьютерных сетях тесно связаны с уровнем технической [5] и кадровой обеспеченности библиотек. Рядовые публичные библиотеки оснащены значительно слабее центральных библиотек, кроме того, в штате сельской публичной библиотеки, как правило, состоит всего один сотрудник, в редких случаях двое или трое. Таким образом, задачу обеспечения удаленного доступа к местным краеведческим материалам выполняют центральные районные библиотеки, имеющие преимущество в техническом и кадровом обеспечении. Центральные библиотеки определяют политику формирования удаленных краеведческих ресурсов на уровне района (города), структуру этих ресурсов и технически реализуют удаленный доступ к ним. Следует отметить, что такое направление деятельности публичных библиотек, как формирование удаленных краеведческих ресурсов, является достаточно новым. До недавнего времени техническая возможность осуществлять формирование удаленного доступа к ресурсам библиотек имелась только у библиотек регионального и федерального значения. Развитие информационно-коммуникационных технологий, их проникновение на все большие территории естественным образом расширяет число библиотек, самостоятельно предоставляющих свои краеведческие материалы виртуальному сообществу.

На данном этапе удаленный доступ к краеведческим материалам публичных библиотек Томской области (кроме г. Томска) предоставлен на веб-сайтах библиотек г. Северска [6], г. Колпашева [7], г. Стрежевого [8], а также на веб-сайтах центральных библиотек Асиновского [9], Кривошеинского [10], Первомайского [11], Кожевниковского [12], Каргасокского [13], Томского [14], Молчановского [15], Парабельского [16], Зырянского [17], Чайнского [18] районов. В Александровском, Тегульдетском, Шегарском, Верхнекетском районах нет библиотечных веб-сайтов. В Верхнекетском районе удаленный доступ к информации о библиотеке осуществляется через раздел на сайте муниципального автономного учреждения «Культура», но краеведческой информации данный раздел не содержит [19].

Структура библиотечных веб-сайтов не имеет единобразия в разных районах. Это связано с тем, что для библиотечных сайтов не существует регламентов, регулирующих правила размещения материала, его группировку, оформление [20]. В связи с этим краеведческие материалы представлены на сайтах различными способами и не всегда сгруппированы и выделены в самостоятельный раздел. Например, на разных сайтах их можно находить в таких самостоятельных разделах, как «Наши издания», «Наши публикации», «История библиотеки» и т.д.

На данном этапе развития веб-сайтов библиотек распространено предоставление краеведческой информации в формате «визитной карточки». Ее можно обнаружить в разных разделах веб-сайтов. Такой формат представления информации о краеведческой работе библиотеки нацелен в большей мере на формирование представительства библиотеки в виртуальной среде и выполнение информационной функции, нежели на предоставление доступа к краеведческому ресурсу. Так, например, в разделе «Краеведение» на веб-сайте Кожевниковской централизованной библиотечной системы можно найти информацию о краеведческой работе Вороновской сельской библиотеки, посмотреть фотогалерею музея «Истоки», созданного в ней. Изучая данную

информацию, можно оценить масштабы краеведческой работы библиотек Кожевниковского района, посмотреть, какие материалы были в рамках этой работы подготовлены. Однако удаленный доступ к представленному богатству на данный момент отсутствует.

Чаще всего библиотеки не ограничиваются представлением информации о своей работе. Например, на сайте библиотек Кривошеинского района выделен специальный раздел «Краеведение», где имеется доступ к полнотекстовым материалам по истории района. Заголовки некоторых из них красноречиво говорят об их содержании: «Прекрасней парка не найти...» (о парке с. Кривошино), «Исламбуль – Мой край родной», «Край моих отцов и дедов», «Мы родом из Егорово: 90-летию Кривошеинского района посвящается» и т.п. Примечательно, что авторство материалов, представленных в рассматриваемом разделе, разнообразно. Здесь можно найти и реферативные работы учеников школы (выполненные под руководством школьных педагогов), и труды специалистов центральной библиотеки или работников районного архива. На данный момент содержимое раздела отражает далеко не все краеведческие материалы, имеющиеся в библиотеке, это обусловлено отчасти тем, что, веб-сайт кривошеинских библиотек был создан только в 2013 г.

В числе библиотек, формирующих краеведческий ресурс с полнотекстовым содержанием, можно назвать библиотеку г. Стрежевого, где ведется библиографическая база данных статей, опубликованных в местных газетах «Северная звезда» и «Томская нефть». Глубина архива этой базы данных – 1995 г. Начиная с 2002 г. библиографические записи данной базы включают также ссылки на полные тексты.

Веб-сайт Межпоселенческой централизованной библиотечной системы Зырянского района содержит четыре краеведческих раздела. Кроме раздела «Краеведение», на сайте представлены разделы «Мое село» и «90 лет Зырянскому району!», которые по своей сути тоже являются краеведческими, так как содержат информацию о Зырянском районе, истории его населенных пунктов. Существенным недостатком раздела является то, что не указаны авторы некоторых из представленных текстов. Еще один раздел, интересный с точки зрения краеведения, – пополняемый полнотекстовой архив районной газеты «Сельская правда» за 2013–2015 гг.

На веб-сайте Молчановской библиотеки в разделе «Краеведение» имеются календари знаменательных дат района за 2012–2014 гг., материалы по истории района и его населенных пунктов. Обращает на себя внимание подраздел «Литературное краеведение», где можно посмотреть краткую информацию о молчановцах-поэтах, чьи стихи доступны для прочтения после загрузки со страницы.

Разнообразная информация представлена на веб-сайте библиотек Каргасокского района. Здесь имеется так называемая «визитная карточка» краеведческой работы: дайджест «Краеведческая работа Каргасокской межпоселенческой центральной районной библиотеки», статья К.А. Кузоро «Краеведческая деятельность сельских библиотек Томской области в начале XXI в. (из опыта работы библиотек Каргасокского, Кривошеинского и Молчановского районов)», страница «Школы краеведческих знаний», страница «Фонда 30 октября», раздел виртуальных выставок «Литературное краеведение», разделы «Эстетическое краеведение», «Экологическое краеведение».

В числе полнотекстовых и мультимедийных материалов на сайте Каргасокской межпоселенческой центральной библиотеки представлена летопись Каргасокского района за 2000–2013 гг., библиографические указатели литературы, содержащейся в «Фонде 30 октября» раздела краеведческого фонда центральной районной библиотеки, архив районной газеты «Северная правда» за 1992–1999 гг., собственное издание библиотеки «РДК. История дома со шпилем», видеоролик «Гармония в движении резца», экспозиция художественных работ из фонда музея искусств народов Севера (с. Каргасок).

Предоставляя доступ к полнотекстовым краеведческим материалам, библиотеки одновременно решают задачу их сохранности. Так, например, размещение в Сети полных текстов местной периодической печати способно снизить обращаемость пользователей к печатным экземплярам, что снижает их физический износ. В то же время наличие цифровой копии этих изданий позволяет восстановить содержание того или иного выпуска газеты в случае утраты оригинала. Аналогичная картина с малотиражными изданиями, выпущенными за счет библиотек, в числе которых поэтические сборники, сборники краеведческих статей, библиографические указатели и др.

Все увеличивающееся количество размещенных в Интернете краеведческих материалов библиотек закономерно приводит к вопросу навигации по ним. На данный момент проблема навигации по представленным в Интернете краеведческим материалам библиотек решается средствами веб-сайтов, с которых открыт доступ к данным ресурсам. Несовершенство этих средств приводит к тому, что значительная часть краеведческих материалов остается закрытой для широкого использования. Так, например, на сайте централизованной библиотечной системы Зырянского района представлены «Архивные фото» – 140 фотографий, на которых отображены люди, события и места Зырянского района. Данные фотографии находятся в разделе «Краеведение», каждая из них имеет свое название. Перемещение по этим фотографиям возможно только путем сплошного перелистывания всего архива, тематический или хронологический поиск здесь отсутствует. Таким образом, данный раздел выполняет в большей мере функцию презентации истории Зырянского района, нежели информационную. То есть если для создания какой-либо краеведческой работы о Зырянском районе понадобится использовать материалы данного архива, автору такой работы должно быть известно о существовании веб-сайта централизованной библиотечной системы Зырянского района, о содержании раздела «Краеведение» на этом сайте, в том числе о наличии такого ресурса, как «Архивные фото». Следует отметить, что если вводить точные названия фотографий в поисковых системах, то они успешно отображаются в первых строках результатов. Однако в таком случае необходимо знать точные названия каждой из 140 фотографий данного ресурса, чтобы использовать глобальные поисковые системы типа Yandex, Google и т.п.

Проблема информированности пользователей о существовании различных краеведческих материалов библиотек решается предоставлением информации о краеведческой работе каждой библиотекой в сети Интернет, а также проведением различных мероприятий с местным населением, направленных на продвижение краеведческих материалов библиотек, на информирование пользователей об имеющихся ресурсах.

Размещая информацию о краеведческой работе библиотек, не включающую полнотекстовых или мультимедийных материалов, библиотеки решают

задачу информирования о своей деятельности, вменяемую им в том числе и на законодательном уровне [1]. Задачу информирования о ресурсах библиотеки призвана выполнять библиографическая информация, в идеале представляемая в формате электронного каталога. В настоящее время имеет место проблема представления библиографической информации о краеведческих материалах и ресурсах сельских библиотек в сети Интернет. Отчасти данная проблема связана с уровнем развития электронной каталогизации библиотечных фондов. Вопрос представления библиографической информации о местных краеведческих материалах требует отдельного рассмотрения. Что касается развития электронных каталогов, то в Томской области доступ к ним открыт на сайтах библиотек Томска, Северска, Стрежевого, Колпашева, Асиновского, Чайнского, Каргасокского, Зырянского, Молчановского, Первомайского районов. В большинстве случаев эти каталоги не отражают всей полноты имеющихся в библиотеках фондов. Среди прочего часто не отображенными в электронных каталогах остаются краеведческие издания, подготовленные средствами библиотек. Например, вышедшие в с. Каргасок издания А. Сорокина «РДК. История дома со шпилем» и «Спасская церковь. История каргасокского храма» не отображены ни в одном из электронных каталогов Томской области, в том числе краеведческих. То же касается изданий, регулярно выпускаемых Межпоселенческой центральной библиотекой Томского района, в числе которых газета «Библиотечный вестник Томского района», сборники стихов литературно-краеведческого содержания «Отчий край», «Свет малой родины», «Боготворю природы красоту» и др. Подобные издания имеются практически в каждой библиотеке, на современном этапе библиотеки все чаще размещают их в Сети в полнотекстовом виде. Однако вопрос представления библиографической информации о данных изданиях остается открытым. Единственными стабильно отображаемыми в электронных каталогах источниками краеведческой информации являются местные газеты и издания, выпущенные издательствами. В частности, библиографические описания статей из местной периодики отображаются в областной библиографической базе данных «Краеведение Томской области» [21].

Таким образом, новизна такого направления работы публичных библиотек, как представление краеведческих материалов в сети Интернет, приводит к тому, что существующий массив краеведческой информации видится хаотичным, несистематизированным. Только в некоторых случаях можно наблюдать систематическое размещение тех или иных краеведческих материалов. Чаще всего это полные тексты местных газет, причем, как правило, глубина архива представляемых изданий ограничена временем создания веб-сайта или временем начала создания цифрового архива. В ряде случаев систематически пополняются такие разделы, как «Наши издания» и аналогичные им. Здесь ситуация такая же, как с газетами, – глубина архива представленных изданий чаще всего ограничивается временем создания сайта или временем появления в библиотеках компьютерной техники, давшей возможность библиотекам самостоятельно печатать такие тиражи, чаще всего краеведческого или библиографического содержания. Такие издания представлены практически на всех сайтах библиотек Томского района.

В числе прочего на данном этапе представления краеведческих материалов в сети Интернет существует проблема навигации и систематизации. Обеспечением удаленного доступа к краеведческим материалам занимаются преимущественно центральные районные библиотеки, однако все они группируют материал по-разному и единообразия представленных краеведческих материалов на разных сайтах нет. Тем не менее, открывая доступ к своим краеведческим богатствам, библиотеки выполняют социальные функции сохранения и трансляции культурного наследия местного значения. Формирование удаленного доступа к краеведческим материалам невозможно без создания их цифровых копий, которые, в свою очередь, становятся дополнительным подспорьем в обеспечении сохранности краеведческих ресурсов библиотек.

Литература

1. *Основы законодательства Российской Федерации о культуре: утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1; в ред. от 21.07.2015 с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2015 // КонсультантПлюс. Электрон. дан. 1997–2015. URL: <http://base.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=165970> (дата обращения: 23.04.2015).*
2. *Пашин А.И. Социальные функции библиотек на современном этапе // Международные библиотечно-информационные конференции «Библиотечное дело» / Московский государственный университет культуры и искусств; кафедра библиотековедения МГУКИ. Электрон. дан. [М.: МГУКИ, 1995–2005]. URL: http://libconfs.narod.ru/1996/1s/1s_p7.html (дата обращения: 10.09.2015).*
3. *Головко С.И. Социально-культурные функции библиотечной профессии // Библиотековедение. 2004. № 6. С. 32–38.*
4. *Руководство по краеведческой деятельности центральной библиотеки субъекта РФ (области, края) // Российская библиотечная ассоциация / РБА. Электрон. дан. М.: РБА, 2005–2015. URL: http://www.rba.ru/content/about/doc/ruk_kraeved2.php#8 (дата обращения: 08.05.2015).*
5. *Масяйкина Е.А. Информатизация сельских библиотек : проблемы и пути их решения (по материалам деятельности библиотек Верхнекетского, Тегульдетского и Чайнского районов Томской области) / Е.А. Масяйкина // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2014. № 2. С. 54–65. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000487049> (дата обращения 10.09.2015).*
6. *Муниципальное бюджетное учреждение «Центральная городская библиотека» / МБУ «Центральная городская библиотека». Электрон. дан. [Северск]: МБУ «Центральная городская библиотека», 2005–2013. URL: <http://lib.seversk.ru/> (дата обращения: 19.04.2015).*
7. *Муниципальное бюджетное учреждение «Библиотека» г. Колпашево, Томская область / МБУ «Библиотека». Электрон. дан. Колпашево: Муниципальное бюджетное учреждение «Библиотека», 2009–[2013]. URL: <http://kolplib.tomsk.ru/> (дата обращения: 19.04.2015).*
8. *Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Многофункциональный социокультурный комплекс» Библиотечная информационная система г. Стрежевого / МБУК «Многофункциональный социокультурный комплекс» БИС г. Стрежевой. Электрон. дан. Стрежевой: МУ БИС, 2011. URL: <http://libstrej.tomsk.ru/> (дата обращения: 19.04.2015).*
9. *Межпоселенческая централизованная библиотечная система / Асиновская межпоселенческая ЦБС. Электрон. дан. Асино: Асиновская межпоселенческая централизованная библиотечная система, [2013]. URL: <http://asino.lib.tomsk.ru/> (дата обращения: 19.08.2013).*
10. *Кривошеинская центральная межпоселенческая библиотека / МБУ «Кривошеинская ЦМБ». Электрон. дан. Кривошино: МБУ «Кривошеинская ЦМБ», 2015. URL: <http://krivbiblioteka.usoz.org/> (дата обращения: 11.05.2015).*
11. *Муниципальное автономное учреждение «Централизованная библиотечная система Первомайского района» / МАУ «Централизованная библиотечная система Первомайского района». Электрон. дан. Первомайское: МАУ «Централизованная библиотечная система Первомайского района», 2013–2015. URL: <http://perv.lib.tomsk.ru/> (дата обращения: 11.05.2015).*

12. «Межпоселенческая централизованная библиотечная система Кожевниковского района» / «Межпоселенческая централизованная библиотечная система Кожевниковского района». Электрон. дан. [Кожевниково]: «Межпоселенческая централизованная библиотечная система Кожевниковского района», 2013. URL: <http://www.koglibrary.lact.ru/> (дата обращения: 19.09.2013).
13. *Каргасокская* межпоселенческая центральная районная библиотека / Каргасокская межпоселенческая центральная районная библиотека. Электрон. дан. [Каргасок]: Каргасокская межпоселенческая центральная районная библиотека, 2013. URL: <http://kargasok-lib.sokik.ru/index.html> (дата обращения: 19.09.2013).
14. *Межпоселенческая* центральная библиотека Томского района / МЦБ Томского района. Электрон. дан. [Зональная Станция: Межпоселенческая центральная библиотека Томского района, 2013]. URL: <http://libtr.tom.ru/node> (дата обращения: 18.09.2013).
15. *МБУК «Молчановская* межпоселенческая централизованная библиотечная система» / МБУК «Молчановская МЦБС». Электрон. дан. [Молчаново]: МБУК «Молчановская МЦБС» [2013]. URL: <http://molchanovo.uscoz.ru/> (дата обращения: 19.09.2013).
16. *МБУК «Межпоселенческая библиотека»* Парабельского района / МБУК «Межпоселенческая библиотека». Электрон. дан. [Парабель: МБУК «Межпоселенческая библиотека»], 2013. URL: <http://parlibRARY.uscoz.ru/> (дата обращения: 13.09.2013).
17. *Муниципальное бюджетное учреждение «Межпоселенческая централизованная библиотечная система Зырянского района»* / МБУ «МЦБС». Электрон. дан. [Зырянское]: Муниципальное бюджетное учреждение «Межпоселенческая централизованная библиотечная система Зырянского района», 2013. URL: <http://zyrbiblioteka.ru/> (дата обращения: 19.09.2013).
18. *Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Межпоселенческая централизованная библиотечная система»*. Село Подгорное, Томская область / МБУК «МЦБС». Электрон. дан. Подгорное: Межпоселенческая централизованная библиотечная система, 2012. URL: <http://www.libpg.tomsk.ru/> (дата обращения: 19.09.2013).
19. *Централизованная библиотечная система // МАУ «Культура»*. Электрон. дан. Белый Яр: МАУ «Культура», 2015. URL: <http://maukultura.ru/index/> centralizovannaja_bibliotechnaja_sistema/0-18
- (дата обращения: 11.05.2015).
20. *Алдохина О.И.* Сайты областных (краевых) универсальных научных библиотек как средство продвижения краеведческой информации [Электронный ресурс] /О.И. Алдохина // Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса: материалы 12-й Международной конференции «Крым 2005» Электрон. дан. М., 2005. URL: <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2005/disk/141.pdf> (дата обращения: 01.05.2015).
21. *Сводная база данных «Краеведение Томской области» // Земля Томская. Краеведческий портал*. Электрон. дан. Томск: Томская областная универсальная научная библиотека им. А.С. Пушкина, [2015]. URL: <http://kraeved.lib.tomsk.ru/page/549/> (дата обращения 28.05.2015).
22. *Коржова А.И.* Удаленные краеведческие ресурсы сельских библиотек как источниковая база историко-библиотечных исследований (по материалам веб-сайтов муниципальных библиотек томской области) // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2013. № 4 (12). С. 53–58.
23. *Кузоро К.А.* Краеведческая деятельность сельских библиотек Томской области в начале ХХI в. (из опыта работы библиотек Каргасокского, Кривошеинского и Молчановского районов) // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2012. № 3 (7). С. 74–82. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000439781>. (дата обращения: 01.05.2015).
24. *Кузоро К.А.* Краеведческая работа с детьми и подростками в современных сельских библиотеках Томской области // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2014. № 1. С. 66–70. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000472843> (дата обращения: 01.05.2015).
25. *Ляпкова А.А.* Сайты центральных библиотек и библиотечных систем районов (на примере районов Томской области) // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2014. №1 (13). С. 81–88.

Degtiareva Alena I. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alibren@mail.ru. DOI 10.17223/22220836/18/14

PRESENTATION OF LIBRARY LOCAL HISTORY MATERIALS IN THE INTERNET AS A WAY OF PRESERVATION AND BROADCASTING OF THEM (ON THE EXAMPLE OF WEBSITES MUNICIPAL LIBRARIES OF TOMSK REGION)

Key words: municipal libraries of Tomsk region, rural libraries of Tomsk region, the social functions of libraries, preservation of cultural heritage, search of local history in libraries.

Library local history materials are historical and cultural sites that are relevant to the conservation and development of the identity of the peoples of the Russian Federation. Saving libraries and broadcasting of local cultural heritage is one of the most important social functions, which is associated with the initiation of the population to cultural values, with the broadcasting of social memory.

Library local history materials are a unique sources of information about the social, cultural, domestic features of terrain. Every public library is involving in the collection and preservation of such material. At the same time one of the fundamental tasks of any public library is not only storage, but broadcasting information, providing access to it to any user. Modern computer technology can expand the boundaries of access to library resources, and provide additional opportunities for their preservation and replication.

Library possibilities of creation local history sources in computer networks are depends of the level of technical and human resources of libraries. It should be noted that this activity of public libraries in creation local history sources in computer networks is quite new.

At this stage, remote access to library local history materials of Tomsk region (except for Tomsk) provided on the websites of libraries of Seversk, Kolpashevo, Strezhnevoy, Asino, Krivosheino, Pervomaysky, Kozhevnikovo, Kargasoksky, Tomsk, Molchanovo, Parabel', Zyryansky, Chaino areas.

Currently widespread reporting of Library local history materials on the websites of libraries in the format of "business card". But most of all, libraries is seeking to create a local history resource. This resource most often placed in the "Local History" section of web site, where users can use various types of local history materials. There are themed areas such submissions: local history, personalities, literary local history materials, materials of aesthetic local history, ecological local history materials. All this diversity is represented in the form of photographs, full texts, multimedia materials, bibliographies.

At this stage of remote local history resources by municipal libraries problems with navigating through the submissions, systematization of one have a place to be. However, libraries to provide access to local history resources which contributes to implementation one the social functions of preservation and transmission of cultural heritage of local importance.

References

1. Osnovy zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii o kul'ture: utv. VS RF 09.10.1992 № 3612-1: v red. ot 21.07.2015 s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2015 // Konsul'tant Plyus. Elektron. dan. 1997–2015. URL: <http://base.consultant.ru/cons CGI/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=165970> (data obrashche-niya: 23.04.2015).
2. Pashin A.I. Sotsial'nyye funktsii bibliotek na sovremennom etape // Mezhdunarodnyye bibliotechno-informatsionnyye konferentsii «Bibliotechnoye delo» / Moskovskiy gosudarstvennyy universitet kul'tury i iskusstv; Kafedra bibliotekovedeniya MGUKI. Elektron. dan. [M.: MGUKI, 1995–2005]. URL: http://libconfs.narod.ru/1996/1s/1s_p7.html (data obrashcheniya: 10.09.2015).
3. Golovko S.I. Sotsial'no-kul'turnyye funktsii bibliotechnoy professii // Bibliotekovedeniye. 2004. № 6. S. 32–38.
4. Rukovodstvo po krayevedcheskoy deyatel'nosti tsentral'noy biblioteki sub"yekta RF (oblasti, kraya) // Rossiyskaya bibliotechnaya Assotsiatsiya / RBA. Elektron. dan. M.: RBA, 2005–2015. URL: http://www.rba.ru/content/about/doc/ruk_kraeved2.php#8 (data obrashcheniya: 08.05.2015).
5. Masyaykina Ye.A. Informatizatsiya sel'skikh bibliotek : problemy i puti ikh resheniya (po materialam deyatel'nosti bibliotek Verkhneketskogo, Tegul'detskogo i Chainskogo rayonov Tomskoy oblasti) / Ye.A. Masyaykina // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye. 2014. № 2. S. 54–65. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000487049> (data obrashcheniya 10.09.2015).

6. Munitsipal'noye byudzhetnoye uchrezhdeniye «Tsentral'naya gorodskaya biblioteka» / MBU «Tsentral'naya gorodskaya biblioteka». Elektron. dan. [Seversk]: MBU «Tsentral'naya gorodskaya biblioteka», 2005–2013. URL: <http://lib.seversk.ru/> (data obrashcheniya: 19.04.2015).
7. Munitsipal'noye byudzhetnoye uchrezhdeniye «Biblioteka» g. Kolpashevo, Tomskaya oblast' / MBU «Biblioteka». Elektron. dan. Kolpashevo: Munitsipal'noye byudzhetnoye uchrezhdeniye «Biblioteka», 2009–[2013]. URL: <http://kolplib.tomsk.ru/> (data obrashcheniya: 19.04.2015).
8. Munitsipal'noye byudzhetnoye uchrezhdeniye kul'tury «Mnogofunktional'nyy sotsiokul'turnyy kompleks» Bibliotechnaya informatsionnaya sistema g. Strezhevogo / MBUK «Mnogofunktional'nyy sotsiokul'turnyy kompleks» BIS g. Strezhevoy. Elektron. dan. Strezhevoy: MU BIS, 2011. URL: <http://libstrej.tomsk.ru/> (data obrashcheniya: 19.04.2015).
9. Mezhposelencheskaya tsentralizovannaya bibliotechnaya sistema / Asinovskaya mezhposelencheskaya TSBS. Elektron. dan. Asino: Asinovskaya mezhposelencheskaya tsentralizovannaya bibliotechnaya sistema, [2013]. URL: <http://asino.lib.tomsk.ru/> (data obrashcheniya: 19.08.2013).
10. Krivosheinskaya tsentral'naya mezhposelencheskaya biblioteka / MBU «Krivosheinskaya TSMB». Elektron. dan. Krivosheino: MBU «Krivosheinskaya TSMB», 2015. URL: <http://krivbiblioteka.ucoz.org/> (data obrashcheniya: 11.05.2015).
11. Munitsipal'noye avtomonnnoye uchrezhdeniye «Tsentralizovannaya bibliotechnaya sistema Pervomayskogo rayona» / MAU «Tsentralizovannaya bibliotechnaya sistema Pervomayskogo rayona». Elektron. dan. Pervomayskoye: MAU «Tsentralizovannaya bibliotechnaya sistema Pervomayskogo rayona», 2013–2015. URL: <http://perv.lib.tomsk.ru/> (data obrashcheniya: 11.05.2015).
12. «Mezhposelencheskaya tsentralizovannaya bibliotechnaya sistema Kozhevnikovskogo rayona» / «Mezhposelencheskaya tsentralizovannaya bibliotechnaya sistema Kozhevnikovskogo rayona». Elektron. dan. [Kozhevnikovo]: «Mezhposelencheskaya tsentralizovannaya bibliotechnaya sistema Kozhevnikovskogo rayona», 2013. URL: <http://www.koglibrary.lact.ru/> (data obrashcheniya: 19.09.2013).
13. Kargasokskaya mezhposelencheskaya tsentral'naya rayonnaya biblioteka / Kargasokskaya mezhposelencheskaya tsentral'naya rayonnaya biblioteka. Elektron. dan. [Kargasok]: Kargasokskaya mezhposelencheskaya tsentral'naya rayonnaya biblioteka, 2013. URL: <http://kargasoklib.sokik.ru/index.html> (data obrashcheniya: 19.09.2013).
14. Mezhposelencheskaya tsentral'naya biblioteka Tomskogo rayona / MTSB Tomskogo rayona. Elektron. dan. [Zonal'naya Stantsiya: Mezhposelencheskaya tsentral'naya biblioteka Tomskogo rayona, 2013]. URL: <http://libtr.tom.ru/node> (data obrashcheniya: 18.09.2013).
15. MBUK «Molchanovskaya mezhposelencheskaya tsentralizovannaya bibliotechnaya sistema» / MBUK «Molchanovskaya MTSBS». Elektron. dan. [Molchanovo]: MBUK «Molchanovskaya MTSBS» [2013]. URL: <http://molchanovo.ucoz.ru/> (data obrashcheniya: 19.09.2013).
16. MBUK «Mezhposelencheskaya biblioteka» Parabel'skogo rayona / MBUK «Mezhposelencheskaya biblioteka». Elektron. dan. [Parabel]: MBUK «Mezhposelencheskaya biblioteka», 2013. URL: <http://parlibrary.ucoz.ru/> (data obrashcheniya: 13.09.2013).
17. Munitsipal'noye byudzhetnoye uchrezhdeniye «Mezhposelencheskaya tsentralizovannaya bibliotechnaya sistema Zyryanskogo rayona» / MBU «MTSBS». Elektron. dan. [Zyryanskoye]: Munitsipal'noye byudzhetnoye uchrezhdeniye «Mezhposelencheskaya tsentralizovannaya bibliotechnaya sistema Zyryanskogo rayona», 2013. URL: <http://zyrbiblioteka.ru/> (data obrashcheniya: 19.09.2013).
18. Munitsipal'noye byudzhetnoye uchrezhdeniye kul'tury «Mezhposelencheskaya tsentralizovannaya bibliotechnaya sistema». Selo Podgornoye, Tomskaya oblast' / MBUK «MTSBS». Elektron. dan. Podgornoye: Mezhposelencheskaya tsentralizovannaya bibliotechnaya sistema, 2012. URL: <http://www.libpg.tomsk.ru/> (data obrashcheniya: 19.09.2013).
19. Tsentralizovannaya bibliotechnaya sistema // MAU «Kul'tura» / MAU «Kul'tura». Elektron. dan. Belyy yar: MAU «Kul'tura», 2015. URL: http://maukultura.ru/index/centralizovannaja_bibliotechnaja_sistema/0-18 (data obrashcheniya: 11.05.2015).
20. Aldokhina O.I. Sayty oblastnykh (krayevykh) universal'nykh nauchnykh bibliotek kak sredstvo prodvizheniya krayevedcheskoy informatsii [Elektronnyy resurs] / O.I. Aldokhina // Biblioteki i informatsionnyye resursy v sovremennom mire nauki, kul'tury, obrazovaniya i biznesa: materialy 12-y Mezhdunarodnoy konferentsii «Krym 2005» Elektron. dan. M.: GPNTB Rossii, 2005. URL: <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2005/disk/141.pdf> (data obrashcheniya: 01.05.2015).

21. Svodnaya baza dannykh «Krayevedeniye Tomskoy oblasti» // Zemlya Tomskaya. Krayevedcheskiy portal. Elektron. dan. Tomsk: Tomskaya oblastnaya universal'naya nauchnaya biblioteka im. A.S. Pushkina, [2015]. URL: <http://kraeved.lib.tomsk.ru/page/549/> (data obrashcheniya 28.05.2015).
22. Korzhova A.I. Udalennyye krayevedcheskiye resursy sel'skikh bibliotek kak istochnikovaya baza istoriko-bibliotechnykh issledovaniy (po materialam veb-saytov munitsipal'nykh bibliotek tomskoy oblasti) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye. 2013. № 4 (12). S. 53–58.
23. Kuzoro K. A. Krayevedcheskaya deyatel'nost' sel'skikh bibliotek Tomskoy oblasti v nachale KHKHI v. (iz optya raboty bibliotek Kargasokskogo, Krivosheinskogo i Molchanovskogo rayonov) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye. 2012. № 3 (7). S. 74–82. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000439781>. (data obrashcheniya: 01.05.2015).
24. Kuzoro K.A. Krayevedcheskaya rabota s det'mi i podrostkami v sovremennykh sel'skikh bibliotekakh Tomskoy oblasti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye. 2014. № 1. S. 66–70. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000472843> (data obrashcheniya: 01.05.2015).
25. Lyapkova A.A. Sayty tsentral'nykh bibliotek i bibliotechnykh sistem rayonov (na primere rayonov Tomskoy oblasti) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye. 2014. №1 (13). S. 81–88.

УДК 902.034
DOI 10.17223/22220836/18/15

С.М. Фазуллин

ПОДВОДНЫЕ ПАРКИ И СОХРАНЕНИЕ ОБЪЕКТОВ ПОДВОДНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Статья посвящена подводным паркам как новой форме сохранения подводного культурного наследия, сложившегося в современном мире. Во вводной части рассматривается вопрос организации и функционирования подводных парков, обсуждается и их значение в системе охраны подводного культурного наследия. Выделяются различные по направлению деятельности типы подводных парков. Делается упор на организацию парков историко-археологической специализации. Дается авторская классификация подводных парков и описание каждого из выделенных их типов. Относительно детально рассматриваются историко-культурные подводные парки, которые всё чаще становятся эффективным инструментом сохранения подводного культурного наследия.

Ключевые слова: подводное культурное наследие, морское наследие, подводные парки, подводные заповедники, подводные музеи, подводная археология, подводный туризм, актуализация.

Введение

Технологические возможности людей с каждым годом возрастают. В XX в. человечество вышло в космос и стало проводить глубоководные исследования океана. Появление в конце 50-х гг. XX столетия подводных домов-лабораторий дало мощный импульс разработке и освоению подводного пространства. Во второй половине XX в. человечество надело акваланг и ринулось знакомиться с прибрежными акваториями. Сегодня, по экспертным оценкам, в мире насчитывается не менее 20 млн человек, которые достаточно регулярно проводят время под водой. Как правило, глубина погружения не превышает двадцати метров. Но время меняется, и уже сейчас для небольшой части любителей подводного плавания сто метров и пребывание под водой до нескольких часов является обычным делом. А что будет ещё через 20–30 лет? Так зачем человек идет под воду, что он там видит и что находит для себя?

Очевидно, что желание узнать что-то новое влечёт человека под воду. Современные средства массовой информации, телевидение и знания об океане, полученные в последнее время, информируют людей об удивительном мире океана. Желание увидеть этот мир своими глазами является стимулом заниматься подводным плаванием. Интерес вызывают как подводные природные ландшафты, так и объекты подводного культурного наследия. Наиболее познавательными являются погружения в подводные парки, которые начинают играть всё большую роль в системе получения знаний об океане.

Подводные парки как новая форма трансляции знаний об океане

Парки как культурное явление имеют существенное значение в современной жизни людей. Большой энциклопедический словарь 1997 г. даёт следующее толкование этого слова:

(от средневекового лат. *parricus* – отгороженное место) – участок земли для прогулок, отдыха, игр, с естественной или посаженной растительностью, аллеями, водоемами и т.д.

В этом смысле парк – защищенная, обозначенная территория, в ее естественном или близком к этому состоянию, предназначенная для отдыха людей или получения ими удовольствия, а также для защиты объектов дикой природы или естественной среды обитания. Парки различаются по своему функциональному назначению и могут существенно отличаться друг от друга. Выделяются ботанические парки, зоологические парки, лесопарки, парки культуры и отдыха, парки развлечений, этнокультурные парки, природные парки и т.д. Парки, как явление культуры, насчитывают уже многие века. Зародившись в Древнем Китае, они получили свое развитие в европейских странах в форме дворцово-парковых ансамблей. В 1872 г. появился первый национальный парк (Йеллоустон), который был предназначен для защиты дикой природы.

После принятия в 1972 г. Конвенции ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия» количество национальных парков в мире стало стремительно расти. В 1981 г. в список объектов всемирного природного наследия был включён Большой Барьерный Риф, созданный как охраняемый природный объект годом ранее. После этого события значительные акватории Мирового океана в различных странах стали получать этот статус. При этом поток туристов, желающих познакомиться с подводным миром этих объектов, неуклонно растёт.

Подводные парки в нынешнем понимании напрямую связаны с возникновением в 1950-е гг. в мире нового явления – подводного туризма. Возможно, первая подводная парковая композиция была создана 22 августа 1954 г. у берегов провинции Лигурия в Италии, где на глубине 17 метров в бухте Сан-Фруттуозо (San-Fruttuozo), неподалеку от Генуи была поставлена 2,5-метровая бронзовая скульптура Христа. Место выбрано не случайно, ведь именно там в августе 1947 г. погиб во время погружения известный итальянский водолаз Дарио Гонзатти (Dario Gonzatti).

В 1960-е гг. подводные парки стали появляться в районах массового посещения любителей подводного плавания наиболее притягательных с точки зрения подводных объектов, таких как штат Флорида, Средиземное море, Красное море и район Большого барьерного рифа. Повышенная туристическая нагрузка на подводный мир в этих регионах заставила вводить определённые меры регулирования. Это касалось границ акваторий, внутри которых находились самые притягательные природные объекты и объекты истории. Постепенно были выработаны подходы к управлению этими объектами, меры регулирования и способы их пропаганды.

В 2001 г. ЮНЕСКО приняло Конвенцию об охране подводного культурного наследия. Это позволило международному сообществу сосредоточить

внимание на изучении и сохранении для потомков объектов подводного культурного наследия (ПКН). Опыт показывает, что именно подводные парки становятся эффективным инструментом такой защиты.

По мнению автора, к настоящему времени по специализации можно выделить следующие подводные парки:

- *природные* подводные парки, специализирующиеся в сохранении и демонстрации объектов природы (подводные ландшафты и затопленные пещеры);
- *парки скульптур* (эстетические и культовые подводные парки);
- подводные *парки техники* (специально затопленные суда и летательные аппараты);
- *историко-культурные* подводные парки (археологические и исторические – ИКП)

Довольно часто встречаются подводные парки с двумя и более специализациями.

Природные подводные парки

Природные охраняемые объекты, связанные с морскими экосистемами, весьма распространены в мире. Как правило, они организуются в связи с охраной одного или нескольких биологических видов, а также применительно к определенным сообществам или ландшафтам. Они могут быть посвящены только морским экосистемам, например Большой барьерный риф в Австралии, либо сочетанию наземных и прибрежных морских экосистем, например парк на острове Комодо, Индонезия.

Для России характерна организация природных охраняемых объектов в форме заповедников. В этом случае режим посещения таких территорий и акваторий жестко контролируется. Как правило, в пределах заповедников разрешена только научная деятельность. В отдельных случаях допускается деятельность, связанная с экологическим туризмом. Заповедники, выходящие на морские акватории, имеют в своем составе прибрежную часть шириной от 3 до 30 морских миль, в пределах которой любая практическая деятельность, включая судоходство, запрещена [1].

В большинстве же случаев в других странах охраняемые морские акватории развиваются как морские природные парки, доступные для посещения с целью познавательного туризма. Наиболее известными в мире являются морские парки, включенные в Список всемирного наследия. На начало 2012 г. в этот список было включено 45 объектов морских и прибрежных сообществ в 34 странах [2]. Все эти охраняемые объекты организуют посещение туристов. Часть из предлагаемых услуг в ряде случаев предполагает погружение под воду.

В некоторых странах, имеющих выход к морю, существует система особо охраняемых государственных морских парков со своей администрацией. Так, в США на национальном уровне существует система особо охраняемых объектов, которые могут относиться как к историко-культурным, так и к природным объектам. В настоящее время известно 15 таких объектов, и только два из них входят в Список морской программы всемирного наследия. На

уровне штатов также существует своя система выделения и охраны морских объектов, работающих в режиме природных парков.

Как бы ни были притягательны природные подводные парки, подробно останавливаться на них в этой статье у автора нет возможности. Полагаю, что в будущем этому вопросу будет посвящено отдельное исследование.

Парки скульптур

Первая скульптура Христа под водой была установлена в Италии у берегов Лигурии недалеко от Генуи. Находится она в бухте древнего аббатства Сан-Фруттуозо (Италия), основанного в V в. н. э. Добраться до него можно только пешком или на лодке. Морская вода у мыса Портофино исключительно прозрачна – это одно из самых популярных в округе мест для погружений с аквалангом. Высота бронзовой скульптуры 2,5 метра. Христос из бездны – статуя, созданная итальянским скульптором Гвидо Галлетти (Guido Galletti). Видимо, Гвидо Галетти и следует считать родоначальником направления «парки подводной скульптуры».

Идея создания статуи принадлежит водолазу Дуилио Марканте, она появилась у него после подводной медитации. Эта статуя обращается ко всем, кто наверху, с немой мольбой о мире и защите для всех людей моря (рыбаков, матросов, ныряльщиков). Его руки и голова направлены к небу. Вокруг Спасителя водят хороводы прозрачные медузы и крошечные рыбки.

22 августа 1954 г. статуя была установлена на глубине 17 метров в бухте Сан-Фруттуозо, неподалеку от Генуи, в водах Итальянской Ривьеры. За 55 лет более 2 млн ныряльщиков успело погрузиться к ней. В 2003 г. из-за коррозии и натиска морских организмов статуя «Христос из бездны» в бухте Сан-Фруттуозо была снята, поднята на сушу, отреставрирована и спустя год поставлена обратно.

Еще две копии этой статуи, выполненные из бронзы, были установлены под водой в различных частях мира. 22 октября 1961-го одна из них опустилась на дно залива Сент-Джорджес (о. Гренада) в память о катастрофе с круизным лайнером *Bianca C*, произошедшей более 50 лет назад. Статуя символизирует самоотверженность жителей острова в деле спасения свыше 600 пассажиров судна. Позднее на острове Гренада из-за каких-то разногласий в администрации города статую вытащили и поставили у входа в гавань. Однако после того как на Гренаде был организован впервые в мире парк подводных скульптур, в котором в настоящее время находится свыше 50 скульптурных композиций, местные представители туризма не раз ставили вопрос о возвращении скульптуры на дно. Наконец, в 2011 г. была сделана реплика, и 22 октября во время торжественной церемонии скульптура Христа была установлена среди других достопримечательностей парка.

Последняя, но самая популярная статуя 25 августа 1965 г. украсила риф возле острова Ки Ларго во Флориде. Популярность вызвана небольшой (всего 8 метров) глубиной нахождения скульптуры, так что даже начинающий дайвер сможет до неё добраться. Статуя находится среди живописных коралловых рифов в окружении стай тропических рыб. Не удивительно, что порой в этом месте даже устраиваются свадьбы [3].

С подводными скульптурами связаны также мистические события. Роскошный круизный лайнер «Коста Конкордия» сел на мель у берегов Италии в ночь на 14 января. Перед этим он пропорол себе днище о подводные рифы. Скала, на которую лайнер оперся у острова Джильо, имеет у дна две скульптуры – Христа и Девы Марии. В Италии уже начали говорить о божественном провидении. Несколько лет назад руки мраморной скульптуры Христа были отломаны. Были ли это вандалы или неудачно брошенный якорь, так и осталось невыясненным. Местный дайв-центр поднял скульптуру и отреставрировал её. На свое место на дне восстановленную скульптуру установили за полгода до катастрофы лайнера «Коста Конкордия».

В 1990 г. около островов Святого Павла была установлена знаменитая мальтийская статуя Иисуса Христа. В мае 2000 г. подводную статую переместили поближе к затопленному годом ранее старому парому, соединявшему ранее острова Мальта и Гозо. Здесь она сейчас и стоит. Рядом лежит первое научное судно Жака Ив Кусто «Калипсо», которое там затонуло.

Помимо фигур Христа в католических странах, таких как Испания, Филиппины, Италия и др., довольно часто под водой устанавливают фигуры Девы Марии и святых [4].

Национальный религиозный колорит стараются продемонстрировать и представители других конфессий, например буддисты и индуисты. Так, подводный парк, открытый в 2006 г. в Таиланде на острове Пхукет, создает под водой атмосферу буддистского паркового комплекса. Парк был открыт для дополнительного привлечения туристов в район Пхукета после того, как часть известных мелководных дайв-сайтов были уничтожены цунами в 2004 г. В парке, расположенном в 20 км южнее Пхукета у острова Рача Яи (Racha Yai Island), установлены различные фигуры, имеющие контекстное отношение к культуре Таиланда [5].

Не менее интересен подводный религиозный индуистский комплекс, созданный на глубине 30 метров в виде храмового сада, где можно «гулять» и молиться, как это принято на Бали. Этот подводный храмовый сад расположен в северо-западной части острова. Он был создан в 2005 г. дайв-центром Sea Rovers из местечка Памутеран (Pamuteran). Подводный сад был сделан в рамках проекта сохранения рифовых сообществ, которые пострадали в результате Эль-Ниньо 1998 г. Фигуры индуистских божеств были установлены специально для того, чтобы деньги, получаемые при посещении этого парка, можно было использовать для масштабного сохранения рифовых сообществ в прибрежных водах Бали [6].

В различных частях Азии, особенно там, где куль Будды является повседневным, местные любители подводного плавания устанавливают его фигурки на дне. Их размеры от нескольких десятков сантиметров до двух метров. Делают это, как правило, религиозно настроенные члены клубов любителей подводного плавания. Есть такие подводные алтари в Корее, Японии, Китае и на Тайване. Оформлены эти алтари в стиле минимализма. Наиболее типичным является сочетание фигурки Будды со скалой [7].

В Крыму, в сотне метров от бухты Чуча (урочище Большой Атлеш), на двенадцатиметровой глубине расположен музей скульптур. Каждое лето он пополняется новыми экспонатами. Среди огромных глыб, поросших водорослями

и мидиями, можно обнаружить кабинетные бюсты Ленина, Дзержинского, Кирова... Они вмурованы в камни на дне. Тут же прикреплена табличка, оповещающая, что музей открыт Владимиром Боруменским 25.08.1992 г. Музей называется Аллея вождей. Он пользуется большой популярностью у любителей подводного плавания, приезжающих на Тарханкут [8].

Активно развивается организация подводных парков скульптур и бассейне Карибского моря. Известны подводные парки на Гренаде, в Мексике и на Каймановых островах. Естественно, все подводные парки предназначены для дайвинга. Часто это связано с тем, что акватория, прилегающая к инфраструктуре отелей, не отличается особой привлекательностью для подводных пловцов. Тогда для того, чтобы привлечь посетителей, придумывают красивую легенду, строят вокруг неё подводный парк, а затем его начинают раскручивать и эксплуатировать. Видимо, именно так в 2007 г. начал строиться подводный парк скульптур на острове Брак, Каймановы острова (Cayman Brac). Парк предстает в виде потерянного города легендарной Атлантиды, который чудесным образом возник у берега острова Кайман-Брак. Здесь, на Каймановых островах, мы имеем дело с самой большой (в смысле веса и пошедших на воплощение объемов материалов) коллекцией подводных скульптур. Открывают вход в парк храмовые ворота. От них протягивается прогулочная аллея, вдоль которой расположено одиннадцать колонн. Между колоннами на аллее расположились фигуры старейшин Атлантов – суровых мудрых мужей, которые размышляют над бренностью бытия. Аллея упирается в огромные солнечные часы [9].

Личность художника, разрабатывающего подводный парк, является важной составляющей будущей популярности подводного объекта. Пожалуй, с этой точки зрения самым знаменитым строителем подводных парков скульптур является англичанин Джэйсон Тэйлор (Jason de Caires Taylor). Им были придуманы композиции, вошедшие в состав самых известных подводных парков у острова Гренада и мексиканского Канкуна, в Великобритании и Греции. Всего у подводного скульптора пять реализованных либо продолжающихся проектов.

Джайсон Тэйлор в 1998 г. окончил Колледж искусств в Кэмбервелле (Camberwell College of Arts), где изучал скульптуру и керамику. Опытный инструктор подводного плавания, побывавший во многих странах. Концепция творчества Джайсона Тэйлора заключается в том, что он делает скульптуры, которые должны взаимодействовать с морской средой, создавая причудливые формы из рукотворных форм и участия в процессе природы. Его работы отражают сложные экологические процессы в морской среде, а также иллюстрируют взаимоотношения современного искусства и подводного мира. Процесс создания скульптур под водой кардинально отличается от создания наземных скульптур. Существуют физические и оптические условия, которые необходимо учитывать. Под водой статуи кажутся на двадцать пять процентов больше, цвета искажаются потому, что вода преломляет солнечный свет. Водная среда позволяет видеть этот мир во всей игре его перспектив и красок, это превращает процесс простого пассивного наблюдения в увлекательное исследование. Скульптуры, служащие искусственным субстратом для коралловых рифов, принимают непосредственное участие в

подводной жизнедеятельности. С точки зрения же искусства конечная цель его работ направлена на привлечение внимания к проблемам окружающей среды и противоестественному вмешательству человека в устоявшийся ход вещей. И в данном случае эти скульптуры призваны показать скорее положительную сторону воздействия человека и возможность его плодотворного сотрудничества с природой, нежели наоборот [10].

Подводные парки техники

Огромную популярность среди любителей подводного плавания снискали парки подводной техники. Среди них бывают как небольшие объекты размечом 10–20 метров, так и гиганты в сотни метров. Большая часть этих объектов образовалась в результате военных конфликтов либо технических катастроф. В основном это морские и речные суда, хотя встречаются летательные аппараты и даже автомобили. По мере развития в мире рекреационных погружений в ряде стран в местах с развитой туристической инфраструктурой начали затапливать специально подготовленные к этому объекты. В силу того, что в мире тысячи затопленных объектов подводной техники, остановилась лишь на наиболее типичных случаях.

Между Санто-Доминго и Бока-Чика находится Национальный подводный парк Ла-Калета. Парк расположен вблизи берега на защищенном коралловым рифом участке акватории. Он был основан в 1984 г., когда здесь был затоплен 39-метровый корабль The Hickory [11].

20 марта 2010 г. состоялось затопление вертолета Ми-2 для создания искусственного места катастрофы на одном из самых живописных белорусских озер, что послужило началом создания подводного парка для погружений аквалангистов в Нарочанском крае [12].

Мировая практика знает достаточно примеров создания подобного антураж для подводников. Так, например, в мае 2014 г. в США на побережье Флориды было затоплено 160-метровое судно времен Второй мировой войны «Генерал Хойт Вандерберг». Предварительная подготовка судна длилась 2 года и обошлась в 6 млн долларов, однако власти Флориды рассчитывают получать с привлеченных туристов около 8 млн долларов в год. А в 2006 г. в Мексиканском заливе был затоплен корабль «Орискани», который стал крупнейшим искусственным рифом подобного типа и благодаря этому необычайно популярным у местных и приезжих дайверов [13].

Такой опыт показывает, что искусственно созданные подводные парки влияют на развитие туризма, что неизбежно ведет к повышению экономического роста в данных регионах. Искусственные морские парки также выполняют функции рифов и оказывают благотворное влияние на окружающую экосистему.

Этим опытом воспользовались в польском курортном городке Хель, расположенному на одноименном полуострове в Балтийском море, и 15 августа 2009 г. затопили военный корабль. Такое решение было принято властями Хеля для привлечения большего количества туристов-дайверов. Для этого в Пуцком заливе в 200 метрах от берега, на глубине 25 метров был затоплен корабль «Бриз» («Bryza»). Всего за последние десять лет специально было

подготовлено и затоплено свыше 20 кораблей, которые служат искусственными рифами и объектами посещения подводных туристов [14].

Можно отметить, что создание дайв-сайтов, базирующихся на затоплении отжившей техники, является массовым явлением в развитых, в смысле дайвинга, странах. По данным автора, в Москве и Санкт-Петербурге члены местных клубов с большим воодушевлением создают собственные подводные коллекции отживших автомобилей, автобусов, холодильников и другой техники.

Историко-культурные подводные парки

Одним из важнейших способов сохранения ПКН является создание подводных историко-культурных парков. Подводные историко-культурные парки, созданные за последние двадцать лет, отличаются друг от друга функционально. Согласно Конвенции они могли бы быть разделены на парки, включающие объекты подводного культурного наследия возрастом старше 100 лет и моложе его. Однако такое деление имеет существенный изъян, поскольку не предполагает объективного основания их деления. С точки зрения автора, историко-культурные парки следует классифицировать по основанию его значения (уникальности) в рамках истории материальной культуры. Если затонувший объект был изготовлен относительно недавно и о нём есть в архивах исчерпывающие данные по устройству и технологии изготовления, а он интересен в контексте тех или иных событий (например, проявление мужества и героизма), то такой объект и парк, созданный вокруг него, следует относить к историческим. Все остальные парки из категории историко-культурных будут относиться к археологическим. Это касается в том числе и всех народных плавсредств, которые были изготовлены относительно недавно, но имеют ярко выраженные региональные черты, не зафиксированные в точных чертежах или технологиях изготовления. Исходя из значимости объектов, которые находятся в подводном историко-культурном парке, в нём может быть определён тот или иной режим доступа.

На этапе обследования подводного объекта или подводных раскопок, которые в дальнейшем приведут к созданию подводного археологического парка, как правило, акватория нахождения объекта открыта только для исследовательских и проектных работ. Допускаются визиты коллег-специалистов, представителей власти, общественности и прессы.

После завершения исследований и проведения всех необходимых для сохранения объекта мероприятий подводный археологический парк может быть открыт для посещения. Как правило, такой парк оборудуется соответствующими защитными приспособлениями, что позволяет эффективно в дальнейшем его сохранять. При этом существует организация, которая выполняет эти функции либо в рамках прямых обязанностей, либо в рамках договора об аренде объекта подводного культурного наследия. В ряде случаев режим посещения объектов подводного культурного наследия может быть свободным.

Подводные парки - одна из возможностей широко показать объекты подводного культурного наследия. В разных частях света опыт оборудования подводных парков даёт возможность защитить и изучить находящееся под водой культурное наследие.

Множество находок на территории Турции в Бодрумской гавани положило начало созданию в 1961 г. первого в мире Музея подводной археологии. Одной из главных коллекций этого музея являются артефакты, поднятые с финикийского судна у мыса Улунбурун. Турецкие специалисты воссоздали облик этого судна и его реконструкцию поместили в то место, где был найден ценный для науки груз. Сейчас это один из популярнейших дайв-сайтов в районе города Каш [15].

Богатым подводным культурным наследием обладает Италия. Усилиями правительства этой страны организовано около двадцати подводных природных и историко-культурных парков. В будущем планируется открыть еще больше подводных познавательных рекреационных зон. Основные подводные историко-культурные парки расположены на Сицилии, в районе Неаполя, в Калабрии и Лигурии.

Интересным местом со сложившимися научными и организационными традициями является подводный парк у острова Устика близ Сицилии. Он расположен в диапазоне глубин 10–25 метров. На подводных маршрутах парка расположены амфоры, античные якоря, образцы домашней утвари. Все экспонаты на маршруте снабжены пояснительными табличками и указателями направления движения. Часть туристов посещают парк на лодках с прозрачным дном [16].

Другим интересным местом на Сицилии является подводный парк, названный «кладбищем затонувших кораблей». Расположен он в бухте Камарина (Camarina). На дне бухты находятся многочисленные остатки античных кораблей. Часть этих объектов уже исследована, а их грузы музеефицированы. Погружение к этим остаткам в настоящее время ограничено. Для организации доступа к ним без погружения существует проект по созданию прозрачного тоннеля, который будет проложен мимо самых интересных объектов [17].

В районе Неаполя в местечке Байа (Baia) расположен едва ли не самый роскошный подводный историко-культурный парк. В античное время с IV по I в. до н.э. этот город сложился и далее столетиями функционировал как знаменитый курорт для древне-римской аристократии. В нем строились богатые дворцы и виллы, которые украшались изысканными мозаиками. В III в. н. э. в результате сейсмической активности литосферный блок, на котором находится Байя, начал погружаться, а постройки стали затапливаться водами залива Позzuоли (Pozzuoli). В настоящее время под водой находится более 13 тыс. кв. метров древнего города. С 1994 г. здесь был организован подводный историко-культурный парк, который в 2004 г. был по конкурсу передан в управление одному из местных дайв-центров. Были разработаны основные правила, регламентирующие работу парка, а также определены и нанесены на карту его границы. В соответствии с этими правилами парк охраняется портовой службой, его границы ограждены буями. В парке можно увидеть сохранившиеся разнообразные кладки стен, остатки расписи внутренних покоя и великолепные мозаичные полы, аналогов которым в других подводных парках не существует [18].

В Калабрии в местечке Манастерасе (Monasterace) в результате наступления моря на сушу на дне оказались мастерские по обработке мрамора.

Сейчас в этом месте создан подводный парк, который может быть использован для подводных туристов.

В Лигурии в качестве подводного парка оборудовали лежащие недалеко друг от друга два античных потерпевших крушение корабля. Деньги при этом за посещение парка не берутся. Однако туристы должны обязательно гарантировать гидам-волонтерам, что они не будут касаться объектов руками [19].

В Хорватии поступили несколько иначе. В настоящее время существует восемь обследованных объектов подводного культурного наследия, на которые разрешен прямой доступ. Как правило, эти дайв-сайты представляют собой остатки античных кораблей с грузом амфор. Количество таких амфор на дайв-сайтах может достигать нескольких тысяч. При этом хранить их в условиях суши невозможно. Поэтому такие дайв-сайты закрываются металлическими решетками, которые не позволяют осуществлять доступ непосредственно к объекту. Потоками туристов к таким объектам управляют дайв-центры, которые получают такое право в результате коммерческого конкурса. Право использовать такой объект дайв-центрам предствляется на пять лет [20].

Услугами коммерческого дайв-центра пользуются и в Израиле близ города Кейсария, где в последние 20 лет подводные археологи занимаются исследованием порта царя Ирода. Когда-то в начале I тысячелетия здесь был построен важный в военном и торговом отношениях порт. Общая тенденция подъема уровня Средиземного моря не обошла и это место. Теперь это популярный подводный парк [21].

«Музей подводных развалин» в Японии находится на крошечном острове Йонагуни. На рубеже 1980–1990 гг. у берегов острова аквалангистами были обнаружены руины древнего Храмового комплекса. Древняя пирамида, наверное, одно из наиболее интересных открытий такого рода за последние годы. Подводный комплекс Йонагуни привлекает аквалангистов со всего мира, что доказывает возрастающий интерес к подводной истории [22].

В Латвии подводные археологи открыли 9 из 10 известных озерных поселений и завершили их изучение реконструкцией поселения на озере Арайши. В настоящее время это наиболее посещаемый туристический объект Латвии и один из немногих в Европе примеров экспериментальной археологии [23].

Первый финский культурно-исторический подводный музей основан на затонувшем судне Кронпринц Густав Адольф, в котором дайверы могут познакомиться с кораблём, следя по проложенным маршрутам, обозначенным страховочными концами. Путешествие среди пушек корабля оставляет впечатление о воинственности и могуществе старинного флота [24].

Университет Индианы помогает Гостиничной ассоциации Ла Романа – Баяхибе в Доминиканской Республике в создании подводного парка кораблекрушений в области Баяхибе для повышения информированности общественности о ценности подводных культурных и биологических ресурсов, а также для сохранения этих ресурсов для будущих поколений [25].

Международный опыт создания и эксплуатации ИКП

Организация музеев подводной археологии, подводных археологических заповедников, парков утонувших кораблей и подводных маршрутов, посвящённых подводному культурному наследию, относительно новое направление в деле управления ресурсами подводного культурного наследия. Особенno это касается объектов, находящихся под водой. Основа такого управления была заложена в конце 1970-х гг. [26]. Однако прошло около десяти лет, прежде чем начали появляться первые подводно-исторические парки [27]. В настоящее время этот процесс идет с нарастанием.

В зависимости от статуса подводного объекта местные и национальные правила определяют прямой доступ к объектам наследия, а также режим такого доступа. Сохранность объектов наследия напрямую зависит от отношения посетителей к этим объектам. Можно посчитать, через какое время объект исчезнет, если каждый посетитель будет стремиться отломить кусочек на память. Только информированность и уровень культуры посетителей при широком общественном контроле заинтересованных лиц и организаций могут быть гарантией долговременной сохранности объектов на дне. Велика при этом роль СМИ, особенно сетевых электронных, а также интенсивно расширяющихся социальных сетей. В то же время лица, управляющие объектами подводного культурного наследия, должны полностью выполнять требования правил, исключающих возникновение опасных ситуаций с посетителями.

Несмотря на достаточные достижения в изучении и охране подводного культурного наследия, музейная наука всё еще не выработала своего подхода в случае с демонстрацией объектов подводного культурного наследия. Охраняемые подводные археологические участки, подводные парки и подводные маршруты создавались и описывались не музейными работниками, а представителями подводной промышленности и подводными археологами. Только в нескольких случаях, уже после организации подводного парка, его сотрудники использовали в своих буклетах словосочетание «открытый музей» или «музей в море», хотя предварительного музейного проектирования как такого не было. Нет и разработанных теоретических подходов к этому вопросу. Общая практика пока такова, что основные принципы построения наземных музейных экспозиций пытаются использовать и под водой. Вероятно, это период, когда в недрах нового направления по сохранению наследия в подводных парках зреет принципиально иной подход. Возможно, этот новый подход будет базироваться на групповой заинтересованности специалистов (подводные археологи), посетителей (дайв-туризм) и владельцев прибрежных вод (местное сообщество). Морские культурные ресурсы, показанные на месте, дают новые возможности для развития теории музееведения, использования этих достижений в образовании, выработки новых подходов в управлении и получении выгоды в процессе эксплуатации объекта. Еще одним важным моментом является формирование устойчивой связи между музеем и его сторонниками (фанами). Такие устойчивые связи позволяют вовлекать в музейную жизнь большое количество волонтеров, заинтересованных в развитии данного музея и принимающих усилия в этом направлении. В этом случае музей перестает быть местом сосредоточения узких специалистов и ответственность за музей могут делить и профессионалы, и представи-

тели заинтересованной общественности. Данный подход хорошо вписывается в особенности функционирования музеев подводного культурного наследия и подводных парков, где крайне важно участие волонтеров, обученных навыкам нахождения под водой.

Охрана и управление объектами подводного культурного наследия, сохраняемых *in situ*, должны иметь необходимый финансовый и организационный ресурс. Такой ресурс может возникать в виде государственных субсидий, соответствующего благотворительного фонда и частных пожертвований. Создание благотворительного фонда является мощным инструментом для будущей защиты объектов подводного культурного наследия, поскольку в концентрированном виде может выражать совокупную волю граждан, заинтересованных в таком бережном отношении. В этом случае исход дела зависит не от прихоти отдельно взятого специалиста или чиновника, а от общественных настроений в данной области. Деятельность такого фонда может привести к тому, что будет доведена до массового участника посещений мысль о том, что утрата того или иного подводного объекта невосполнима, а его ценность заключается в общественном владении историческими объектами и их неделимости. Участки с объектами подводного культурного наследия, на которых закончены археологические работы, при правильном управлении ими могут быть весьма эффективно представлены на рынке подводного туризма.

На сегодняшний день десятки стран имеют опыт создания подводных парков. Многие страны планируют создание подводных парков на открытых подводных исторических объектах в ближайшее время. А в местах, где таких объектов нет или их недостаточно, возникают искусственно созданные подводные парки.

Новые направления

В организации подводных парков постоянно появляются новые подходы и технические решения. Большой популярностью начала пользоваться идея по использованию экскурсионных лодок с прозрачным дном (Мичиган, Израиль, Канада). Это позволяет людям пожилого возраста, детям и лицам с медицинскими ограничениями, так же как и подводным пловцам, своими глазами видеть объекты подводного культурного наследия. Этот подход позволяет увеличить эффективность посещения подводных парков в местах, где ещё недавно предлагалось только прямое (подводное) посещение объектов подводного культурного наследия [28]. Другим подходом, увеличивающим возможности посещения объектов, является их перемещение в зоны, наиболее удобные для организации подводных посещений (Пуэрто-Рико) и в то же время оберегающие их от дальнейшего разрушения [29]. В других случаях законсервированные на суше объекты возвращаются в морскую среду (Доминиканская Республика) для их публичного посещения в места, где во всех других случаях они были бы недоступны. В отдельных случаях в парках размещаются копии или реконструкции уже найденных артефактов (Флорида, Турция) или даже копии утонувших плавсредств (Нью-Йорк). Дистанционно управляемые джойстиком самими туристами подводные аппараты

с видеокамерами также могут быть использованы для увеличения возможности посещения дайв-сайтов.

Успехи в охране закрытых акваторий, подводных парков и подводных маршрутов вдохновляют в организации этой формы сохранения в новых местах. Так, аргентинские специалисты предложили создать парк затонувших кораблей [30]. В обосновании проекта было сказано, что «...в мире много мест, где было продемонстрировано, как могут быть привлекательными для туризма места кораблекрушений». Проектируемый парк, по мнению его создателей, должен увеличить поток туристов в Патагонию, дать дополнительные места работы и экономические и образовательные стимулы местным жителям в деле охраны подводного культурного и природного ресурсов.

Объекты подводного культурного наследия, имеющие особое значение с исторической или этнографической точек зрения, не должны быть открыты для прямого неконтролируемого общего доступа. Это в первую очередь относится к объектам, которые находятся на стадии раскопок. Есть примеры, когда на таких объектах были случаи вандализма и разграбления. Посещение таких мест возможно только небольшими группами, прошедшими небольшой образовательный курс, и в присутствии представителя экспедиции, музея или университета [31].

Заключение

За последние двадцать лет интерес к изучению подводного культурного наследия заметно вырос. Основными формами его представления и сохранения являются тематические музеи и подводные историко-культурные парки. Подводные историко-культурные парки по количеству существенно обгоняют традиционные тематические музеи. Сегодня десятки стран имеют опыт создания подводных парков, а в местах, где нет или недостаточно подводных исторических объектов, возникают искусственно созданные морские парки.

Быстрое увеличение числа охраняемых объектов подводного наследия, подводных парков и программ по организации подводных маршрутов указывает, что эта стратегия культурного управления ресурсом выполняет требования для сохранения и открытого доступа к объектам ПКН. Специалисты отмечают, что демонстрация объектов, как части нашего общего культурного наследия, вызывает интерес и уважение у посетителей к таким объектам. При этом в дальнейшем часть посетителей становится участниками волонтёрских программ по сохранению объектов наследия или жертвуют финансовые ресурсы.

Литература

1. Заповедники и национальные парки России. М.: ЛОГАТА, 1998 160 с.
2. Морская программа ЮНЕСКО. <http://whc.unesco.org/en/activities/13> (дата обращения: 15.03. 2015).
3. Stern R. Underwater Sculpture Viewers Take Swimmingly To Trend // <http://www.sternereditorial.com/UWArt.html> (дата обращения: 15.03. 2015).
4. Roche J., Praying Underwater: Religious Dive Sites Around the World // http://www.ncregister.com/daily-news/praying_underwater/#ixzz1kbO5u2kE (дата обращения: 15.03. 2015).
5. Underwater park ready for divers // Phuket Gazette – Tuesday, August 22, 2006 (дата обращения: 15.03. 2015).

6. <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/indonesia/7927062/Atlantis-of-the-East-Not-it-is-a-theme-park.html> (дата обращения: 15.03. 2015).
7. <http://www.themarinefoundation.org/> (дата обращения: 15.03. 2015).
8. <http://club.navionic.ru/?p=809> (дата обращения: 15.03. 2015).
9. <http://www.atlantiscaymanbrac.com/> (дата обращения: 15.03. 2015).
10. <http://www.underwatersculpture.com/index.asp> (дата обращения: 15.03. 2015).
11. <http://www.treasure-divers.eu/english/diving/wrecks-la-caleta-limon-hickory-catuan.html> (дата обращения: 15.03. 2015).
12. <http://www.mydiving.org/forum/viewtopic.php?t=766> (дата обращения: 15.03. 2015).
13. <http://bigshipwrecks.com/> (дата обращения: 15.03. 2015).
14. <http://morprom.ru/news/12977/> (дата обращения: 15.03. 2015).
15. <http://www.holiday-diver.com/Issue.9-Wrecks-Uluburun.Wreck-Kas.Turkey.html> (дата обращения: 15.03. 2015).
16. *Pruneti P., Riccardi E.* 1993. Lezioni di Archeologia a Ustica. Archeologia Viva, 37, aprile, 90–93
17. International Congress of Prehistoric Sciences, Forli, Italia-8/14 Sept.1996, Collocium XXXVI. Archaeological Parks, 83–96
18. *Davidde B.* Underwater archaeological parks: a new perspective and a challenge for conservation – the Italian panorama // International Journal of Nautical Archaeology, V. 31, I. 1. April 2002, p. 83–88
19. *Felici E.* 1993. Osservazioni sul porto neroniano di Anzio e sulla tecnica romana delle costruzioni portuali in calcestruzzo, «ASubacq», I, p. 71–104.
20. *Francisco J.S. Alves.* Underwater Archaeological Trails // Museum International. Vol. 60, Iss. 4, December 2008, p. 81–90
21. <http://sealforce.org/component/content/article/27-diving/120-caesarea> (дата обращения: 15.03. 2015).
22. <http://sekretymira.ru/podvodnyi-gorod-ionaguni> (дата обращения: 15.03. 2015).
23. <http://www.travelzone.lv/latvija/kokapils/araiss/index.php> (дата обращения: 15.03. 2015).
24. http://www.nba.fi/en/cultural_environment/archaeological_heritage/underwater_cultural_heritage/underwater_park
25. <http://www.indiana.edu/~e370/bayahibe/bayahibe.html> (дата обращения: 15.03. 2015).
26. Council of Europe. The Underwater Cultural Heritage. Report of the Committee on Culture and Education, Strasbourg, France. 1978. 205 p.
27. *Spirek, James D., Della A. Scott-Ireton (editors).* 2003. Submerged Cultural Resource Management: Preserving and Interpreting Our Sunken Maritime Heritage. Plenum Series in Underwater Archaeology. Kluwer Academic/Plenum, New York, NY, 189 p.
28. *Halsey, John R., Peter Lindquist.* 2003. Beneath Pictured Rocks. In Submerged Cultural Resource Management: Preserving and Interpreting Our Sunken Maritime Heritage, James D. Spirek and Della A. Scott-Ireton, editors, p. 107–118. Plenum Series in Underwater Archaeology. Kluwer Academic/Plenum, New York, NY.
29. *La Roche, Daniel.* 2003. A Review of Cultural Resource Management Experiences in Presenting Canada's Submerged Heritage. In Submerged Cultural Resource Management:Preserving and Interpreting Our Sunken Maritime Heritage, James D. Spirek and Della A. Scott-Ireton, editors, p. 29–41. Plenum Series in Underwater Archaeology. Kluwer Academic/Plenum, New York, NY.
30. *Elkin, Dolores, Hebe Cafferata.* 2001. Underwater Archaeology and Cultural Tourism – A Mutual Benefit Proposal for Patagonia. Bulletin of the Australian Institute for Maritime Archaeology 25, p. 83–88.
31. *Hermley, Lauren, Mark Wilde-Ramsing.* 2004. Queen Anne's Revenge Shipwreck Project: Phase I – Dive Access Marketing Research and Feasibility Study, Need and Requirements. Manuscript, North Carolina Underwater Archaeology Branch, Morehead City.

Fazlullin Sergey M. Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation)
DOI 10.17223/22220836/18/15

UNDERWATER PARKS AND THE PRESERVATION OF OBJECTS OF UNDERWATER CULTURAL HERITAGE

Key words: underwater cultural heritage, Maritime heritage, underwater parks, underwater nature reserves, underwater museums, underwater archaeology, underwater tourism, actualization.

The article is devoted to underwater parks, as a new form of conservation of underwater cultural heritage that has developed in the modern world. In the introductory part discusses the organization and operation of underwater parks, are discussed and their importance in the protection of the underwater cultural heritage (UCH). Stand out, having different directions of activity, types of underwater parks. The emphasis is on the organization of historical parks and archaeological specialization. Given the author's classification of underwater parks and the description of each of the selected types. Relatively elaborates on the historical and cultural underwater parks, which are increasingly effective tools for the conservation of underwater cultural heritage.

Over the past twenty years interest in the study of underwater cultural heritage has grown significantly. The main forms of its presentation and preservation are museums and themed underwater historical and cultural parks. Underwater historical and cultural parks by the number of significantly outperform traditional thematic museums. Today, dozens of countries have experience in the creation of underwater parks. And in places where there is no or insufficient underwater historical sites, arise artificially created marine parks.

The rapid increase in the number of protected objects underwater heritage, underwater parks and programs for the organization submarine routes indicates that this strategy of cultural resource management fulfills the requirements for preservation of and open access to the objects of the UCH. Experts note that the demonstration sites as part of our common cultural heritage, calling the interest and respect of the visitors to such facilities. In the further part of visitors become participants in volunteer programs for the conservation of heritage sites or donate financial.

References

1. Zapovedniki i natsional'nyye parki Rossii M.: LOGATA, 1998 160 s. 2.
2. Morskaya programma YUNESKO <http://whc.unesco.org/en/activities/13> (data obrashcheniya: 15.03. 2015).
3. Sterner R., Underwater Sculpture Viewers Take Swimmingly To Trend // <http://www.sternereditorial.com/UWArt.html> (дата обращения: 15.03. 2015).
4. Roche J., Praying Underwater: Religious Dive Sites Around the World // http://www.ncregister.com/daily-news/praying_underwater/#ixzz1kbO5u2kE (data obrashche-niya: 15.03. 2015).
5. Underwater park ready for divers // Phuket Gazette – Tuesday, August 22, 2006. (data obrashcheniya: 15.03. 2015).
6. <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/indonesia/7927062/Atlantis-of-the-East-Not-is-a-theme-park.html> (data obrashcheniya: 15.03. 2015).
7. <http://www.themarinefoundation.org/> (data obrashcheniya: 15.03. 2015).
8. <http://club.navionic.ru/?p=809> (data obrashcheniya: 15.03. 2015).
9. <http://www.atlantiscaymanbrac.com/> (data obrashcheniya: 15.03. 2015).
10. <http://www.underwatersculpture.com/index.asp> (data obrashcheniya: 15.03. 2015).
11. <http://www.treasure-divers.eu/english/diving/wrecks-la-caleta-limon-hickory-catuan.html> (data obrashcheniya: 15.03. 2015).
12. <http://www.mydiving.org/forum/viewtopic.php?t=766> (data obrashcheniya: 15.03. 2015).
13. <http://bigshipwrecks.com/> (data obrashcheniya: 15.03. 2015).
14. <http://morprom.ru/news/12977/> (data obrashcheniya: 15.03. 2015).
15. <http://www.holiday-diver.com/Issue.9-Wrecks-Uluburun.Wreck-Kas.Turkey.html> (data obrashcheniya: 15.03. 2015).
16. Pruneti P., Riccardi E. 1993. Lezioni di Archeologia a Ustica. Archeologia Viva, 37, aprile, p. 90–93.
17. International Congress of Prehistoric Sciences, Forli, Italia-8/14 Sept.1996, Collocium XXXVI. Archaeological Parks, p. 83–96.
18. Davidde B., Underwater archaeological parks: a new perspective and a challenge for conservation—the Italian panorama // International Journal of Nautical Archaeology, V. 31, I. 1. April 2002, p. 83–88
19. Felici E. 1993. Osservazioni sul porto neroniano di Anzio e sulla tecnica romana delle costruzioni portuali in calcestruzzo, «ASubacq», I, p. 71–104.
20. Francisco J.S. Alves. Underwater Archaeological Trails // Museum International Volume 60, Issue 4, December 2008, pages 81–90
21. <http://sealforce.org/component/content/article/27-diving/120-caesarea> (data obrashcheniya: 15.03. 2015).

-
22. <http://sekretymira.ru/podvodnyi-gorod-ionaguni> (data obrashcheniya: 15.03. 2015).
23. <http://www.travelzone.lv/latvija/kokapils/araisi/index.php> (data obrashcheniya: 15.03. 2015).
24. http://www.nba.fi/en/cultural_environment/archaeological_heritage/underwater_cultural_heritage/underwater_park
25. <http://www.indiana.edu/~e370/bayahibe/bayahibe.html> (data obrashcheniya: 15.03. 2015).
26. Council of Europe. The Underwater Cultural Heritage. Report of the Committee on Culture and Education, Strasbourg, France. 1978. 205 p.
27. Spirek, James D. and Della A. Scott-Ireton (editors) 2003 Submerged Cultural Resource Management: Preserving and Interpreting Our Sunken Maritime Heritage. Plenum Series in Underwater Archaeology. Kluwer Academic/Plenum, New York, NY, 189 p.
28. Halsey, John R., Peter Lindquist. 2003. Beneath Pictured Rocks. In Submerged Cultural Resource Management: Preserving and Interpreting Our Sunken Maritime Heritage, James D. Spirek and Della A. Scott-Ireton, editors, p. 107–118. Plenum Series in Underwater Archaeology. Kluwer Academic/Plenum, New York, NY.
29. La Roche, Daniel. 2003. A Review of Cultural Resource Management Experiences in Presenting Canada's Submerged Heritage. In Submerged Cultural Resource Management: Preserving and Interpreting Our Sunken Maritime Heritage, James D. Spirek and Della A. Scott-Ireton, editors, pp. 29-41. Plenum Series in Underwater Archaeology. Kluwer Academic/Plenum, New York, NY.
30. Elkin Dolores, Hebe Cafferata. 2001. Underwater Archaeology and Cultural Tourism – A Mutual Benefit Proposal for Patagonia. Bulletin of the Australian Institute for Maritime Archaeology 25, p. 83–88.
31. Hermley Lauren, Mark Wilde-Ramsing. 2004. Queen Anne's Revenge Shipwreck Project: Phase I – Dive Access Marketing Research and Feasibility Study, Need and Requirements. Manuscript, North Carolina Underwater Archaeology Branch, Morehead City.

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

УДК 130.2 + 78
DOI 10.17223/22220836/18/16

В.И. Юдина

МУЗЫКАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В «ЛИЧНОСТНОМ ИЗМЕРЕНИИ». ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена источниковедению музыкальной культуры дореволюционной русской провинции. Выделена одна группа источников – документы личного происхождения, к которым относятся письма, дневники, воспоминания, мемуары, записки и пр. Они представляют собой важный материал для исследования не только биографии и творчества связанных с провинцией музыкантов, но характеризуют различные формы музыкальной повседневности российских регионов.

Ключевые слова: российская провинция, музыкальная культура, документы личного происхождения, музыкальная провинциология, источниковедение.

История и современное состояние отечественной провинциальной культуры по праву заняли важное место в отечественной гуманитарной науке постсоветского периода. В числе прочих следует рассматривать и проблематику музыкальной культуры в провинциальном контексте.

Важным источником изучения исторического прошлого музыкальной культуры российской провинции являются документы личного происхождения – письма, дневники, воспоминания, мемуары, записные (расходные) книги. Интерес представляют материалы, авторами которых являются как сами музыканты – композиторы, исполнители, критики, музыкальные педагоги, так и широкий круг любителей музыки, среди которых представители различных социальных слоев, разной профессиональной принадлежности – литераторы, художники, общественные деятели и представители местной администрации, меценаты, владельцы музыкальных театров, оркестров и т.д., аристократия и купечество, родственники, друзья, коллеги музыкальных деятелей.

Традиционно значение данной группы источников определяется личностной составляющей истории музыкальной культуры, так как дневники, письма, воспоминания – это основополагающий материал для исследования биографии и творчества музыканта. Наряду с этим личные документы характеризуют музыкальный быт во всей его многосторонности, рисуют не только автора, но и окружающую его художественную атмосферу, события музыкальной жизни – все то, что музыкально наполняет повседневную культуру.

Такая многогранность обусловила сложившуюся традицию публикации писем, мемуаров, дневников. Она была обобщена в классических библиографических работах дореволюционного (С.Р. Минцлов [1]) и советского (П.А. Зайончковский [2]) времени, которые оказывают огромную помощь

в различных направлениях исторических исследований. С точки зрения определения источниковедения музыкальной провинциологии (данный термин разработан нами [3]) работа Р.С. Минцлова, при некоторой случайности отбора материалов, ценна включением опубликованного дореволюционного эпистолярия. Указатель П.А. Зайончковского, охватывающий изданную в России и СССР до середины 1980-х гг. мемуарную литературу (вспоминания, дневники, записки, автобиографии, путешествия), представляет собой аннотированное библиографическое издание, построенное по хронологическому принципу: выпуски 1–4 содержат материалы XV – начала XX в., выпуск 5 – до середины 1980-х гг.). Тематическая систематизация материала дополняется введением персональных разделов.

Следует, однако, отметить, что за последующий за выходом Указателя П.А. Зайончковского период был опубликован ряд материалов (в частности, из фондов Российской государственной библиотеки, театрального музея им. А.А. Бахрушина), которые также можно отнести к данной группе источников музыкальной провинциологии. В совокупности старинных и современных публикаций, а также отдельных рукописей, обобщенных в библиографических указателях, сложился основной массив личных свидетельств развития музыкальной культуры русской провинции.

Хронологически наиболее ранние личные свидетельства исторического прошлого провинциальной музыкальной культуры дореволюционной России датируются документами последней четверти XVIII в. Так, на страницах воспоминаний тульских помещиков Т.А. и П.А. Болотовых представлены различные формы музыкального быта провинциальной русской усадьбы – незатейливое домашнее музенирование, приемы обучения музыке и распространенный репертуар. Особую группу составляют личные документы видных деятелей того времени: письма Г.Р. Державина (опера и оркестр в Тамбове во время его губернаторства 1786–1787 гг.) и А.В. Суворова (разнообразные музыкальные формы в усадьбе Индол), путевые заметки камергера А.В. Салтыкова (рязанский театр 1797 г.), мемуары томского губернатора В.С. Хвостова (крепостной оркестр в Новгородской губернии 1790-х гг.), записки украинского писателя Г.Ф. Квитки-Основьяненко (Харьковский театр в XVIII в.).

Широкая панорама провинциального музыкального быта конца XVIII – начала XIX в. воссоздана в записках князя И.М. Долгорукого, занимавшего в 1790–1800 гг. пост губернатора в Пензе и Владимире. До революции несколько раз переиздавались его работы «Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни», «Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года». В них много внимания уделено театральной провинции (театры на Курской Коренной и нижегородской Макарьевской ярмарках, городские театры графа Каменского в Орле и князя Шаховского в Нижнем Новгороде), разнообразным формам любительского музенирования – оркестровому, ансамблевому, сольному исполнительству различных городов (Полтава, Киев, Одесса), своеобразным формам русского музыкального искусства (роговой оркестр пензенского помещика И.Ф. Кашкарова). Написанные в виде путевых заметок работы И.М. Долгорукого имели продолжение в публикациях 1820–1830-х гг., воссоздающих провинци-

альную музыкальную хронику на страницах путешествий чиновника Министерства внутренних дел М.П. Жданова, сенатора, писателя П.И. Сумарокова 1838 г. (Казань, Нижний Новгород, Харьков, Ярославль, Пенза конца 1830-х гг.).

К этому же жанру можно отнести путевые заметки французских пленных (офицеров, врачей), которые в ходе военной кампании 1812 г. оказались в российской глубинке – в Черниговской, Оренбургской, Саратовской и других губерниях и зафиксировали свои впечатления, в том числе и о разнообразных формах музенирования (домашний театр, концерты, дворянские салоны) [4]. Сохранились и более поздние свидетельства о музыкальной жизни провинциальной России, оставленные зарубежными путешественниками. Например, странствующий из Петербурга Барбот де Марни описал свои впечатления о тульском театре [5].

В целом жанр путевых записок предоставлял большие возможности для описания разнообразных явлений в различных уголках России, в том числе и с точки зрения их особенностей в сравнении со столичной культурой.

В XIX в. в связи с возникновением русской композиторской школы особую ценность приобретают личные материалы отечественных композиторов-классиков как источник сведений о разнообразных сторонах музыкальной действительности своего времени. Подавляющая часть русских композиторов и исполнителей XIX в. была в той или иной степени связана с русской провинцией – по происхождению, обстоятельствам личной или творческой жизни. Свидетельства профессионалов придают особую весомость и значимость исследованию музыкальной культуры провинции. Разнообразный фактический материал о провинциальной музыкальной жизни, ее художественно-эстетическая, культурно-историческая оценка встречается в мемуарах, воспоминаниях, автобиографиях, записках М.И. Глинки (детские впечатления от музыкального быта в Смоленской губернии), Н.А. Римского-Корсакова (музыкальные впечатления и первые занятия музыкой в Тихвине в 1840–1850-х гг.), П.И. Чайковского (музыкальный быт Каменки Киевской губернии, Подмосковного Майданова, поездки на Кавказ), С.И. Танеева (музенирование во время летнего отдыха в имениях друзей в Тульской, Орловской, Московской губерниях в 1890–1900-е гг.), М.М. Ипполитова-Иванова (музыкальный Тифлис 1880–1890-х гг.), С.В. Рахманинова (детство в Новгородской губернии), С.С. Прокофьева (первые занятия музыкой и усадебный быт в Екатеринославской губернии начала XX в.), М.Ф. Гнесина (музыкальная жизнь Ростова-на-Дону конца XIX – начала XX в.), А.Н. Александрова (детство в Томске, Таруса начала XX в.), Р.М. Глиэра (Киевское музыкальное училище рубежа XIX–XX вв.), С.М. Майкапара (Таганрог 1870–1890-х гг.).

К личным материалам, написанным собственноручно самими музыкантами, следует отнести и их переписку, где в той или иной степени описан провинциальный музыкальный быт, охарактеризованы вкусы местной публики, раскрыты типичные и своеобразные формы музыкальной практики. Это письма А.Н. Серова (Симферополь, Одесса второй половины 1840-х гг.), М.П. Мусоргского (центральная и южная части России 1859–1879 гг.), М.А. Балакирева (Минеральные воды, 1862 г.), В.С. Калинникова (Орел 1870–1880-х гг., Ялта 1890-х гг.).

К данной группе примыкают воспоминания, записки, мемуары современников выдающихся русских композиторов – их родственников, друзей, а также многочисленных меломанов, которые оставили существенную информацию об их связях с провинцией, о вкладе в культуру того или иного края. Дополнив собственный авторский материал, они могут составить самостоятельную тему исследования. Например: «А.Н. Серов и музыкальный Крым 1840-х гг.», «П.И. Чайковский в провинции», «С.И. Танеев и русская усадьба», «С.В. Смоленский и музыкальная Казань на рубеже XIX–XX вв.», «Провинциальные истоки творчества С.В. Рахманинова».

Значение материалов личного происхождения в раскрытии основных тенденций развития музыкальной культуры русской провинции не исчерпывается выявлением ее связей с выдающимися отечественными музыкантами. Не менее существен вклад местных композиторов-дилетантов, исполнителей-любителей, чье творчество не перешагнуло рамки местной культурной традиции, но имело едва ли не основополагающее значение для музыкальной культуры российской провинции XVIII – начала XX в.

Большую часть из них следует отнести к категории тех, кто определял и определяет художественную повседневность провинции, сочетая творческие порывы (сочинительство) с каждодневным кропотливым трудом (педагогическим, издательским, организационно-деятельностным и др.). Они представляют тип «интропровинциальной личности» [6. С. 7], которая по факту рождения (но не всегда) полностью или значительную часть жизни и деятельности оказалась связанной с провинцией. Если речь идет о провинциальном композиторе, то чаще всего это творец так называемого «второго плана», «второго круга», имя которого значимо именно для данного провинциального сообщества, причем на ограниченном отрезке времени. Эти музыканты прославились именно своей деятельностью в различных провинциальных городах: А.Д. Улыбышев – в Нижнем Новгороде (1830–1850-е гг.), П.М. Воротников – в Елизаветграде (1850–1860-е гг.), Ю.Н. Голицын – в Ярославле (1860-е гг.), о чем сохранились различные свидетельства как самих музыкантов, так и их современников, оставленные на страницах «Русской музыкальной газеты» (1902. № 41, 44 и др.), «Русского музыкального вестника» (1881. № 23), «Русской старины» (1905. № 5) и др.

Их творческая судьба созвучна судьбам многочисленных провинциальных литераторов, о которых О.Г. Ласунский написал: «Провинциальные поэты, прозаики, драматурги, публицисты были, как правило, «маленькими». Понятно, что они чаще всего и попадают в разряд забытых и полузабытых» [7. С. 24].

Значительный пласт информации для музыкальной провинциологии составляют воспоминания, дневники музыкантов – исполнителей (артистов, дирижеров), оперных режиссеров и антрепренеров, которые в силу специфики своей деятельности часто выступали в губернских и уездных городах. Концертная практика провинциальных городов в XIX в. запечатлена в мемуарах пианиста и издателя М.И. Бернанда, опубликованных в Литературных прибавлениях в «Нувелисту» за 1849 г. (№ 9, 10, 12), скрипачей Н.Я. Афанасьева (крепостной оперный театр И.Д. Шепелева во Владимирской губернии, гастроли по различным городам России в 1840-х – начале 1850-х гг. – публикации в «Историческом вестнике» за 1899 г., № 7, 8), отдельно издан-

ные фрагменты записной книжки В.В. Безекирского (вторая половина XIX в.), воспоминания А.В. Унковской (музыкальный быт в родовом имении Ивановское Тульской губернии), мемуары арфистки К.А. Эрдели (детство в Херсонской губернии в конце XIX в.).

Влияние ранних музыкальных впечатлений, полученных в условиях прошедшего в провинциальной глубинке детства и отрочества, состоявшийся там «профессиональный старт» воссоздан в воспоминаниях корифеев отечественной вокальной школы А.В. Неждановой (деревня Кривая Балка под Одессой, Одесская женская гимназия в конце XIX в.), Н.А. Обуховой (помещичья усадьба в селе Хворостенки Тамбовской губернии), В.Р. Петрова (слобода Алексеевская Харьковской губернии, церковные хоры в Харькове и Ростове-на-Дону), Ф.И. Шаляпина (деревня Ометово под Казанью, Тифлисский музыкальный кружок, гастроли в различных регионах России). Развитие оперной культуры в провинциальных городах предстает также на страницах мемуаров оперных солистов И.В. Тартакова (Одесса и Киев 1880–1890-х гг.), С.Ю. Левика (рубеж XIX–XX вв.), В.П. Шкафера (оперная труппа Киева и Тифлиса 1890-х гг.), А.М. Давыдова (гастроли по югу России в последнее десятилетие XIX в.), С.В. Акимовой (музыкальный Тифлис рубежа XIX–XX вв.), А.А. Смолиной (Казанский оперный театр в конце XIX в.), певца-любителя А.А. Харитонова (Тифлисская опера 1850-х гг.), а также дирижеров Э.А. Купера (Киев, Ростов-на-Дону, Гельсингфорс), Д.И. Похитонова (оперные театры Тифлиса, Одессы начала XX в.), Б.М. Израилевского (Орел второй половины XIX в.), оперных режиссеров Н.Н. Боголюбова (оперная культура Поволжья, юга России, Кавказа 1870-х – первой трети XX в.), В.А. Лосского (музыкальная жизнь Киева, Одессы начала XX в.), А.В. Ивановского (Казанский оперный театр начала XX в.), оперного антрепренера С.Я. Семенова–Самарского. Развитие жанра оперетты на провинциальных подмостках предстает в мемуарах М.И. Днепрова и М.А. Ростовцева.

Картина провинциальной музыкальной жизни дополняется аналогичными материалами музыковедов, музыкальных критиков, которые на страницах региональной и центральной периодической печати зафиксировали особенности местной художественной практики как с фактической стороны, так и в анализе характерных тенденций (биографические заметки Г.А. Поляновского, Б.Л. Яворского).

Существенный вклад в раскрытие особенностей музыкальной культуры провинции в разнообразии ее региональных вариантов вносят личные свидетельства очевидцев – драматических актеров, театральных и художественных деятелей (записки и письма М.С. Щепкина, П.П. Карцева, Н.И. Иванова, М.А. Берман, И.И. Лаврова, А.П. Глушковского и др.), литераторов, публицистов, журналистов (С.Т. Аксакова, В.П. Бурнашева, А.Д. Галахова, П.М. Полевого, А.В. Никитенко, А.А. Стаковича, С.Я. Елпатьевского и др.), чиновников (Ф.Н. Винницкого, В.А. Инсарского, Ф.Ф. Вигеля, И.С. Жиркевича, М.Д. Бутурлина и др.), помещиков-меломанов (П.Д. Селецкого, В.В. Селиванова и др.), религиозных деятелей и паломников (Д. Соловьева, С.А. Нилуса и др.).

Обращаясь к документам личного происхождения как источнику анализа музыкальной культуры русской провинции, необходимо учитывать, что

в силу жанровой специфики они отличаются разной степенью достоверности. Письма, дневники обычно по времени более приближены к описываемым событиям, чем воспоминания, мемуары, путешествия, которые чаще писались по памяти. Особенность данной группы источников заключается также и в том, что в них явления общественной жизни описываются наряду с событиями личной биографии, отсюда сочетание фактической стороны описываемых событий с авторской оценкой, эмоциональной, порой субъективной, что также вносит свою лепту в формирование образа музыкальной повседневности.

Литература

1. Минцов С.Р. Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке. Вып. 1–5. Новгород, 1911–1912.
2. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. Т. 1–5 / науч. руков., ред. и введение П.А. Зайончковского. М., 1976–1988.
3. Юдина В.И. Музыкальная провинциология: Теория. История. Практика. Орел, 2011. 242 с.
4. Montravel. Voyage d'un officier français prisonnier en Russie sur les frontiers de cet empire, du cœur de l'Asie (observations intéressantes sur les mœurs, les usages et le caractère des habitants de la rive gauche de Wolga, près la mer Caspienne). Paris, 1817. 130 p.
5. Барбом де Марни. Путевые заметки по Тульской губернии // Библиотека для чтения. 1853. Т. 118, № 4. С. 23–34.
6. Сайко Е.А. Российская провинция как социокультурный феномен : автореф. ... канд. филос. наук. М., 1997. 20 с.
7. Ласунский О.Г. Литературно-общественное движение в русской провинции: (Воронежский край в «погоне Чернышевского»). Воронеж, 1985. 80 с.

Udina Vera I. Orel State Institute of Arts and Culture (Orel, Russian Federation). E-mail: udina@orel.ru. DOI 10.17223/22220836/18/16

THE MUSICAL LIFE OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIAN PROVINCE IN THE "PERSONAL DIMENSION". THE SOURCE ASPECT

Key words: Russian province, musical culture, documents of a personal origin, musical provinciology, source.

An important source for studying the historical past of musical culture of the Russian province are the documents of a personal origin - letters, diaries, memoirs, autobiographies, notebook. Interest are the materials, the authors are both musicians – composers, performers, critics, music educators, and a wide range of music lovers, including representatives of different social backgrounds, different professional – writers, artists, public figures and representatives of the local administration, patrons, owners of musical theatres, orchestras, etc., the aristocracy and the merchants, relatives, friends, colleagues of musicians.

Of particular value are the personal materials of Russian classical composers of the nineteenth century: most of them were in varying degrees connected with Russian province of origin, circumstances of personal or creative life. Evidence professionals give special weight and significance to the study of musical culture of the province. A variety of factual material about the provincial musical life, its aesthetic, cultural and historical assessment found in the memoirs, autobiographies, notes by M. Glinka and N. Rimsky - Korsakov, P. Tchaikovsky and S. Taneyev, S. Rachmaninov and R. Gliere.

To fully characterize the musical life of the province not less significant the contribution of local composers amateurs, performers enthusiasts, whose work has not crossed the framework of local cultural traditions - A. Ulybyshev (Nizhny Novgorod), P. Vorotnikov (Elizavetgrad), U. Golitsyn (Yaroslavl). Referring to the documents of personal origin as a source of analysis of the musical culture of the Russian provinces, it is necessary to consider that due to genre specific they are of varying degree of reliability. Letters, diaries usually time closer to the events than memories, travel, which is often written from memory.

The value of this group of sources is determined by the personality part of the history of musical culture, as diaries, letters, memoirs - the basic material for the study of the biography and creativity of the musician. The distinctive feature of this group of sources is that in them the events of social life are

described along with events of personal biography, hence the combination of the facts of the events described with the author's assessment, emotional, sometimes subjective. Along with this, personal documents characterize musical life in all its versatility, draw not only the author but also the surrounding artistic atmosphere, the events of musical life – all that music fills everyday culture.

References

1. Mintslov S.R. Obzor zapisok, dnevnikov, vospominaniy, pisem i puteshestviy, otnosyashchikhsya k istorii Rossii i naapechatannykh na russkom yazyke. Vyp. 1–5. Novgorod, 1911–1912.
2. Iстория дorevolyutsionnoy Rossii v dnevnikakh i vospominaniyakh. Annotirovannyy ukazatel' knig i publikatsiy v zhurnalakh. T. 1–5 / nauch. ruk., red. i vvedeniye P.A. Zayonchkovskogo. M., 1976–1988.
3. Yudina V.I. Muzykal'naya provintsiologiya. Teoriya. Istoriya. Praktika. Orel, 2011. 242 c.
4. Montravel. Voyage d'un officier francais prisonnier en Russie sur les frontiers de cet empire, du core de l'Asie. (obsvrations interessantes sur les meeurs, les usages et le caractere des habitus de la rive gauche de Wolga, pres la mer Caspienne). Paris, 1817. 130 p.
5. Barbot de Marni. Putevyye zametki po Tul'skoy gubernii // Biblioteka dlya chteniya. 1853. T. 118. № 4. C. 23–34.
6. Sayko Ye.A. Rossiyskaya provintsiya kak sotsiokul'turnyy fenomen : avtoref. ... kand. filos. nauk. M., 1997. 20 s.
7. Lasunskiy O.G. Literaturno-obshchestvennoye dvizheniye v russkoy provintsiy (Voronezhskiy kray v «epokhu Chernyshevskogo»). Voronezh, 1985. 80 s.

УДК 001(09)
DOI 10.17223/22220836/18/17

И.А. Крайнева

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ АРХИВ УЧЕНОГО КАК ФЕНОМЕН ИСТОРИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье рассмотрены механизмы создания и реализации потенциала персональных архивов ученых как проявления идентичности и историчности, как способа ориентации человека в мире. Создание архивов классифицируется как потребность социально-культурной и профессиональной идентификации и обусловлено желанием подчеркнуть индивидуальность за счет расширения идентифицирующих дескрипций, которые материализованы в различных свидетельствах. Анализ использования архивов в исследовательской практике позволил проследить процесс «замещения» индивида артефактами его архива.

Ключевые слова: идентичность, партиципация, адаптация, персональный архив, нарративный субъект.

В последнее время в теории современной культуры большое внимание уделяется проблеме трансформации памяти: национальной, локальной, индивидуальной [1]. В этой связи актуализируется проблема архивов как феноменов культуры, как хранителей памяти и в то же время как средства ее регулирования, легализации памяти и забвения. Ужесточение контроля над архивами, включение механизма жесткого регулирования доступности информации входит в противоречие с задачами исторической науки, стремящейся к постижению прошлого на базе широкого круга источников. В данной статье мы рассматриваем феномен персональных архивов ученых, созданных в XX в. Помимо того, что создатели этих архивов явно рассчитывали на то, что документы будут сохранены и изучены, они вкладывали в них определенные смыслы, придавали им значение, которое мы должны понять.

Многолетний опыт работы с персональными архивами ученых заставил задуматься, какие механизмы задействованы в процессе создания архивов, что ими движет? Некоторое объяснение может быть сформулировано в терминах идентичности/идентификации и историзма, в личностном обретении историчности через идентификацию особого рода – формирование коллекции артефактов, архива. Ученый реализует себя в науке через публикации, общение с коллегами и учениками, институции. Но ему требуется и другая форма идентификации, подтверждения своей причастности не только научному сообществу, но и тем общественно или лично значимым событиям, в которых он участвовал. Иначе говоря, потребность в идентификации обусловлена желанием подчеркнуть свою индивидуальность за счет расширения идентифицирующих дескрипций, которые материализованы в различных свидетельствах.

Вся предыдущая история изучения феномена идентичности в социальных науках демонстрирует нацеленность на нее как преимущественно интериорную сущность, которая реализуется через поведенческие практики в коммуникативных пространствах. Различают идентичность коллективную (терри-

ториальную, политическую, национальную, конфессиональную, профессио-нальную, гендерную, гражданскую и т.д.) и индивидуальную, личностную. Понятие идентичности связывают со становлением понятия «индивидуальное» в различных дисциплинарных контекстах, а также с конституированием в европейской традиции дискурсов «различия», «инаковости», «аутентичности» и «Другого» [2. С. 382]. Поначалу различные дисциплинарные понимания идентичности в неклассической логике, в постнеклассической философии и в социогуманитарном знании (социология, антропология, психология) с конца 1960-х гг. практически объединились в постструктуралистско-постмодернистской практике в единое универсальное понятие [3. С. 139].

Немецкий философ Герман Люbbe, говоря о природе индивидуальности, полагает, что «смысл определения историй как процессов индивидуализации систем можно заострить и усилить путем различения числовой и исторической индивидуальности» [4. С. 108]. Числовой индивидуальностью обладают объекты технических серий, их различают с помощью символов, имен или номеров. Административная регистрация граждан также является числовой индивидуальностью. По мнению Люbbe, «именно истории позволяют идентифицировать любые системы» (технические, биологические, социальные), установить их историческую индивидуальность [4. С. 109]. «Истории» могут быть закреплены в артефактах: царапинах на автомобиле, наградах, сувенирах и документах.

Люbbe рассмотрел процесс обретения исторической индивидуальности (идентичности) как артефактуальную деятельность. Он отметил небывалый всплеск историзма в современном мире, который выражен в беспрецедентной по размаху и интенсивности культуре историографического изображения собственной и чужой идентичности, в музейной деятельности. Историзм современного общества связан, по его мнению, с реакцией на динамичный рост знания, рост «реликтов цивилизации», когда под грузом новизны возникает дискомфорт восприятия действительности. Общество, как и отдельный человек, реагирует на ускорение прогресса своеобразным отторжением нового, консервативно. Отсюда расцвет архивно-музейной культуры, охрана памятников старины как поиск компенсации цивилизационной динамике: «С помощью культивирования музеиных ценностей люди стремятся сохранить свою идентичность, генетически прослеживая связь истока с современностью. Таким образом, историческое сознание реально компенсирует издержки и нагрузки прогресса...» [5. С. 90].

В то же время очевидно, что историческую идентичность нельзя объяснить только компенсаторными механизмами адаптации к цивилизационной динамике: индивид является актором своей истории, ее творцом. И он находит выход в идентификации своей личности в истории через определенный набор артефактов, которые надеется передать будущему в качестве исторических источников. Он стремится «попасть в историю», выполняет определенную миссию, связанную с осознанием непреходящей ценности его исторической индивидуальности. Биографические нарративы, истории как «замещение» ушедших идентичностей возникают на реальных артефактах, аккумулированных в различных хранилищах, в том числе в архивах.

Итак, истории помогают понять уникальность идентичностей. Как полагал Ф. Анкерсмит, «...в нашем мире свойство конкретной вещи быть индивидуальной является, по-видимому, необходимой предпосылкой ее истории» [6. С. 169]. Но индивиды стремятся обнародовать свои истории не просто рассказывая их, а подтверждая отсылкой к артефактам, архивным документам, памятным сувенирам, фотографиям, видео- и аудиозаписям. Поскольку действующий субъект (в нашем случае ученый) историчен, опирается в подтверждении идентичности на весь свой прошлый опыт, он путем архивации подтверждающих дескрипций пытается сохранить связь между прошлым и будущим. Сохраняя артефакты, пригодные для будущего рассказа, нарративной истории, он формирует и поддерживает культуру будущего историографического описания не только собственной, но и коллективной идентичности, той референтной группы, с которой он психологически себя связывал, которая влияла на формирование его социальных установок и ценностных ориентаций.

Поскольку осмыслению в качестве идентифицирующих сущностей подвергаются архивы ученых, рассмотрим их назначение как составляющей инфраструктуры этой профессиональной референтной группы, части наследия ее интеллектуальной культуры. Теория референтной группы, по отношению к которой происходит самоидентификация индивида, наиболее полно разработана Р.К. Мергоном [7]. Именно в референтной группе проявляется определенный конформизм индивида, формируются модели референтно-группового поведения. Поскольку правила поведения в референтной группе предписывают определенные нормы профессиональной рефлексии, индивид воспринимает их, чтобы реализовать свой потенциал в конкретномintersubъективном пространстве. Научный персональный архив в таком случае является результатом профессиональной рефлексии интеллектуалов, отражением их истории, выраженной в материальном режиме. И хотя, как правило, фондобразователь конкретизирован, известно его имя, архив по своему содержанию часто выходит за рамки персональной идентичности.

Ориентация индивида на ценности и нормы референтной группы может быть артикулирована и как адаптационный механизм, посредством которого индивид входит в конкретное социально-культурное пространство. В этом случае реализуется стратегия использования всех средств социально-культурного окружения для более комфортного существования индивида. По мнению А.Я. Флиера, «человек нуждается в групповой форме жизнедеятельности как более надежной, в самоидентификации с данной группой – ощущении себя неотъемлемой частью коллектива, номинальным совладельцем коллективной собственности, а главное, существом, социально востребованным и одобряемым этим коллективом» [8. С. 201]. Адаптационные возможности идентификации позволяют сохранить индивидуальность в социуме за счет накопления и использования эмпирического опыта, переходящего в рациональное действие [9. С. 176]. В определенных обстоятельствах формируются устойчивые социально-профессиональные формы рационального действия и достижения результатов, например научные школы, которые могут играть роль адаптационных инкубаторов для вновь инкорпорированных индивидов.

Еще более глубокие уровни культурно-антропологической динамики идентичности прослежены А.А. Пилипенко с позиции смыслогенетической теории [10. С. 147]¹. Он подверг анализу явление партиципации как экзистенциального психического состояния, в котором «сознание ситуативно переживает свою слитность (нераздельность) с чем-либо изначально ему ино-положенным» [9. С. 150]. Исследуя типологию партиципационных ситуаций, ученый акцентирует внимание на партиципационной привязанности к вещам как экзистенциальному явлению [10. С. 158–161]. На наш взгляд, именно приятие вещам значимых для индивида смыслов заставляет людей определенного склада, уровня образования и социального статуса от экзистенциально ориентированного «природнения» переходить к осознанной артефактуальной деятельности, конструированию материальной среды, закрепляющей идентичность в вещах (артефактах). В таком случае идентичность уже не только интериорный социокультурный атрибут, но и феномен, имеющий выход в материальный, семантический мир.

Идентификация актуализируется как процесс приобретения и смены идентичности, как способ социального бытия. Что же происходит в процессе идентификации ученого в нашем случае, посредством формирования его архива? Происходит постепенное «замещение» субъекта (или вмещающего его коллектива) артефактом. Следом запускается механизм перехода к историческому нарративу, который может быть порожден в отсутствие субъекта-фондообразователя. Это делает возможным возникновение исторической дисциплины – биографики, если мы задались целью написать биографию или шире – историю науки, если архив принадлежит ученому. Собственно, реализуется та программа, которая была «запущена» с момента формирования архива, программа его нарративации.

Проанализируем коротко конкретные архивные собрания, чтобы выявить степень понимания индивидом его историчности и идентификации с научным сообществом. Один из критериев – полнота архива. В статье будут представлены архивы, с которыми автору пришлось работать последние 15 лет.

Первым по времени авторского анализа и публикации был архив академика Андрея Петровича Ершова (1931–1988)², математика и программиста, потомственного ученого (его дед по материнской линии Ф.И. Успенский (1845–1928) – ординарный академик Российской академии наук, историк), ученика А.А. Ляпунова. Архив А.П. Ершова – обширный корпус документов, датирующийся 1940–1980-ми гг. Уникальность этого собрания состоит в том, что в него вложены артефакты, не только связанные с событиями биографии фондообразователя, но и практически всей истории становления и развития программирования в СССР. Произошло это благодаря тому, что А.П. Ершов интуитивно осознал новационность происходящего в формировании науки, возникновении ее новой отрасли, дисциплины и практики программирования, идентифицировал себя как актора этого процесса, задался целью документировать происходящее и в этом преуспел.

---

¹ Автор не разделяет некоторых положений теории, в частности в той части, где А.А. Пилипенко утверждает, что культура не решает адаптационных задач человека, хотя она и охватывает его надбиологические проявления. Целеполагание культуры как субъекта также подвергается мною сомнению.

² URL: <http://ershov.iis.nsk.su> (дата обращения: 01.04.2015).

Историчность своей деятельности Ершов осознавал постоянно, архив стал его *alter ego*. В нем практически нет лакун: особенно тщательно Ершов формировал переписку, откладывая в архиве копии всех своих писем, что в комплексе с письмами адресатов позволяет входить в проблематику программирования через эпистолярное наследие. В самом начале своей карьеры заведующего отделом программирования Института математики с Вычислительным центром СО АН СССР в Новосибирске А.П. Ершов вел дневник, который является уникальным документом своего времени. Ершов был не только творцом, но и аналитиком программирования, его перу принадлежит ряд работ по истории науки [11]. Поскольку Ершов занимал руководящую должность, имел высокие академические звания, он имел возможность переложить часть архивной работы на своих секретарей, хотя сам всегда держал в поле зрения эту работу. Архив А.П. Ершова – яркое свидетельство того, что его автор понимал смысл своей архивной деятельности, видел назначение корпуса документов, который он сформировал в фиксации изменений культурного опыта, под влиянием технологических изменений.

Партиципативные смыслы приданы, по меньшей мере, одной коллекции данного корпуса документов, а именно коллекции театральных программок и билетов, сохранившихся с 1947 г., когда Андрей Ершов был по комсомольской путевке послан в Москву на празднование 30-й годовщины Октябрьской революции в сопровождении своего отца.

Следующий персональный архив принадлежит члену-корреспонденту АН СССР Алексею Андреевичу Ляпунову (1911–1973)¹. Математик, сын математика А.Н. Ляпунова, ученик академика Н.Н. Лузина, он был активным сторонником кибернетики, организовал в 1956 г. в МГУ междисциплинарный семинар по кибернетике. В 1962 г. А.А. Ляпунов переехал в Новосибирск, где возглавил отдел кибернетики в Институте математики СО АН СССР, был научным руководителем Физико-математической школы НГУ. В 1996 г. награжден медалью Computer Pioneer. К сожалению, архив А.А. Ляпунова в настоящее время утратил свою целостность, надеемся, не навсегда. Часть фонда хранится у его дочери доктора биологических наук Н.А. Ляпуновой в Москве. Эта часть оцифрована, размещена в открытом доступе. Другая часть передана в Архив РАН, куда публичный доступ ограничен. Одной из особенностей данного архива является практическое отсутствие той части переписки, которая исходила от Ляпунова, поскольку он не дублировал свои письма. Это серьезный пробел, который невозможно восстановить. Особо нужно отметить коллекцию писем времен Великой Отечественной войны, которая представляет собой документальное свидетельство напряженной рефлексии человека, оказавшегося в поиске своей идентичности гражданина и ученого в условиях экстремального контекста.

Документы с партиципативными интенциями в этом архиве – письма отца Алексея Андреевича – Андрея Николаевича, относящиеся к периоду младенчества Алексея Андреевича, – выражение трогательной заботы о сыне, а также программа занятий по математике, составленная для А.А. Ляпунова Н.Н. Лузиным, который стал наставником для молодого ученого, покинувшего университет по идейным соображениям.

¹ URL: <http://odasib.ru> (дата обращения: 01.04.2015).

Архив физика-теоретика Юрия Борисовича Румера (1901–1985) не был сформирован им самим во всей полноте нашего представления об этом феномене. На это обстоятельство повлияло два фактора. Первый: идентификация Ю.Б. Румера как ученого произошла не сразу: в годы учебы в МГУ (1918–1924) и некоторое время после окончания университета (1924–1928) он был далек от науки, несмотря на то, что имел глубокие познания в математике. Второй: арест и практическая изоляция от общества в 1938–1948 гг. не способствовали накоплению артефактов. Погибли и его библиотека, а у него была хорошая библиотека, разграбленная после его ареста, и переписка 1930-х гг., конфискованная при аресте. Архив Ю.Б. Румера сформирован коллективными усилиями на основе материалов более чем десяти хранилищ и наиболее полно представлен в цифровом формате¹. Такой широкий подход к формированию данного архива был обусловлен необходимостью поиска идентифицирующих дескрипций при реконструкции и демифологизации персональной истории Румера, составленной им и его биографами на базе историографии и источников на момент его жизни [12. С. 6–30].

Итак, архивы ученых как феномен интеллектуального сообщества представляют собой дискурсивный канал между индивидом и его идентичностью. Архивы позволяют особенно четко понять смысл процессов индивидуализации, поскольку именно они закладывают возможность увидеть уникальность исторической индивидуальности в совокупности идентифицирующих дескрипций. Тем не менее нарративы, созданные на основе этих архивов разными исследователями, будут отличаться друг от друга. Значит ли это, что мы получим несколько идентичностей? На это ли рассчитывал фондообразователь, тщательно укладывая документы в папку? Несмотря на физическую уникальность фондообразователя, артефакты полны скрытых смыслов, видимых одними и не замеченными другими биографами, поскольку даже при жизни у каждого индивида есть несколько «версий» самого себя. Поэтому при создании биографии, конструировании нарративного субъекта различие будет касаться акцентов, расставленных при прочтении смыслов, которые индивид придавал артефактам. Личностная идентичность, базирующаяся на единстве имени и персональной истории, послужит основанием для создания нарративного субъекта.

И последнее. Архив как проявление идентичности существует в историческом времени на материальных носителях. В последнее время все большую актуальность приобретают скрытые архивы, архивы, хранящиеся на электронных носителях, в чем есть риск их полной утраты после ухода индивида-фондообразователя (виртуализация деятельности). Последний как будто уже не заботится о своей истории и своем «нарративном бытии». Необходимо задуматься, имеем ли мы дело с атрофией идентичности или переходом ее в иное состояние, нами пока не осознанное? Имеем ли мы дело с реакцией на динамику цивилизации, когда индивид не успевает задуматься о вечном, находясь в пленау скоростей? Приведет ли это к новым типам идентичности как в экзистенциальном, так и в материальном режимах?

Обращение к интериорному феномену идентичности в его проявлениях экзистенциальной и социально-дисциплинарной природы – личностном

---

¹ URL: <http://odasib.ru> (дата обращения: 01.04.2015).

и профессиональном, прослеженному через экстериорный феномен персональных архивов ученых, выводит исследование на уровень соотношения материального и экзистенциального. Если верна идея формирования архива как собрания идентифицирующих дескрипций, то можно предположить, что будет верна и обратная процедура: на основе понимания смыслов, которые индивид придавал артефактам, осуществить поиск выхода в историческую ретроспективу. Это, в свою очередь, приводит к реализации исследовательской практики «возрождения» индивида через артефакты его архива. Архива, соотнесенного с реальной социокультурной практикой уже не аутентичного, а нарративного субъекта, конструирование которого является задачей исторической биографики.

Литература

1. Асман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
2. Абушенко В.Л. Идентичность // Всемирная энциклопедия. Философия / гл. ред. А.А. Гриценов. Москва; Минск, 2001. С. 382.
3. Абушенко В.Л. Проблема идентичностей: специфика культурно-философского и культурно-социологического видения // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 128–146.
4. Люbbe Г. Историческая идентичность // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 108–109.
5. Плотников С.Н. Реабилитация историзма: Философские исследования Германа Любе // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 87–93.
6. Анкерсмит Ф. Нарративная логика: Семантический анализ языка историков / пер. с англ.; под науч. ред. Л.Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
7. Мерトン Роберт К. К теории референтно-группового поведения / пер. с англ. В.Ф. Чесноковой // Референтная группа и социальная структура / под ред. С.А. Белановского. М., 1991. С. 3–105.
8. Флиер А.Я. Культурология для культурологов. М.: Академический проект, 2000. С. 201.
9. Орлова Э.А. Концепции идентификации/идентичности: антропологическая трактовка // Вопросы социальной теории. 2011. Т. 5. С. 170–192.
10. Пилипенко А.А. Идентичность: смыслогенетические основания // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 147–170.
11. Еришов А.П. Становление программирования в СССР : Начальное развитие / А.П. Еришов, М.Р. Шура-Бура. Новосибирск, 1976. 49 с. (Препр. / АН СССР. Сиб. отд-ние: ВЦ; № 12).
12. Крайнева И.А. Электронная историческая фактография: от создания архива к его научной интерпретации (на основе архива Ю.Б. Румера). Новосибирск : Препринт ИСИ СО РАН, № 177. 2015. 84 с.

Krayneva Irina A. VLSI CAD Laboratory, Institute of Informatics Systems, SB RAS, Novosibirsk, Russia. E-mail: cora@iis.nsk.su DOI 10.17223/22220836/18/17

A SCHOLAR'S PERSONAL ARCHIVE AS A HISTORICAL IDENTITY PHENOMENON

Key words: identity, participation, adaptation, personal archive, narrative agent.

Lately, the theory of modern culture has given much attention to the transformation of national, local and individual memory. In this connection, the issue of archives as cultural phenomena and memory storage, on the one hand, and means of memory regulation and legalization and of oblivion, on the other hand, is becoming topical. A greater control over archives contradicts the tasks of historical science, aiming to comprehend the past drawing on a wide range of sources. This paper deals with scholars' personal archives created in the last century. Its creators expected that these documents would be preserved and studied; moreover, they put their own meanings in them and attributed the implications we should read.

The paper considers the mechanism of making scholars' personal archives as a manifestation of historical identity. Creation of archives by scholars is qualified as a need for social, cultural and professional identification. It is attributed to the desire to emphasize individuality at the expense of expanding the identifying descriptions, which are materialized in a variety of evidence.

Since the historicity of agents can be translated by means of narratives, they are created by the individuals themselves or by their biographers on the basis of historical sources an archive comprises. The examination of using the archives revealed a way to historical studies and allowed the researchers to trace "replacing" an individual with the artifacts from his/her archive. At this stage, a narrative agent is constructed using the method of biographical research and reading the meanings the individual has put into his/her collection of artifacts, an archive.

The interior phenomenon of identity in its manifestations of existential and social-disciplinary nature – personal and professional – has been traced through the exterior phenomenon of scholars' personal archives. This will allow us to combine the studies into various problems of personal identity, including identifying an individual with a certain reference group, which shows in forming criterion behavior within the group. A factor of such criterion behavior is the creation of a personal archive – a body of artifacts associated with a specific professional activity. In addition, the activity-presentational approach takes you into a historical retrospective, replacing an individual connected reflexively with a certain reference group with the artifacts of its archive – an archive related to the real social and cultural practices not of the authentic but of a narrative agent whose construction is the purpose of the biographies.

References

1. Asman A. Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2014. 328 s.
2. Abushenko V.L. Identichnost' // Vsemirnaya entsiklopediya. Filosofiya / gl. red. A.A. Gritsanov. M.-Mn., 2001. S. 382.
3. Abushenko V.L. Problema identichnostey: spetsifika kul'tur-filosofskogo i kul'tur-sotsiologicheskogo videniya // Voprosy sotsial'noy teorii, 2010. T. 4. S. 128–146.
4. Lyubbe G. Istoricheskaya identichnost' // Voprosy filosofii. 1994. № 4. S. 108–109.
5. Plotnikov S.N. Reabilitatsiya istorizma. Filosofskiye issledovaniya Germana Lyubbe. Voprosy filosofii, 1994. № 4. S. 87–93.
6. Ankersmit F. Narrativnaya logika. Semanticheskiy analiz yazyka istorikov / per. s angl; pod nauch. red. L.B. Makeyevoy. M.: Ideya-Press, 2003. 360 s.
7. Merton Robert K. K teorii referentno-gruppovogo povedeniya / per. s angl. V.F. Chesnokovoy // Referentnaya gruppa i sotsial'naya struktura / pod red. S.A. Belanovskogo. M., 1991. S. 3–105.
8. Flyer A.YA. Kul'turologiya dlya kul'turologov. M.: Akademicheskiy proyekt, 2000. S. 201.
9. Orlova E.A. Kontseptsii identifikatsii/identichnosti: antropologicheskaya traktovka // Voprosy sotsial'noy teorii, 2011. T. 5. S. 170–192.
10. Pilipenko A.A. Identichnost': smyslogenicheskiye osnovaniya // Voprosy sotsial'noy teorii, 2010. T. 4. S. 147–170.
11. Yershov A.P. Stanovleniye programmirovaniya v SSSR : Nachal'noye razvitiye / A.P. Yershov, M.R. Shura-Bura. Novosibirsk, 1976. 49 s. (Prepr./ AN SSSR. Sib. otd-niye: VTS; № 12).
12. Krayneva I.A. Elektronnaya istoricheskaya faktografiya: ot sozdaniya arkhiva k yego nauchnoy interpretatsii (na osnove arkhiva YU.B. Rumera). Novosibirsk : Preprint ISI SO RAN, № 177. 2015. 84 s.

УДК: 004.5

DOI 10.17223/22220836/18/18

Н.И. Гендина, Н.И. Колкова

**КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ
В ЗЕРКАЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ САЙТОВ:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗРАБОТКЕ СРЕДСТВ
ОПТИМИЗАЦИИ КОНТЕНТА**

В статье приводятся результаты исследования отечественных и зарубежных сайтов коренных малочисленных народов. Характеризуются структура и возможности практического применения проблемного рубрикатора «Коренные малочисленные народы» как специального лингвистического средства, разработанного для устранения фрагментарности и неполноты контента сайтов коренных малочисленных народов на ретроспективном (историческом) и современном уровнях.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, этнографическая информация, интернет-ресурсы, контент сайта, лингвистические средства, проблемный рубрикатор «Коренные малочисленные народы».

Актуальность проблемы

Сохранение и поддержка коренных малочисленных народов является сегодня одной из актуальных проблем мирового масштаба. Важность ее решения подчеркивается многими международными документами таких всемирных организаций, как ЮНЕСКО. Полномочия по защите исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов коренных малочисленных народов РФ наряду с международными актами закреплены рядом официальных документов федерального и регионального уровней.

Взаимозависимость между прогрессивным устойчивым развитием цивилизации и сохранением культурного наследия коренных малочисленных народов мира приобретает особую значимость на фоне создания открытого для всех информационного общества и обществ знаний. Стремительное развитие Интернета и интернет-ресурсов (сайтов, порталов), обладающих огромным потенциалом в обеспечении оперативного доступа к информации для самых широких кругов пользователей, открыло новые возможности для практического решения проблем коренных малочисленных народов. Необходимость разрабатывать и осуществлять политику, направленную на то, чтобы все культуры могли быть объектом самовыражения и распространения, в том числе посредством создания цифрового контента, провозглашается Всеобщей декларацией ЮНЕСКО о культурном разнообразии [1. С. 479]. При этом в качестве одного из важнейших аспектов, которые необходимо учитывать для того, чтобы как можно больше людей извлекли пользу из потенциала всеобщего онлайнового доступа к цифровому контенту, в международных документах называется разработка содержания информации, являющейся общественным достоянием [2. С. 510]. Тем самым подчеркивается важ-

ность не только доступа к информации, но и обеспечения ее актуальности и полезности.

**Характеристика научных исследований и разработок
Научно-исследовательского института информационных технологий
социальной сферы Кемеровского государственного университета
культуры и искусств (НИИ ИТ СС КемГУКИ),
лежащих в основе данного исследования**

Проведение научных исследований и разработок в сфере интернет-ресурсов, в частности в сфере сайтостроения, составляет одну из сторон деятельности НИИ ИТ СС, созданного в 2000 г. в структуре КемГУКИ в рамках Программы ЮНЕСКО «Информация для всех». Результаты многолетней научно-исследовательской и проектной работы в этом направлении получили освещение в сборнике научных трудов «Создание официальных сайтов учреждений культуры и образования: теория и практика» [3].

Одним из наиболее значимых объектов этих исследований явились сайты коренных малочисленных народов. Для получения данных, отражающих «лицо» коренного малочисленного народа в зеркале Интернета, сотрудниками НИИ ИТ СС в 2005–2015 гг. проведен ряд пилотажных исследований, направленных на анализ контента сайтов, содержащих сведения о коренных малочисленных народах Севера, Сибири, Дальнего Востока РФ и, в частности, Кузбасса [3. С. 89–99; 4]. Основной задачей этих исследований стало выявление степени полноты представления информации о коренных малочисленных народах на российских сайтах различных типов. В целом проведенные исследования позволили сделать следующие выводы:

- Информация о коренных малочисленных народах рассредоточена на большом количестве сайтов, принадлежащих разным владельцам: органам государственной власти; учреждениям культуры, образования, науки; общественным организациям коренных малочисленных народов.
  - Наиболее часто эта информация представлена на сайтах органов власти, музеев, библиотек, общественных организаций. При этом лидирующая категория владельцев сайтов – «Общественные организации» – характеризуется широким спектром состава. Среди них межрегиональные и региональные ассоциации коренных малочисленных народов, центры общественных инициатив, центры содействия коренным малочисленным народам, центры национальной культуры, фонды исторического наследия и др.
  - Имеющиеся интернет-ресурсы, как правило, не связаны между собой системой взаимных ссылок.
  - Контенту всех сайтов в данной предметной области присущи неполнота и разнородность сведений об однотипных объектах, порождающие их неподобающую и не дающие целостного представления об этносе и его культурном наследии. При этом степень полноты сведений о конкретном коренном малочисленном народе существенно отличается не только на уровне групп сайтов различных владельцев, но и в пределах сайтов одной группы.
- Причиной этого, на наш взгляд, является господство эмпирического подхода к разработке сайтов. Это положение, очевидно, будет сохраняться до тех пор, пока каждый разработчик сайта не будет располагать надежным инструментом для создания сайтов, соответствующих общепринятым стандартам.

ментом, позволяющим принимать всесторонне обоснованные проектные решения при разработке его контента. Таким инструментом, с нашей точки зрения, может стать проблемный рубрикатор предметной области «Коренные малочисленные народы», обеспечивающий раскрытие ее содержания с позиций системного подхода. Для разработки такого инструмента было предпринято более развернутое и углубленное исследование, ориентированное на изучение как отечественных, так и зарубежных сайтов коренных малочисленных народов. Тем самым обеспечивалось получение результатов, отражающих мировой опыт в данной предметной области.

Содержание и результаты исследования

Основными этапами исследования явились:

1. Разработка программы исследования.
2. Выявление и формирование выборочной совокупности российских и зарубежных интернет-ресурсов (сайтов и порталов), составивших базу исследования.
3. Выделение в составе интернет-ресурсов, составивших базу исследования, рубрик и подрубрик, структурирующих контент сайтов и порталов.
4. Многоаспектный анализ массива выявленных рубрик и подрубрик.
5. Обобщение результатов анализа контента сайтов и порталов, построение выводов, выработка рекомендаций.

Базу исследования составили 60 сайтов и порталов коренных малочисленных народов, в том числе 30 отечественных и 30 зарубежных интернет-ресурсов. В составе 30 обследованных зарубежных сайтов были представлены сайты США, Канады, Австралии. На уровне каждой страны отбор сайтов осуществлялся с позиций случайной выборки. Объектами исследования в разрезе американских и канадских сайтов стали сайты различных племен индейцев, проживающих на территории США и Канады. Особая ситуация имела место при отборе сайтов в Австралии. Как оказалось, племена австралийских аборигенов не располагают собственными сайтами. В случайную выборку при этом вошли сайты органов управления, общественных организаций, средств массовой информации, обеспечивающие презентацию жизни и деятельности коренных малочисленных народов Австралии. В количественном измерении применительно к зарубежным сайтам США, Канады, Австралии обеспечивалась пропорция 10:10:10.

Основной формой самоорганизации лиц, относящихся к коренным малочисленным народам РФ, является община коренных малочисленных народов. Исследование показало, что общины коренных малочисленных народов РФ не имеют собственных сайтов. Поэтому анализу подлежали сайты и порталы, владельцами которых являются межрегиональные и региональные ассоциации и объединения коренных малочисленных народов, проживающих на территории России. Именно они призваны представлять и защищать их интересы на федеральном и региональном (республиканском) уровнях, в международных общественных организациях и т.д.

Сопоставительный анализ состава тематических рубрик обследованных сайтов и порталов показал, что контент зарубежных и отечественных интер-

нет-ресурсов, обеспечивающих репрезентацию коренных малочисленных народов, имеет существенные различия.

Так, на отечественных сайтах и порталах преимущественно размещены материалы, дающие историко-демографическую и социокультурную характеристику этноса; отражающие структуру и направления деятельности ассоциаций коренных малочисленных народов; освещдающие различные события в сфере культуры (национальные праздники, фестивали, выставки, конкурсы, смотры, концерты и т.д.).

Иная ситуация характерна для зарубежных сайтов коренных малочисленных народов. В составе их контента преобладают материалы, связанные с решением вопросов государственного управления, правосудия, труда и занятости населения, здравоохранения, образования, хозяйственной деятельности, природных ресурсов и охраны окружающей среды. Зарубежные сайты не просто информируют своих пользователей, они позволяют человеку действовать, активно включаться в коммуникацию для решения своих конкретных проблем, дают возможность прямого обращения к нужным органам управления, правосудия, образования и др. Так, например, с помощью сайта человек может узнать: как подготовить заявление ответчика, как получить финансовую помощь на образование, как заполнить анкету для ищущих работу, как стать участником конкретного общественного мероприятия, как оформить пожертвование, стать волонтером, а также получить консультацию по широкому кругу вопросов: от устройства системы уголовного правосудия до выполнения домашнего задания и т.д.

Особо обращает на себя внимание прагматическая направленность контента зарубежных сайтов, учитывающая потребности различных категорий этноса. Это подтверждается наличием на зарубежных сайтах рубрик и подрубрик, адресованных конкретным категориям лиц:

– пожилым людям («Истории старейшин», «Мудрость старцев», «Старейшины», «Старцы», «Стратегический план по решению проблем жестокого обращения с пожилыми людьми», «Услуги старшим» и др.);

– женщинам («Ассоциация женщин коренных народов», «Женские представители племени», «Женщины-абorigены», «Женщины и насилие», «Офис для женщин», «Путь к хорошей жизни для женщин из числа коренного населения» и др.);

– молодежи («Вовлечение молодежи в язык и культуру», «Декларация детей и молодежи», «Молодежная сеть аборигенов», «Молодежные программы», «Молодежные программы и услуги», «Молодежный комитет», «Молодежный совет», «Насилие в отношении молодежи», «Помощь молодежи из числа аборигенов в системе уголовного правосудия», «Построение партнерских отношений с другими людьми», «Работа комитета с молодежью», «Чтобы помочь молодежи почувствовать гордость» и др.);

– родителям и опекунам («Алименты на ребенка», «Вовлечение детей в деятельность аборигенов», «Воспитатели детей», «Дети и образование», «Домашний уход», «Здоровые дети», «Опека», «Опекунство», «Социальное обеспечение детей» и др.).

В значительно большей степени на зарубежных сайтах коренных малочисленных народов уделяется внимание управлению в сфере трудоустройства и занятот-

сти населения через размещение информации, демонстрирующей возможности трудоустройства, планирования карьеры, поддержки работника сообществом.

Разница в подходах к структурированию отечественных и зарубежных сайтов прослеживается и в тех случаях, когда в составе их контента представлены одинаковые рубрики. Примером может служить рубрика «Здравоохранение». Так, в составе рубрики «Здравоохранение» на зарубежных сайтах, в отличие от отечественных, приводятся сведения не о деятельности медицинских учреждений в целом, а конкретно об оказываемой аборигенам лечебно-профилактической и консультационной помощи. Эти сведения можно найти в таких подрубриках, как «Оздоровительные мероприятия», «Питание беременных», «Программа «сахарный диабет», «Профилактика табакокурения», «Стоматологическая помощь», «Фитотерапия», «Медицинские услуги», «Страховой полис здоровья», «Консультации» и т.д.

И отечественные, и зарубежные сайты коренных малочисленных народов объединяет стремление к решению проблемы сохранения родного языка. Это подтверждает описание опыта проведения летних школ, языковых лагерей, элективных курсов и тренингов; создания разговорных клубов, разработки методик интенсивного обучения родному языку, подготовки преподавателей. Однако масштабы ее решения, судя по обследованным сайтам, различаются. Если для зарубежных сайтов вопросы обучения родному языку и погружения аборигенов в языковую среду поселения типичное явление, характеризующее большинство сайтов, то отечественным сайтам присуща эпизодичность представления опыта отдельных учреждений или лиц.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что основное различие контента отечественных и зарубежных сайтов коренных малочисленных народов может быть рассмотрено с помощью двух обобщающих концептов – «О нас» и «Для нас».

Под концептом «О нас» будем понимать совокупность сведений, дающих описательную характеристику этноса, не предполагающих дальнейших активных действий человека на основе этой информации. Как правило, этот концепт не предусматривает рассмотрение насущных проблем жизни и деятельности коренных малочисленных народов и привлечение к их решению широкой общественности. Такой «статический» способ представления информации характерен для отечественных сайтов.

Концепт «Для нас» – это совокупность сведений, дающих ситуативную характеристику этноса и предполагающих активизацию действий людей на основе полученной информации в целях решения своих жизненно важных проблем. Этот концепт основан на учете потребностей самых разнообразных категорий пользователей. Такой «динамический» способ представления информации характерен для зарубежных сайтов.

Негативным аспектом характеристики и отечественных, и зарубежных сайтов является нарушение принципа целостности и системности представления информации о коренных малочисленных народах.

Сущность предлагаемого варианта оптимизации контента сайтов коренных малочисленных народов

С нашей точки зрения, каждый сайт или портал должен быть ориентирован на единство концептов «О нас» и «Для нас», обеспечивающее всемерное

достижение целей оптимизации их контента с позиций интересов коренных малочисленных народов. В этой связи имеет смысл говорить о разумном упорядочении и унификации модели контента сайта коренного малочисленного народа.

Средством достижения этого может стать разработка специального проблемного рубрикатора как типовой модели контента сайтов коренных малочисленных народов. Разработка такого рубрикатора строилась на основе анализа следующих лингвистических средств:

- схема этнографического описания Санкт-Петербургского государственного университета (<http://www.ethnos.nw.ru/lib/nations.html>);
- специальные типовые деления таблиц ББК;
- схема описания статьи «Народ» в Методических рекомендациях Открытой энциклопедии «Рубриканы»;
- Государственный Рубрикатор научно-технической информации (ГРНТИ);
- Классификатор правовых актов.

Проблемный рубрикатор «Коренные малочисленные народы» (1-й уровень)

Код рубрик 1-го уровня	Наименование рубрики	Кол-во рубрик 2-го уровня
01.00	Историко-демографическая и социокультурная характеристика народа	24
02.00	Народ как субъект конституционного права. Конституционное регулирование	14
03.00	Основы государственного управления	3
04.00	Гражданское право	4
05.00	Уголовное право. Исполнение наказаний	2
06.00	Правосудие. Безопасность и охрана правопорядка. Правоохранительные органы	2
07.00	Международные отношения. Международное право. Международная защита прав человека	3
08.00	Социальные группы. Социальные коллективы	6
09.00	Социальная деятельность. Социальные проблемы. Жилище	4
10.00	Население. Труд и занятость населения	8
11.00	Социальное обеспечение и социальное страхование	4
12.00	Здравоохранение	6
13.00	Финансы	3
14.00	Хозяйственная деятельность. Отрасли экономики	10
15.00	Международное сотрудничество (экономическое, научно-техническое, в социально-культурной сфере, в области охраны окружающей среды и др.)	5
16.00	Природные ресурсы и охрана окружающей природной среды	15
17.00	Информация и информатизация	5
18.00	Образование	9
19.00	Наука	2
20.00	Культура	19
21.00	Массовая коммуникация. Журналистика. Средства массовой информации, печать, телевидение, радио	3
22.00	Физическая культура и спорт	2
23.00	Туризм	2

Отбор именно этих лингвистических средств обусловлен наличием в них лексических единиц, отражающих проблематику предметной области «коренные малочисленные народы». Наряду с анализом лингвистических

средств структурирования этнографической информации велся анализ самой этой предметной области (нормативно-правовых, справочных и научных документов) с целью выявления актуальных проблем, стоящих перед коренными малочисленными народами не только на уровне сегодняшнего дня, но и в перспективе. Такой подход призван обеспечить увеличение жизненного цикла создаваемого проблемного рубрикатора.

В результате был сформирован двухуровневый проблемный рубрикатор «Коренные малочисленные народы». Состав его рубрик на первом уровне иерархии с указанием количества рубрик второго уровня представлен в таблице.

Выводы и рекомендации

Проведенное исследование подтвердило значимость интернет-ресурсов (сайтов, порталов) коренных малочисленных народов как важнейшего средства практического решения проблем сохранения и трансляции их культурного наследия, а также общения людей в век Интернета. Сопоставительный анализ контента отечественных и зарубежных сайтов и порталов коренных малочисленных народов выявил существенные различия в подходах к их построению. В отличие от российских сайтов и порталов коренных малочисленных народов аналогичные интернет-ресурсы США, Канады и Австралии отличаются большей прикладной направленностью, ориентацией на решение конкретных, жизненно важных для представителей коренных малочисленных народов проблем: трудоустройство, обучение, социальная защита, правовая защита и т.д. Зарубежные сайты племен коренных малочисленных народов отличаются технологичностью, действенностью: с их помощью человек может не просто получить информацию о чем-либо, но, что самое главное, решить важные для него вопросы: куда и как обратиться для решения конкретной проблемы. Все это позволяет утверждать доминирование в составе контента зарубежных сайтов концепта «Для нас». Отечественные сайты коренных малочисленных народов более «академичны» и статичны, они, как правило, не предназначены для решения реальных жизненных проблем. В составе контента отечественных сайтов преобладает концепт «О нас». Их основная функция – информационная (служить средством информирования). Общим недостатком и отечественных, и зарубежных сайтов коренных малочисленных народов является отсутствие в их контенте систематизированного и целостного представления о жизни и деятельности этноса как в историческом, так и в современном ракурсе, формируемого за счет сочетания концептов «О нас» и «Для нас».

Лингвистическим средством, обеспечивающим преодоление этого недостатка, может служить разработанный нами проблемный рубрикатор «Коренные малочисленные народы», представляющий собой двухуровневую иерархическую классификацию. Проблемный рубрикатор предназначен для решения следующих задач:

- обеспечение системного представления этнографической информации в составе контента сайта коренного малочисленного народа за счет осмыслинного, аргументированного принятия проектных решений по структурированию контента конкретного сайта (определение состава рубрик, отражающих контент сайта; распределение рубрик по уровням вложения; установление их взаимосвязей) с позиций двух концептов «О нас и «Для нас»;

• уменьшение интеллектуальных, временных и стоимостных затрат на разработку сайта коренного малочисленного народа, а также снижение субъективизма его заказчиков и разработчиков за счет формализации процедуры принятия проектных решений по определению семантических границ контента сайта;

• реализация принципов дифференциации и избирательности полноты отражения сведений, относящихся к концептам «О нас» и «Для нас» в зависимости от назначения и целей сайта. Например, этнографический музей для структурирования контента, характеризующего конкретный этнос, в соответствии с концептом «О нас» может ориентироваться на широкий набор подрубрик второго уровня рубрики «Историко-демографическая и социокультурная характеристика народа». Это позволит обеспечить системную и детальную презентацию народа в музейных экспозициях, отражающих этногенез народа, его историю, этнические и этнокультурные связи, традиционное социальное устройство, традиционные занятия, религию и верования, культуру и т.д. В отличие от этнографического музея сайт общины (племени) может быть ориентирован на селективную трансляцию концепта «О нас» в рамках рубрики «Историко-демографическая и социокультурная характеристика народа», но при этом должен широко и системно отражать содержание концепта «Для нас» за счет самых различных рубрик проблемного рубрикатора. Для этого, в частности, могут быть использованы такие рубрики второго уровня проблемного рубрикатора, как «Органы местного самоуправления», «Право государственной собственности. Государственная собственность на землю и иные природные ресурсы», «Трудоустройство и занятость населения», «Особо охраняемые историко-культурные территории» и др.;

• выявление пробелов в составе контента любого сайта данной предметной области и принятие обоснованных решений по его оптимизации. Тем самым может решаться проблема устранения неполноты и фрагментарности контента существующих интернет-ресурсов, принадлежащих разным владельцам: органам государственной власти, учреждениям культуры, образования, науки, общественным организациям коренных малочисленных народов;

• оптимизация управлеченческой деятельности региональных органов власти в сфере упорядочения и совершенствования интернет-ресурсов, отражающих интересы коренных малочисленных народов, в масштабе региона;

• совершенствование управлеченческой деятельности в реализации госполитики и нормативно-правового регулирования в сфере защиты прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов РФ на уровне Федерального агентства по делам национальностей.

Универсальность структуры разработанного проблемного рубрикатора делает возможным его применение и при рассмотрении вопросов совершенствования зарубежных сайтов коренных народов. В свою очередь, полученные материалы, обеспечивая возможность формирования аргументированных ответов на принципиальные вопросы развития сайтостроения в предметной области «коренные малочисленные народы» и принятия обоснованных проектных решений при разработке и модернизации контента сайтов и порта-

лов, безусловно, имеют важное значение с позиций подготовки и повышения квалификации информационных кадров.

Литература

1. *Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии* [Принята 31-й сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО] // Формирование информационного общества в XXI веке / Российский комитет Программы ЮНЕСКО «Информация для всех»; сост. Е.И. Кузьмин, В.В. Фирсов. СПб., 2006. С. 477–484.

2. *Рекомендация «О развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству»*: [Приняты на 32-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО] // Формирование информационного общества в XXI веке / Российский комитет Программы ЮНЕСКО «Информация для всех»; сост. Е.И. Кузьмин, В.В. Фирсов. СПб., 2006. С. 506–513.

3. *Создание официальных сайтов учреждений культуры и образования : теория и практика*: сб. науч. тр. / науч. ред. Н.И. Гендина, Н.И. Колкова. СПб.: Профессия, 2015. 384 с.

4. *Сайты библиотек и музеев : проблема системной презентации культурного наследия коренных малочисленных народов Кузбасса // Информационные ресурсы – футурологический аспект: планы, прогнозы, перспективы* [Электронный ресурс] : Сб. материалов ежегодной Всерос. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 30–31 октября 2014 г. / СПБ ГБУК «ЦГПБ им. В.В. Маяковского». URL: http://pl.spb.ru/conf/elres_all/ (дата обращения: 09.06.2015).

Gendina Natalia I., Kolkova Nadezda I. Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: nii@kemguki.ru; kolkovani@mail.ru. DOI 10.17223/22220836/18/18

INDIGENOUS PEOPLES IN THE MIRROR OF DOMESTIC AND FOREIGN SITES: CONCEPTUAL APPROACHES TO DEVELOPMENT OF TOOLS OPTIMIZING THE CONTENT

Key words: indigenous peoples, ethnographic information, online resources, the site content, linguistic tools, problem categories' classification «Indigenous peoples».

The results of the comparative analysis of domestic and foreign sites of indigenous peoples are provided. The research was conducted at the Institute of Information Technologies in Social Sphere of Kemerovo State University of Culture and Arts. We analyzed 60 sites and portals of Indigenous Peoples, including 30 domestic and 30 out of the country. As a part of the 30 foreign sites, we analyzed the sites of the United States, Canada, and Australia. The structure includes 30 domestic sites of the Internet resources owned by interregional and regional associations and indigenous peoples' communities living in Russia.

The research compared subjected to thematic classifications, which help structuring the sites' content. It revealed the substantial differences between the content of foreign and domestic sites and portals dedicated to indigenous peoples.

The research found that the main difference content of domestic and foreign sites can be displayed using two generalizing concepts: "About Us" and "For Us." The concept "About Us" means the totality of information, providing the narrative description of an ethnic group (people's history, spiritual culture and traditional beliefs, traditional occupations, traditional settlements and dwellings, customs and rituals, folk art, etc.). The concept "About Us" does not imply further action of a person based on this information. As a rule, this concept does not include a consideration of the vital problems of life and activity of indigenous peoples and involvement in their solution of the general public. Such a "static" way of presenting the information is typical for domestic sites.

The concept "For Us" is a collection of information, providing the situational characteristic of an ethnos and its modern life reflection. It involves a variety of people's actions based on the information to solve their urgent problems. E.g., a possibility of using the site to consult on employment in finding a job, enroll in courses of the native language, etc. This concept is based on meeting the needs of a wide variety of categories of users of the site: senior citizens, children, youth, mothers, etc. Such "dynamic" way of presenting the information is typical for foreign sites.

The disadvantages of both, domestic and foreign sites, is the lack of a harmonious combination of concepts "About Us" and "For Us." The negative consequence of this is the lack of complete and integral characteristics of indigenous people, retrospective (through history), and at the present level as a system on the sites.

We offer a special linguistic tool designed to eliminate fragmentation and incompleteness of a content of indigenous peoples' sites. This problem categories' classification allows clearly structured ethnographic information as a part of Internet resources. It is intended to provide a system to provide information to overcome subjectivism in developing the content of indigenous peoples' sites. Problem categories' classification also allows you to identify gaps in the composition of indigenous peoples sites' content, to make informed decisions for their optimization. Its main objective is improving the quality and reliability of sites' content. It aims to eliminate the incompleteness and fragmentation of information contained in Internet resources of different owners: the state authorities, museums, libraries, universities, communities, tribes, associations of indigenous peoples and others. The problem categories' classification may be useful for federal and regional authorities, who are engaged in management activities and streamline the development of Internet resources, reflecting the interests of indigenous peoples.

The results can be used both: to make informed design decisions in the development of sites and portals' content, as well as for training and professional development of information personnel.

References

1. Vseobshchaya deklaratsiya YUNESKO o kul'turnom raznoobrazii [Prinyata 31-y sessiyey General'noy konferentsii YUNESKO] // Formirovaniye informatsionnogo obshchestva v KHKHI veke/Rossiyskiy komitet Programmy YUNESKO «Informatsiya dlya vsekh»; sost. Ye.I. Kuz'min, V.V. Firsov. SPb., 2006. S. 477–484.
2. Rekomendatsiya «O razvitiyu i ispol'zovanii mnogoyazychiya i vseobshchem dostupe k kiberostranstvu» [Tekst]; [Prinyaty na 32-y sessii General'noy konferentsii YUNESKO] // Formirovaniye informatsionnogo obshchestva v KHKHI veke / Rossiyskiy komitet Programmy YUNESKO «Informatsiya dlya vsekh»; sost. Ye.I. Kuz'min, V.V. Firsov. SPb., 2006. S. 506–513.
3. Sozdaniye ofitsial'nykh saytov uchrezhdeniy kul'tury i obrazovaniya : teoriya i praktika : sb. nauch. tr. / nauch. red. N. I. Gendina, N.I. Kolkova. SPb.: Professiya, 2015. 384 s.
4. Sayty bibliotek i muzeyev : problema sistemnoy reprezentatsii kul'turnogo naslediya korennykh malochislennykh narodov Kuzbassa // Informatsionnyye resursy – futurologicheskiy aspekt: plany, prognozy, perspektivy [Elektronnyy resurs] : Sb. materialov yezhegodnoy Vseros. nauch.-prakt. konf., Sankt-Peterburg, 30–31 oktyabrya 2014 g. / SPB GBUK «TSGPB im. V.V. Mayakovskogo». URL: http://pl.spb.ru/conf/elres_all/ (data obrashcheniya: 09.06.2015).

УДК 069.01
DOI 10.17223/22220836/18/19

С.А. Кретова

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ТЕМАТИКИ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ
ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО МУЗЕЙНОМУ ДЕЛУ
(1990–2013 гг.)**

В статье представлен анализ тематики 354 диссертаций по различным вопросам музейного дела, осуществленный с помощью библиометрического метода исследования. Проведена систематизация музееведческих диссертационных работ по тематической направленности. Диссертации редко используются в качестве источников научного анализа, но при этом именно они демонстрируют активность ученых в изучении определенных проблем, определяют направление развития теории и практики.

Ключевые слова: диссертация, музейное дело, тематика диссертационных исследований, библиометрия.

Одним из масштабных результатов изучения вопросов, связанных с историей и современным состоянием культурного наследия в общем и музеев в частности, являются диссертационные исследования. Однако диссертации редко используются в качестве источников научного анализа, в то время как диссертационные работы показывают активность ученых в изучении определенных проблем, определяют направление развития теории и практики.

По музеведению на сегодня выявлено всего две работы, в которых проанализированы диссертации по музейному делу с помощью количественных методов. Это работы К.Е. Рыбака [1] и И.А. Сизовой [2]. В них авторами проведен количественный анализ диссертаций в разные годы, изучены специальности, места и центры защиты, гендер, соискание ученых степеней, тематика диссертаций по музейному делу. Такое небольшое количество исследований говорит о малой степени изученности и крайней необходимости в разработке и изучении данной проблемы.

Изучение диссертационных работ по музейному делу с помощью количественных методов исследования, в частности библиометрического метода, позволяет выявить динамику внешних и внутренних характеристик, проследить тенденции защиты диссертаций в России по музейной тематике. Но наиболее важным, по мнению автора, стал анализ тематики музееведческих диссертаций 1990–2013 гг., который освещает актуальные темы музееведческих исследований в научных работах российских ученых.

Для анализа в электронной библиотеке диссертаций Российской государственной библиотеки (РГБ) [3] были отобраны 354 диссертации по музейному делу за изучаемый период (1990–2013 гг.). Нижняя временная граница обусловлена становлением нового этапа развития музеведения в России. Верхняя дата продиктована тем, что источниковая база (диссертационный отдел Российской государственной библиотеки) наиболее полно заполнена только до 2013 г. Отбор диссертаций и авторефераторов проходил с помощью

поиска ключевых слов и их модификаций в электронном каталоге: «музей», «музейный», «музеология», «музеификация» и т.п.

Отобранные диссертационные исследования изучались при помощи библиометрии. Библиометрия представляет собой научное направление, основанное на методах количественного анализа библиографических характеристик документов, дающих основу для их качественной оценки, с целью получения данных об эффективности научных областей и прогнозировании их развития.

Изначально хотелось бы отметить, что деление по тематическим разделам диссертационных исследований является достаточно условным, так как довольно часто темы диссертаций можно отнести к нескольким категориям, поскольку в диссертации на защиту может выдвигаться как одно, так и несколько положений, не говоря уже о защите докторских диссертаций, для которых характерен более широкий подход в изучении той или иной темы.

Разнообразие специальностей, которые затрагивают вопросы музейного дела в диссертационных исследованиях, приятно удивляет: начиная от гуманитарных наук, заканчивая естественными и техническими науками. Из этого следует, что проблематика диссертационных исследований по музеиному делу является междисциплинарной, или интердисциплинарной. О интердисциплинарности неоднократно упоминали в своих трудах ведущие российские ученые-музеологи, такие как А.М. Разгон [4], Э.А. Шулепова [5].

Кроме этого, музей как социальный институт является объектом изучения различных специалистов, что говорит о комплексности работ, выполненных в рамках музееведческой тематики.

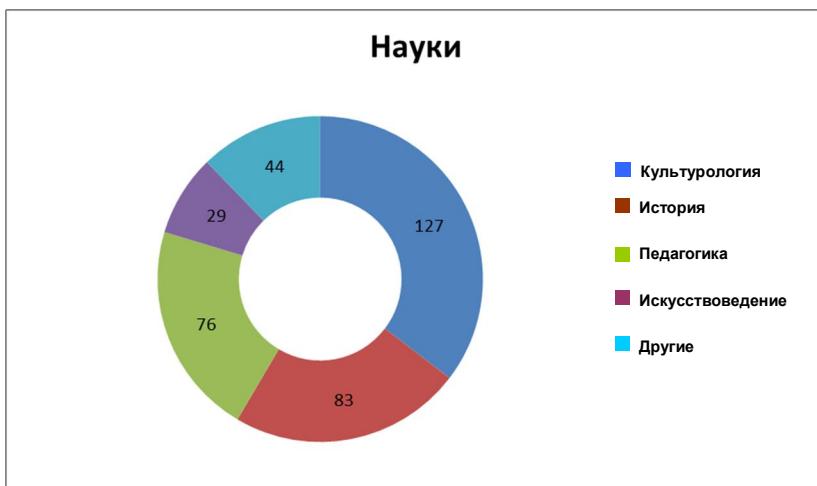

Рис. 1. Защита диссертаций по отраслям наук

Самое большое количество диссертаций было защищено по культурологии 24.00.00 – 127 работы (36 % от общего числа диссертаций). Значительно меньше защит диссертаций прошло по историческим наукам 07.00.00 – 83 работы (23 %). 76 диссертаций (21 %), было защищено по педагогическим наукам 13.00.00. По искусствоведению 17.00.00 защищено 29 работ (8 %) (рис. 1).

Примерно 10–12 % (с учетом погрешности, так как у некоторых работ стоит защита по двум специальностям сразу, например диссертация В.Я. Герасименко на соискание ученой степени доктора геолого-минералогических наук: 25.00.01, 25.00.05 [6]) приходится на защиту диссертаций по другим наукам. В этот процент вошли работы по следующим наукам: архитектура – 18.00.00; биология – 03.00.00; география – 11.00.00; медицина – 14.00.00; науки о земле (география, геология, минералогия) – 25.00.00; психология – 19.00.00; социология – 22.00. 00; философия – 09.00.00; экономика – 08.00.00; юриспруденция – 12.00.00; технические – 05.00.00 и сельскохозяйственные науки – 06.00.00.

Актуальными становятся, в связи с изменением государственной политики страны в начале 1990-х гг., в первую очередь исследования управленческого и экономического характера, взаимосвязанные с кардинально новыми условиями функционирования общества, а также работы, связанные с культурной и музейной политикой государства. По этой тематике насчитывается 18 диссертаций. К примеру, диссертации по управлению и адаптации музеев к новым экономическим и социальным условиям музеев в конце XX – начале XXI в. были написаны А.В. Калякиной [7], С.А. Копацкой [8], В.В. Титовой [9] и др.

Особое внимание в работах уделялось истории, становлению и развитию музейной сети России, ее отдельных регионов – 28 работ. Таким образом, было изучено музейное дело в Курской, Иркутской, Тамбовской, Тверской, Томской областях; в Воронежском, Костромском, Краснодарском, Красноярском, Оренбургском, Приморском краях; республиках Алтай, Бурятия, Хакасия, Северного Кавказа (Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Чечня и Ингушетия); в губерниях Самарской, Ставропольской, Тобольской, Томской и губерниях Верхнего Поволжья; в отдельных городах – Суздале, Нижнем Новгороде; в регионах: Восточное Забайкалье, Дальний Восток, Среднее и Верхнее Поволжье, Волго-Вятский, Чукотка; в Агинском и Усть-Ордынском бурятских национальных округах и Ханты-Мансийской автономном округе. Это работы С.А. Иванушкиной [10], Н.А. Уткиной [11], И.А. Сизовой [12] и др.

Исследования этого направления характеризуются территориальной ограниченностью и определенными хронологическими рамками. Также прослеживается устойчивое использование словоформ авторами, например, «история», «история создания/становления/формирования и развития», «развитие». Стоит отметить, что авторы нескольких работ делают акцент на изучении истории определенной группы музеев в каком-либо регионе. Например, работы С.М. Кричмарь [13] и Л.К. Александровой [14].

Дополнительно можно выделить категорию тем, связанных с профилем музеев, – около 40 работ. Классификация по профилю отражает связь музеев с определенной отраслью научного знания, производственной деятельности, видом искусства. Профиль музея определяет состав коллекций, тематику экспозиций, содержание научных исследований и оказывает влияние на все направления музейной деятельности. Все музеи разделяются на профильные группы, внутри которых можно выделить более узкую специализацию – вплоть до музеев одного объекта [15]. Были исследованы музеи следующих профилей:

- ансамблевые музеи (музеи-монастыри, музеи-усадьбы);
- виртуальные музеи;

- военные музеи (Военно-морского флота России, музеи войсковых частей);
  - естественно-научные музеи (морские);
  - искусствоведческие музеи (циркового искусства);
  - исторические музеи (политической истории, этнографические, историко-мемориальные);
    - комплексные музеи (историко-краеведческие, краеведческие);
    - литературные музеи (пушкинские);
    - медицинские музеи;
    - педагогические музеи;
    - по масштабу деятельности музеев (региональные, провинциальные);
    - по принадлежности (собственнику) музеев (ведомственные, общественные, музеи Российской академии наук, частные);
      - по роду деятельности и адресату (детские);
      - технические музеи;
      - художественные музеи (изобразительного-искусства, современного искусства).

Отсюда следует, что в работах проанализировано большинство групп и профилей музеев, которые существуют в настоящее время. Исследуются данные категории весьма разнообразно: от истории создания и развития музеев до их места и роли в культурной жизни общества. Как и в предыдущей тематической группе, встречается установление хронологических рамок и территориальных границ, например в работе Е.Г. Морозовой [16]. Встречаются работы, в которых исследователи проводят изучение определенной группы музеев на базе одного музея такой же профильной группы, например в диссертации В.Л. Мельникова [17].

Следующие диссертации можно отнести к категории «история одного музейного учреждения» (18 работ), в них описывается один музей и его история. Но в некоторых работах рассматривается влияние определенного музея на культурную жизнь общества. Диссертации по истории музеев были защищены, в частности, Р.В. Альмеевым [18], С.Е. Григорьевой [19], С.Ю. Жук [20] и др.

Безусловно, наибольшее число научных работ посвящено различным видам музейной деятельности. К основным ее направлениям относится фондовая, экспозиционная, культурно-образовательная и научно-исследовательская деятельность.

Тематика научно-исследовательского характера диссертационных работ представлена в основном изучением коллекций музеев, в общей сложности это 47 диссертаций, связанных с изучением музейных коллекций и отдельно коллекционированием. Коллекции музеев рассматриваются со всех сторон: история формирования, методы комплектования, коллекция как источник истории, осуществляется их интерпретация, анализ, выделяются стилистические особенности и т.д. Стоит отметить, что коллекции изучаются самые разные: фотография, живопись, предметы материальной культуры, книги и многое другое. Например, диссертации Е.В. Мининой [21], А.В. Смеляковой [22]. Немного отдельно, но все же близко к этой группе находятся иссле-

дования по коллекционированию и собирательству. Сюда же можно отнести работы по истории отдельных музеев, но их выделили в отдельную группу.

Безосновательно намного меньше исследователей сосредоточили свое внимание на экспозиционной деятельности музея (около 17 диссертаций), хотя экспозиционная работа – это одно из приоритетных направлений музейной деятельности, являющееся основой музейной коммуникации и базой для реализации культурно-образовательной деятельности музея. В небольшом количестве работ нашли отражение такие понятия экспозиционного дела, как выставка, методы построения экспозиций, художественное проектирование. Были рассмотрены эволюция музейной экспозиции, основные тенденции современной выставочной деятельности художественного музея и др. Диссертационные исследования по экспозиционному делу представлены Т.П. Калугиной [23], Е.В. Щербиной [24], А.С. Панченко [25] и др.

Значительное количество работ написано в рамках культурно-образовательного направления. Без сомнения, культурно-образовательная деятельность – это одно из ведущих направлений работы музея, важное звено музейной коммуникации. Теоретической основой для нее служит музейная педагогика, поэтому сюда были также отнесены работы по музейной педагогике. По этой тематике защищено порядка 80 работ такими авторами, как О.С. Батулина [26], Е.Е. Леонов [27], О.В. Субботина [28] и др.

В тематике работ рассматриваются непосредственно сама культурно-образовательная деятельность в разных видах музеев (школьные, провинциальные), ее формы (экскурсия, игра), влияние культурно-образовательной практики на разную музейную аудиторию (дети, школьники, студенты, семьи, взрослые). Большое внимание уделяется формированию и воспитанию нравственных качеств (гражданственности, патриотизма, отношения к культурно-историческому прошлому и искусству и т.д.), особенно подрастающего поколения, средствами музея. О важности музееоведческих исследований в области воспитания говорит российский ученый, музеолог Н.А. Томилов. Он считает, что именно в сфере воспитательной деятельности музейная работа наиболее обширна и плодотворна. Поэтому музееоведческие исследования здесь имеют явное общественное значение [29]. Несколько работ посвящены психолого-педагогическим проблемам, например восприятию экспозиций. Также есть работы, исследующие социально-культурные функции музея.

Важно отметить, что большое внимание в диссертациях этой тематики уделяется работе с посетителями музея, с которыми должен быть наложен тесный контакт. Именно в культурно-образовательной деятельности происходит коммуникация музейной аудитории с музейным экспонатом, и с помощью нее осуществляется одна из главных функций музея как социального института – образовательная.

С наступлением 2000-х гг. стало формироваться новое направление в проблематике музейных диссертаций, которое занимается поиском места и роли музея в современном мире. Эти работы описывают современные тенденции развития музейного мира, статус музея в современной культуре, социокультурном и коммуникационном пространстве, всего 18 диссертаций: О.С. Сапанжа [30], Л.С. Именнова [31], Ю.В. Иванова [32] и др. На наш взгляд, это направление будет активно развиваться в связи с постоян-

но меняющимся современным миром, обществом, в котором должно найтись место и музею, передающему культурные ценности от одного поколения к другому.

Диссертаций, авторы которых занимались проблемой музеефикации, немного – 10 работ. Музеефикация – это отдельное направление музейной деятельности, заключающееся в преобразовании историко-культурных или природных объектов в объекты музейного показа с целью максимального сохранения и выявления их историко-культурной, научной, художественной ценности. Этот термин, как правило, употребляется по отношению к недвижимым объектам, средовым объектам и объектам нематериального наследия. В диссертационных работах рассматривается музеефикация памятников археологии, городской среды, дворцов, литературно-мемориальных усадебных и архитектурно-этнографических комплексов и др., например в диссертационных исследованиях М.В. Пономаревой [33] и Н. А. Никитиной [34].

Некоторые исследователи проявили внимание к понятию «музей» – 15 работ. В диссертациях понятие «музей» рассматривают с философской точки зрения. Под «музеем» понимают социальный институт, феномен культуры, транслятор наследия и т.д. Наиболее яркие работы по данной проблеме у Т.А. Алешиной [35], М.А. Лаптевой [36], О.В. Беззубовой [37].

Кроме того, можно выделить диссертационные исследования со следующей тематикой: роль музеев, взаимодействия музея с другими социальными институтами, например работы Г.Р. Назиповой [38] и Е.В. Серединой [39]; информационные технологии в музее, в частности исследование Е.Д. Еременко [40]; системы пожарно-охранной и информационной безопасности музея, возьмем научную работу С.В. Муслакова [41]; актуализация культурного наследия, к примеру работа Т.С. Курьяновой [42]; природоведческие исследования на базе музеев-заповедников, например диссертация М.В. Пеленевой [43], и т. д.

Подводя итог, отметим, что тематика отечественных музейных диссертационных исследований весьма богата и разнообразна. Больше всего внимания в диссертациях уделялось проблемам культурно-образовательной деятельности, взаимодействия с посетителями музея – около 80 работ, а также авторами активно ведутся научные исследования коллекций музеев (научно-исследовательская деятельность) – около 50 работ. И все же существуют проблемы, которым недостаточно уделено внимания исследователями, что, в свою очередь, дает простор для новых и актуальных музееведческих работ. В частности, по информационным технологиям в музее, которые активно развиваются и внедряются в музейное пространство; сохранению культурного и природного наследия, являющимся приоритетным направлением в государственной культурной политике; поиску места и роли музея в современном мире и обществе.

Литература

1. Рыбак К.Е. Воспроизведение культурных ценностей (проблемы теории и практики) // Вопросы музееведения (библиография диссертационных исследований): сб. ст. / Министерство культуры РФ. М., 2010. 93 с.

2. Сизова И.А. Музейное дело в отечественных диссертационных исследованиях (1990–2010 гг.) // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2011. № 3(15). С. 136–140.
3. Библиотека диссертаций [Электронный ресурс] / Электронная библиотека диссертаций, 2003–2014. URL: <http://diss.rsl.ru/> (дата обращения: 22. 01.2015).
4. Разгон А.М. Место музееведения в системе наук // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков : сб. документов и материалов. М., 2010. С. 843–851.
5. Музееведение в системе наук // Основы музееведения. М., 2005. С. 27–29.
6. Герасименко В.Я. Информационные модели в геологическом музее региональной направленности : дис. ... д-ра геол.-минерал. наук. М., 2003. 216 с.
7. Калякина А.В. Адаптация российских музеев к новым социально-экономическим условиям. 1990-е годы (на материалах группы ленинских музеев) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 203 с.
8. Копацкая С.А. Управление музеем в рамках стратегии создания музейных комплексов : дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 2000. 206 с.
9. Титова В.В. Деятельность краеведческих музеев в условиях реформирования российского государства на рубеже XX–XXI веков: (На материалах краеведческих музеев Центрального региона РФ) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 263 с.
10. Иванушкина С.А. Формирование музейной сети Самарской губернии в 1918–1928 годы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. 22 с.
11. Уткина Н.А. История музейного строительства в Нижнем Новгороде в 1860-х – 1917 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013. 23 с.
12. Сизова И.А. Музейная сеть Томской области : история формирования и функционирования : середина 1940-х – 2011 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2012. 22 с.
13. Кричмарь С.М. Создание и развитие историко-краеведческих музеев в национальных Республиках Северного Кавказа в XX веке: (На материалах Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечни и Ингушетии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : М., 1998. 20 с.
14. Александрова Л.К. Провинциальные музеи в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: (На материалах Верхнего Поволжья и Волго-Вятского региона России) : дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2003. 289 с.
15. Профильные группы музеев [Электронный ресурс] / Сектор Российской музейной энциклопедии, 2002. URL: http://www.museum.ru/rme/sci_profil.asp (дата обращения: 13.03.2015).
16. Морозова Е.Г. Ведомственные общественные музеи Западной Сибири во второй половине ХХ – начале ХХI вв. : Изменение статуса и функций (на материалах Омска и Новосибирска) : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2003. 345 с.
17. Мельников В.Л. Частные усадебные музеи в России во второй половине XIX – начале ХХ века (на примере усадебного музея князя П.А. Путятиной в Бологое) : дис. ... канд. культурологии. СПб., 2006. 275 с.
18. Альмеев Р.В. Бухарский музей-заповедник как фактор культурного и экономического развития региона: дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. 171 с.
19. Григорьева С.Е. История Томского областного краеведческого музея : 1920–2000-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2011. 27 с.
20. Жук С.Ю. Становление Дальневосточного художественного музея : 1901–1941 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2006. 321 с.
21. Минина Е.В. Музейные коллекции по горному делу в России как источник по истории науки и техники : дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 236 с.
22. Смелякова А.В. Казахские этнографические коллекции в музейных собраниях Западной Сибири : дис. ... канд. культурол. наук. Кемерово, 2009. 295 с.
23. Калугина Т.П. Историко-типологическое исследование экспозиции художественного музея : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. 21 с.
24. Щербина Е.В. Временные экспозиции музеев Московского Кремля XIX–XX веков : Проблематика и исторический анализ : дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 253 с.
25. Панченко А.С. Основные тенденции современной выставочной деятельности художественного музея (на материале музеев Санкт-Петербурга рубежа ХХ–ХХI вв.) : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2012. 21 с.
26. Батулина О.С. Культурно-образовательная деятельность провинциального музея в условиях изменения форм музейного пространства : автореф. дис. ... канд. культурологии. Иваново, 2013. 23 с.
27. Леонов Е.Е. Культурно-образовательная и коммуникативная деятельность школьных музеев Кемеровской и Новосибирской областей : 2000–2011 гг. : автореф. дис. ... канд. культурологии. Кемерово, 2012. 24 с.

28. Субботина О.В. Формирование культурного опыта студентов в музейной образовательной среде : дис. ... канд. пед. наук. Кострома, 2006. 190 с.
29. Музеология как отрасль знаний : избранные лекции для студентов высших учебных заведений / Н.А. Томилов ; отв. ред. В.Г. Рыженко. Омск : Изд. дом «Наука», 2012. С. 27.
30. Сапанжса О.С. Стратегии коммуникационных процессов современного музея : дис. ... канд. культурологии. СПб., 2005. 217 с.
31. Именнова Л.С. Музей в социокультурной системе общества : миссия, тенденции, перспективы : автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2011. 40 с.
32. Иванова Ю.В. Статус музея в современной культуре : дис. ... канд. культурологии. СПб., 2005. 177 с.
33. Пономарева М.В. Музеефикация городской среды: (На примере Санкт-Петербурга) : дис. .... канд. архитектуры. СПб., 1995. 232 с.
34. Никитина Н.А. Музеефикация литературно-мемориальных усадебных комплексов : автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2005. 20 с.
35. Алешина Т.А. Музей как феномен культуры : дис. ... канд. филос. наук. Новочеркасск, 1999. 142 с.
36. Лаптева М.А. Музей как социальный институт : социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2006. 149 с.
37. Беззубова О.В. Музей как инстанция художественного, научного и идеологического дискурсов : дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2003. 166 с.
38. Назипова Г.Р. Казанский университет и музей: проблема культурного взаимодействия : XIX – начало XX вв. : дис. ... д-ра ист. наук : Казань, 2009. 513 с.
39. Середина Е.В. Роль музеев в формировании территориальных рекреационных систем : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 1995. 20 с.
40. Еременко Е.Д. Аудиовизуальная коммуникация в музейной сфере : дис. ... канд. культуrol. наук. СПб., 2000. 205 с.
41. Муслакова С.В. Совершенствование противопожарной защиты музейных объектов : дис. ... канд. техн. наук. М., 2002. 212 с.
42. Курьянова Т.С. Актуализация культурного наследия коренных народов в музеях Южной Сибири : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013. 23 с.
43. Пеленева М.В. Минеральная основа антропогенных почв музея-усадьбы Архангельское : автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 2013. 24 с.

Kretova Svetlana A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: museology_77@sibmail.com. DOI 10.17223/22220836/18/19

THE MAIN AREAS IN SUBJECT OF DOMESTIC DISSERTATIONAL RESEARCHES FOR MUSEUM STUDY (1990–2013)

Key words: dissertation, museum study, subject of dissertation research, bibliometrics.

Most attention in the dissertations of museum study was given to the problems of cultural and educational activities, interactions with visitors of museums (about 80 works). The subject of researches is directly considered cultural and educational activity in different types of museums, its forms, the influence of cultural and educational practice onto different museum audience. The big attention is paid to the formation and education of moral qualities (citizenship, patriotism, relationship to the cultural and historical past and art, etc.), especially for younger generation, with help of museum funds. Also the scientific researches of museum collections are actively led by authors (scientific activity) – about 50 works.

Due to changes in the state policy of the country in the early 1990s, firstly become relevant the researches with administrative and economical nature, related to the radically new conditions of the functioning of society as well as works related to cultural and museum policy of the state (18 dissertations).

With the onset of the 2000s, a new trend in issues of museum dissertations began to form, which search for the place and role of the museum in the modern world. These works deal with the current trends in the development of the museum sphere, the status of the museum in contemporary culture, socio-cultural and communication space (18 dissertations).

In addition, it is possible to select dissertational researches with the following themes: the role of museums and museum cooperation with other social institutions; information technology in museum; systems of fire alarm and informative security of museum; actualization of the cultural heritage; natu-

ral history studies based on the reserve museums; the history of one museum institution (18 works); the exposition activity of museum (17 dissertations); history, formation and development of the museum network in Russia, its regions (28 works); problems of museumification; philosophical understanding of the “museum” concept; the sections of museums (40 studies). In these dissertations the most groups and sections of museums, that currently exist, were analyzed and so on.

References

1. Rybak K.Ye. Vospriozvedeniye kul'turnykh tsennostey (problemy teorii i praktiki). Voprosy muzeovedeniya (bibliografiya dissertatsionnykh issledovaniy): sbornik statey / Ministerstvo kul'tury RF. M., 2010. S. 93 i sled.
2. Sizova I.A. Muzeynoye delo v otechestvennykh dissertatsionnykh issledovaniyakh (1990–2010 gg.) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya. Tomsk, 2011. № 3(15), S. 136–140.
3. Biblioteka dissertatsiy. [Elektronnyy resurs] / Elektronnaya biblioteka dissertatsiy, 2003–2014. URL: <http://diss.rsl.ru/> (data obrashcheniya: 22. 01. 2015)
4. Razgon A.M. Mesto muzeovedeniya v sisteme nauk // Muzeovedcheskaya mys' v Rossii XVIII–XX vekov: Sbornik dokumentov i materialov. M., 2010. C. 843–851.
5. Muzeovedeniye v sisteme nauk // Osnovy muzeovedeniya. M., 2005. S. 27–29.
6. Gerasimenko V.YA. Informatsionnye modeli v geologicheskem muzye regional'noy napravленnosti : dis. ... d-ra geologo-mineral. nauk. M., 2003. 216 s.
7. Kalyakina A.V. Adaptatsiya rossiyskikh muzeyev k novym sotsial'no-ekonomiceskim usloviyam. 1990-ye gody (na materialakh gruppy leninskikh muzeyev) : dis. ... kand. ist. nauk. M., 2003. 203 s.
8. Kopatskaya S.A. Upravleniye muzemeyem v ramkakh strategii sozdaniya muzeynykh kompleksov: dis. ... d-ra ekonom. nauk. SPb., 2000. 206 s.
9. Titova V.V. Deyatel'nost' krayevedcheskikh muzeyev v usloviyakh reformirovaniya rossiyskogo gosudarstva na rubezhe XX–XXI vekov (Na materialakh krayevedcheskikh muzeyev Tsentral'nogo regiona RF) : dis. ... kand. ist. nauk : M., 2003. 263 s.
10. Ivanushkina S.A. Formirovaniye muzeynoy seti Samarskoy gubernii v 1918–1928 gody : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Samara, 2010. 22 s.
11. Utkina N.A. Istorya muzeynogo stroitel'stva v Nizhnem Novgorode v 1860 – kh – 1917 gg. : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Kazan', 2013. 23 s.
12. Sizova I.A. Muzeynaya set' Tomskoy oblasti : istoriya formirovaniya i funktsionirovaniya : seredina 1940 – kh – 2011 g. : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tomsk, 2012. 22 s.
13. Krichmar' S.M. Sozdaniye i razvitiye istoriko-krayevedcheskikh muzeyev v natsional'nykh Respublikakh Severnogo Kavkaza v XX veke (Na materialakh Kabardino-Balkarii, Severnoy Osetii, Chechni i Ingushetii) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk : M., 1998. 20 s.
14. Aleksandrova L.K. Provintsial'nyye muzei v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. (Na materialakh Verkhnego Povolzh'ya i Volgo-Vyatskogo regiona Rossii) : dis. ... kand. ist. nauk. Kostroma, 2003. 289 s.
15. Profil'nyye gruppy muzeyev. [Elektronnyy resurs]/ Sektor Rossiyskoy muzeynoy entsiklopedii, 2002. URL: http://www.museum.ru/rme/sci_profil.asp (data obrashcheniya: 13.03.2015)
16. Morozova Ye.G. Vedomstvennyye obshchestvennyye muzei Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XX – nachale XXI vv. : Izmeneniye statusa i funktsiy (na materialakh Omska i Novosibirска) : dis. ... kand. ist. nauk : Omsk, 2003. 345 s.
17. Mel'nikov V.L. Chastnyye usadebnyye muzei v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka (na primere usadebnogo muzeya knyazyza P.A. Putyatina v Bologom) : dis. ... kand. kul'turologii. SPb., 2006. 275 s.
18. Al'meyev R.V. Bukharskiy muzei-zapovednik kak faktor kul'turnogo i ekonomiceskogo razvitiya regiona: dis. ... kand. ist. nauk. M., 1994. 171 s.
19. Grigor'yeva S.Ye. Istorya Tomskogo oblastnogo krayevedcheskogo muzeya : 1920–2000-ye gg. : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tomsk, 2011. 27 s.
20. Zhuk S.YU. Stanovleniye Dal'nevostochnogo khudozhestvennogo muzeya : 1901–1941 gg. : dis. ... kand. ist. nauk. Komsomolsk-na-Amure, 2006. 321 s.
21. Minina Ye.V. Muzeynyye kollektsi po gornomu delu v Rossii kak istoricheskii po istorii nauki i tekhniki : dis. ... kand. ist. nauk. M. 2007. 236 s.
22. Smelyakova A.V. Kazakhskiye etnograficheskiye kollektsi v muzeynykh sobraniyakh Zapadnoy Sibiri : dis. ... kand. kul'turolog. nauk. Kemerovo, 2009. 295 s.

23. Kalugina T.P. Istoriko-tipologicheskoye issledovaniye ekspozitsii khudozhestvennogo muzeya : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk . M., 1991. 21 s.
24. Shcherbina Ye.V. Vremennyye ekspozitsii muzeev Moskovskogo Kremlja XIX–XX vekov : Problematika i istoricheskiy analiz : dis. ... kand. ist. nauk. M., 2003. 253 s.
25. Panchenko A.S. Osnovnyye tendentsii sovremennoy vystavochnoy deyatel'nosti khudozhestvennogo muzeya (na materiale muzeev Sankt-Peterburga rubezha XX - XXI vv.) : avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya. SPb., 2012. 21 s.
26. Batulina O.S. Kul'turno-obrazovatel'naya deyatel'nost' provintsial'nogo muzeya v usloviyakh izmeneniya form muzeynogo prostranstva : avtoref. dis. ... kand. kul'turol. Ivanovo, 2013. 23 s.
27. Leonov Ye.Ye. Kul'turno-obrazovatel'naya i kommunikativnaya deyatel'nost' shkol'nykh muzeev Kemerovskoy i Novosibirskoy oblastey : 2000–2011 gg. : avtoref. dis. ... kand. kul'turologii. Kemerovo, 2012. 24 s.
28. Subbotina O.V. Formirovaniye kul'turnogo opyta studentov v muzeynoy obrazovatel'noy srede : dis. ... kand. ped. nauk. Kostroma, 2006. 190 s.
29. Muzeologiya kak otrasl' znanii : izbrannyye lektsii dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy / N. A. Tomilov ; otv. red. V.G. Ryzhenko. Omsk : Izdat. dom «Nauka», 2012. S. 27.
30. Sapanzha O.S. Strategii kommunikatsionnykh protsessov sovremenennogo muzeya : dis. ... kand. kul'turologii. SPb., 2005. 217 s.
31. Imennova L.S. Muzei v sotsiokul'turnoy sisteme obshchestva : missiya, tendentsii, perspektivy : avtoref. dis. ... d-ra kul'turol.. M., 2011. 40 s.
32. Ivanova YU.V. Status muzeya v sovremennoy kul'ture : dis. ... kand. kul'turologii. SPb., 2005. 177 s.
33. Ponomareva M.V. Muzeeyefikatsiya gorodskoy sredy (Na prim. Sankt-Peterburga) : dis. ... kand. arkhitektury. SPb., 1995. 232 s.
34. Nikitina N.A. Muzeeyefikatsiya literaturno-memorial'nykh usadebnykh kompleksov : avtoref. dis. ... kand. kul'turologii. SPb., 2005. 20 s.
35. Aleshina T.A. Muzei kak fenomen kul'tury : dis. ... kand. filos. nauk. Novocherkassk, 1999. 142 s.
36. Lapteva M.A. Muzei kak sotsial'nyy institut : sotsial'no-filosofskiy analiz : dis. ... kand. filos. nauk. Krasnoyarsk, 2006. 149 s.
37. Bezzubova O.V. Muzei kak instantsiya khudozhestvennogo, nauchnogo i ideologicheskogo diskursov : dis. ... kand. filos. nauk. SPb., 2003. 166 s.
38. Nazipova G.R. Kazanskiy universitet i muzei: problema kul'turnogo vzaimodeystviya : XIX – nachalo XX vv. : dis. ... d-ra ist. nauk : Kazan', 2009. 513 s.
39. Seredina Ye.V. Rol' muzeev v formirovaniy territorinal'nykh rekreatsionnykh sistem : avtoref. dis. ... kand. geograf. nauk. M., 1995. 20 s.
40. Yeremenko Ye.D. Audiovizual'naya kommunikatsiya v muzeynoy sfere : dis. ... kand. kul'turol. nauk. SPb., 2000. 205 s.
41. Muslakova S.V. Sovrshenstvovaniye protivopozharnoy zashchity muzeynykh ob'yektov : dis. ... kand. tekhn. nauk. M., 2002. 212 s.
42. Kur'yanova T.S. Aktualizatsiya kul'turnogo naslediya korennyykh narodov v muzeyah Yuzhnay Sibiri : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tomsk, 2013. 23 s.
43. Peleneva M.V. Mineral'naya osnova antropogennykh pochv muzeya-usad'by Arkhangelskoye: avtoref. dis. ... kand. biol. nauk. M., 2013. 24 s.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК ЧАСТЬ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

УДК 75.047

DOI 10.17223/22220836/18/20

Г.И. Колосова

ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ НАСЛЕДИИ П.М. КОШАРОВА КАК ЛОКАЛЬНОЕ ОТОБРАЖЕНИЕ СИБИРСКОЙ ПРИРОДЫ XIX СТОЛЕТИЯ¹

В статье основное внимание уделено сибирскому зимнему пейзажу в творческом наследии томского художника П.М. Кошарова, который он воплотил в живописи и литографии в конце XIX в. Раскрыты композиционные решения рассматриваемых живописных зимних пейзажей. Именно им художник смог придать социальное звучание, присущее художникам-передвижникам второй половины XIX в.

Ключевые слова: П.М. Кошаров, художник, зимний пейзаж, Томск, Сибирь, изобразительное искусство Сибири 2-й половины XIX столетия.

Интерес русских художников к изображению природы, окружающей человека, как самостоятельному объекту художественного творчества проявился уже в начале XIX столетия. К середине столетия пейзаж как вид живописи занял подобающее место в искусстве русской живописи. В пейзаже того времени раскрываются две его стороны – объективная, как отображение определенных местностей и городов, и субъективная, когда каждый художник вкладывает свое особенное содержание, выражая в образах природы человеческие чувства и переживания. Главной темой в творчестве томского художника Павла Михайловича Кошарова (1824–1902) была природа Сибири. В фонде Научной библиотеки Томского государственного университета хранится коллекция рисунков, живописных и графических работ художника, которая в 1925 г. поступила в составе книжного собрания Г.К. Тюменцева (1842–1931), с которым художника связывала тесная дружба на протяжении многих лет.

Сведений о жизни художника очень немного, прежде всего это архивные документы, хранящиеся в РГАЛИ [1] и ГАТО [2], а также отдельные упоминания о нем в дореволюционной периодической печати. Краткая биография художника и тематика его отдельных работ впервые были представлены в 1965 г. в статье Л.И. Боженко «Художник Павел Кошаров» [3]. В 1974 г. сибирский искусствовед П.Д. Муратов в книге «Изобразительное искусство Томска» очень кратко упомянул о творчестве П.М. Кошарова [4]. Несколько обстоятельнее творчество художника было раскрыто В.П. Токаревым в работе «Художники Сибири. XIX век» [5]. Почти не касаясь биографии П. Кошарова, автор посвятил целую главу раскрытию его творчества. Автором была

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ проекта «Этническая и книжная традиции в культурном наследии Западной Сибири», грант №14-01-00263.

дана краткая характеристика отдельных работ художника, но при этом были допущены неточности, касающиеся дат и названий картин. В 2001 г. вышла статья Ю.И. Ожередова «П.М. Кошаров: к хронологии жизни и творчества», где в хронологии приведены полные биографические данные о жизни и деятельности художника [6]. Можно считать, что до сих пор творчество П.М. Кошарова изучено недостаточно. Для целостного представления всего его художественного наследия необходимо выявление всех его работ, находящихся в различных музеях и библиотеках страны. Только после этого возможно проведение подробного анализа всего его творчества. Цель данной работы – показать сибирский зимний пейзаж в творческом наследии художника как локальное отображение сибирской природы XIX столетия, которую он воплотил как в живописи, так и в графике.

Сложным и трудным был путь Павла Кошарова в искусство. Судьба его очень похожа на судьбы многих талантливых людей России первой половины XIX столетия. Приведем только основные биографические данные художника. Павел Кошаров родился в 1824 г. в с. Ивановском Покровского уезда Владимирской губернии в семье дворового человека князей Голицыных. В 1839 г. ему был выдан документ на «волю», причем большую роль в этом сыграли его художественные способности. На следующий год он, приехав в Петербург, поступил в Академию художеств. После прохождения курса обучения в рисовальных классах он в течение трех лет занимался в художественном классе знаменитого художника К.П. Брюллова. В 1846 г. Кошаров, получив свидетельство на право преподавать рисование в гимназиях, был направлен в Симферополь, где не только преподавал в гимназии, но имел возможность совершенствовать свое мастерство в мастерской И.К. Айвазовского. Через три года он возвращается в Петербург. Работая учителем рисования и чистописания в Вознесенском училище, он начинает заниматься перспективной живописью в мастерской художника-пейзажиста М.Н. Воробьева, где получил серьезную художественную подготовку.

Найти свое место в общественной жизни, определить назначение своего мастерства – вот что волновало в те годы П. Кошарова. В 1854 г. он по собственной просьбе был определен в Томскую мужскую гимназию на должность учителя рисования и чистописания, где проработал до 1877 г., а затем перешел в Томское реальное училище, которое возглавлял Г.К. Тюменцев. Много сил и внимания художник уделял обучению молодого поколения азам изобразительного искусства, приобщая его к пониманию прекрасного и любви к своему родному краю.

Хотя педагогика была основной сферой деятельности П.М. Кошарова, но свой творческий долг как художника он видел в создании образа сибирской природы. Будучи по натуре неутомимым путешественником, летом 1856 г. он участвовал в качестве рисовальщика к горной экспедиции по Алтаю. В 1857 г. он принял участие в экспедиции П.П. Семенова по Тянь-Шаню. Затем в летнее время он неоднократно выезжал не только на Алтай, но побывал во многих уголках Западной Сибири. Из поездок художник привозил альбомы с рисунками, на основе которых создал многие свои живописные и литографические работы. Работа над рисунком была для него изучением природы, профессиональной тренировкой, основой для формирования пей-

зажной композиции. Пейзажи художник писал маслом на листах картона небольшого размера – 15 x 22 см или 22 x 30 см, а затем прикреплял их на листы белого ватмана альбомного формата. Примечательно, что под каждой работой он подписывал её название, часто с пояснениями, которые сами по себе имеют познавательное значение.

Первые его работы были типичными видовыми пейзажами, характерными для русского пейзажного искусства середины XIX столетия, но постепенно в них появляются реалистические ноты. И хотя в своих живописных работах художник немногословен, но в каждой из них он продуманно и тонко строит композиции пейзажей, при этом бережно сохраняя индивидуальный характер местности, равнины, горы, реки, города.

Как уже отмечалось, художник много путешествовал в летнее время, поэтому сибирская природа чаще представлена им именно в это время года. Кисти художника принадлежат всего семь живописных зимних пейзажей, которые сохранились в книжном собрании Г.К. Тюменцева. Все они были написаны художником в 1880–1890-х гг. Примечательно, что композицией четырех его работ управляет тема зимней дороги, которая как бы ведет зрителя по заснеженной равнине. В пейзажах он передает бескрайность сибирских просторов, зимнее состояние сибирской природы в определенной местности – Барабинской степи, через которую проходил знаменитый Сибирский тракт. Возможно, что в них отразились давние воспоминания П.М. Кошарова о той первой его дальней дороге, когда он, получив первый отпуск на четыре месяца, в ноябре 1858 г. поехал в Петербург и повез свои живописные работы на выставку в Академию художеств. Путь в столицу в то время был долгим, трудным, изнуряющим.

В 1888 г. Кошаров пишет небольшую картину, которую назвал «Почтовая повозка зимой», где в самом названии указал даже температуру воздуха – 40° мороза. В центре картины на первом плане изображена несущаяся по заснеженной дороге тройка лошадей с повозкой. Сквозь плотные зимние тучи видны с трудом пробивающиеся лучи солнца. Метет поземка, и чувствуется погруженность в морозную мглу с ощущением пронизывающего ветра.

Картина «Зимний обоз» написана в том же году. На переднем плане видны трое нагруженных саней, которые с трудом тянут лошади. Возницы идут каждый у своих саней, рядом с ними маленькая собачка, сопровождающая обоз. На втором плане в морозной дымке виднеются покосившийся дорожный столб, одинокая заснеженная ель, и все погружено в вечернюю зимнюю мглу.

Другая его работа, «Вид деревни в Барабинской степи зимой», написана в начале 1890-х гг. На небольшом картоне изображена окраина маленькой деревеньки, около которой пролегает Сибирский тракт. Вся земля покрыта белой снежной пеленой, видны только часть дороги, по которой едут груженые дровами сани, да идущий рядом с ними крестьянин. Большую часть картины занимают многочисленные деревенские избы, засыпанные снегом по самые крыши, они как бы погружены в снежное безмолвие. Только дым, идущий из печных труб и застилающий всё небо, а также крестьянин около саней дают знать, что есть жизнь в этом серебристо-голубом пространстве.

И снова зимняя сибирская дорога. Свою картину, также написанную в 1888 г., художник назвал «Возок с модными товарами с Ирбитской ярмарки». В центре композиции изображены доверху нагруженные сани, в которые запрягли пять лошадей. Управляют ими двое ямщиков, причем первый сидит верхом на одной из передних лошадей, а второй правит всей упряжкой из возка.

Интересно, что эту композицию Кошаров повторил в литографической работе, которую назвал «Вид Барабинской степи». Данный рисунок был подготовлен и издан в 1890 г. в серии «Художественно-этнографические рисунки Сибири». Начиная с августа 1889 г. до середины августа 1891-го П. Кошаровым было подготовлено и издано 48 листов, на которых представлены природа Сибири, виды различных сибирских городов, запечатлены облик и быт коренных народов Сибири [7].

Рисунок сопровождает подробный пояснительный текст такого содержания:

Рисунок представляет вид Барабинской степи и вдали правого берега Иртыша, в морозное утро, во время восхода солнца. По этой степи проезжают с Ирбитской ярмарки, так называемые Сибирские возки с разным товаром, чтобы скорее доставить к месту необходимые, или же срочные товары, чтоб не пропустить условленное время. Иногда на подобных возках доставляют и срочные чаи из Иркутска на Ирбитскую ярмарку. В эти возки запрягают от 3-х до 8-ми лошадей, смотря по количеству пудов, а их бывает от 60 до 150. Лошади употребляются не почтовые, а вольные, и каждый ямщик везет в следующую деревню к своему знакомому, или так называемому] к дружеску. На уложенном товаре привязывается маленькая кошевка без полозьев, в которой сидят служащие хозяина товара или же подрядчик отдает эти места посторонним людям. Позади ямщик привязывает небольшие санки, передками и оглоблями вниз, для своей обратной поездки [8].

В этой же серии в 1890 г. Кошаров подготовил литографический рисунок под названием «Зимние обозы с чаем из Кяхты до Томска в 40 гр[адусный] мороз», который также снабдил очень подробным сопроводительным текстом, напоминающим скорее небольшой рассказ. Так, он пишет:

Этим рисунком мы представляем характер зимних обозов, доставляющих разного рода сорта чаи[!] из Кяхты, через Иркутск и Красноярск до Томска. Здесь его выгружают в склады, пангаузы и сохраняют до навигации пароходов, которые приблизительно начинаютходить около 15 мая. От Иркутска до Томска считают около 1,500 верст и это расстояние обозы проходят более месяца. На каждый воз кладут цикорий от 25 до 40 пудов, смотря по силе лошади, которые большую частью сибирской породы, малорослые и слабосильные, редко можно встретить ямщиков с лошадьми рослой и сильной породы, которые принимают до 50 пудов. За провоз от Иркутска до Томска цены бывают по разным причинам весьма изменчивы, начиная от 1 р. 50 к. до 2 р. 50 к. Вообще извоз этот для сибирских крестьян весьма невыгодный и идут в обоз только те крестьяне, у которых в зимнее время нет другой выгодной работы. Иногда тяжело и грустно видеть,

когда при 40 ° морозе, едва видно солнце в тумане, они идут, бредут продрогшие, в пухах промерзшие, с обозом чая в Томск [9].

В 1891 г. художник в эту серию включил очень интересный литографический рисунок, который назвал «Сибирские бродяги». В сопроводительном тексте он дает такие пояснения:

Сибирские бродяги. Кому из жителей Сибири неизвестны подобные скитальцы. Во всякое время года их можно встретить идущими по проселкам, по окольным деревням, тайгой и даже близ большого тракта. Пробираются они на родину в Европейскую Россию, но редко кто из них попадет туда, а большую частью они опять попадают в остроги, а затем этапным порядком отправляют их в места прежней их ссылки. В деревнях их почти не задерживают, а подадут им что-либо из съестного или какую-нибудь ветхую одежонку и выпроводят из деревни. Нам случалось видеть, когда летом вся деревня выходит в поле на работу, а для бродяг выставляют за окошко кринки с молоком, хлеб или что-либо другое из пищи [10].

Следует отметить, что из многочисленных живописных городских пейзажей, созданных П. Кошаровым в 1880–1890-е гг., только три дают нам представление, как выглядели улицы Томска в зимнее время [11]. «Улица Магистратская во время лунного вечера. 31-го декабря 1899 г.» – так художник назвал один из них. На картине изображена часть ночной заснеженной улицы, по которой едет лошадь, запряженная в сани, бредет одинокий путник, слабо светит полная луна. В названии художник точно указал место и время создания картины – «Вид из окна дома Кошаровой. 7 часов вечера», т.е. работу он закончил за пять часов до нового 1900 г. Вероятно, для него было очень важно запечатлеть самый последний миг уходящего столетия, поскольку наступал не просто очередной новый год, впереди был двадцатый век.

Ещё одну работу он также посвятил своей улице – «Вид Магистратской вечером». На картине изображена заснеженная улица с каменными и деревянными постройками, а вдали, за домами на втором плане на фоне в дымке вечернего зимнего неба, видны купола Богоявленской церкви.

Немного необычен по своей композиции ещё один городской пейзаж, названный художником «Вид Садовой улицы утром 1-го января во время 50° мороза», выполненный в холодной серебристо-голубоватой гамме, замечательно передающей суровое состояние природы и настроение города. Всё пространство картины окутано густым туманом, который характерен для сильных морозов. Тем не менее в это морозное утро видны две санные повозки с поклажей, бредущие рядом с ними несколько горожан, укутанных в меховые тулупы. На втором плане справа видны смутные очертания купола пожарной каланчи, указывающей на то, что всё происходит на базарной площади города.

Таким образом, можно считать, что композицией рассмотренных живописных и литографических работ П. Кошарова управляет тема сибирской зимней дороги. Взгляд художника на зимний городской пейзаж документально точно передает вид конкретной городской улицы. Но в живописных пейзажах Барабинской степи художник отходит от документальности. Для того чтобы показать суровость сибирского климата, в пейзаж художник вводит

небольшие жанровые мотивы, связанные с присутствием людей, поскольку именно через них воспринимаются зимние экстремальные условия сибирской природы. Даже в названиях картин и пояснительных текстах Кошаров специально указывает температуру воздуха в тот момент, когда фиксирует событие.

В небольших его работах ощущается выражение человеческих чувств и переживаний самого художника – это сочувствие к людям, вынужденным жить в суровых сибирских условиях. Можно сказать, что именно в зимних пейзажах П. Кошаров смог создать образ сибирского зимнего пейзажа, в котором чувствуется социальное звучание, присущее художникам-передвижникам.

Литература

1. РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Ед. хр. 52.
2. Формулярный список о службе П.М. Кошарова // ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 372.
3. Боженко Л.И. Художник Павел Кошаров // Сибирские огни. 1965. № 4. С. 173–176.
4. Муратов П.Д. Изобразительное искусство Томска. Новосибирск : Зап.-сиб. кн. изд-во, 1974. 80 с.
5. Токарев В.П. Художники Сибири. XIX век : учеб. пособие. Новосибирск: Наука, 1993. 120 с.
6. Ожередов Ю.И. П.М. Кошаров : к хронологии жизни и творчества // Поиски и находки томских искусствоведов: материалы науч.-практ. конф. Томск, 2001. С. 124–138.
7. Кошаров П.М. Художественно-этнографические рисунки Сибири. Томск, 1889–1891. 48 л.
8. Кошаров П.М. Вид Барабинской степи: литография // Художественно-этнографические рисунки Сибири». 1890. № 11. 1 л.
9. Кошаров П.М. Зимние обозы с чаем из Кяхты до Томска. Литография // Художественно-этнографические рисунки Сибири.1890. № 12. 1 л.
10. Кошаров П.М. Сибирские бродяги: литография // Художественно-этнографические рисунки Сибири». 1891. № 14. 1 л.
11. Колосова Г.И. Томские городские пейзажи в художественном наследии П.М. Кошарова // Традиционные христианские ценности и современный мир: Материалы XXIII Духовно-исторических чтений памяти святых равноапостольских Кирилла и Мефодия. Томск, 2014. С. 41–48.

Kolosova Galina I. Scientific Library of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ork_2003@mail.ru DOI 10.17223/22220836/18/20

WINTER LANDSCAPE IN THE ARTISTIC HERITAGE OF P.M. KOSHAROV AS A LOCAL DISPLAY OF SIBERIAN NATURE OF THE XIX CENTURY

Key words: P.M. Kosharov, artist, winter landscape, Tomsk, Siberia, Siberia art 2nd half of the XIX century.

The Scientific Library of Tomsk State University stores the collection of paintings and lithographic works of Tomsk artist Pavel Mikhailovich Kosharov (1824–1902), who lived and worked in Tomsk since 1854. This collection contains seven graphical winter landscapes that were painted by the artist in 1880–1890-ies. These works are discussed in the article.

The composite decisions are revealed for four Baraba steppe landscapes, which had the Siberian highway as the main theme. In those landscapes Kosharov conveys the immensity of Siberian vastness, winter state of the nature in this area.

The artist introduces small genre motifs into the landscape. These motifs are associated with the presence of people. Such approach allows showing the severity of Siberian winter because it is through people the extreme conditions are perceived.

It is noted that the artist was able to give these landscapes a social significance inherent to Peredvizhnik painters of the second half of the XIX century. Of the many graphical urban landscapes created by P. Kosharov in 1880–1890-ies., only three of them give us the impression of how Tomsk streets looked like in winter time.

Several litographic drawings of the artist, which were prepared and published by him in 1889–1891 in the series "Artistic and ethnographic pictures of Siberia", are also considered. In composition these drawings repeated two graphical landscapes related to the Baraba steppe. Each drawing of this series P. Kosharov accompanied by detailed explanatory author's texts which are of a scientific value for historians and ethnographers of Siberia.

References

1. RGIA. F. 789. Op. 14. Yed. khr. 52.
2. Formulyarnyy spisok o sluzhbe P.M. Kosharova // GATO. F. 3. Op. 4. D. 372.
3. Bozhenko L.I. Khudozhnik Pavel Kosharov // Sibirskiye ogn. 1965. № 4. S. 173–176.
4. Muratov P.D. Izobrazitel'noye iskusstvo Tomska. Novosibirsk : Zap.-sib. izd-vo, 1974. 80 s.
5. Tokarev V.P. Khudozhniki Sibiri. XIX vek : uchebnoye posobiye. Novosibirsk: Nauka, 1993. 120 s.
6. Ozheredov Yu.I. P.M. Kosharov : k khronologii zhizni i tvorchestva // Poiski i nakhodki tomskikh iskusstvovedov: materialy nauchno-praktich. konfer. Tomsk, 2001. S. 124–138.
7. Kosharov P.M. Khudozhestvenno-etnograficheskiye risunki Sibiri. Tomsk, 1889–1891. 48 l.
8. Kosharov P.M. Vid Barabinskoy stepi: litografiya // Khudozhestvenno-etnograficheskiye risunki Sibiri». 1890. № 11. 1 l.
9. Kosharov P.M. Zimniye obozy s chayem iz Kyakhty do Tomska. Litografiya // Khudozhestvenno-etnograficheskiye risunki Sibiri. 1890. № 12. 1 l.
10. Kosharov P.M. Sibirskiye brodyagi: litografiya // Khudozhestvenno-etnograficheskiye risunki Sibiri». 1891. № 14. 1 l.
11. Kolosova G.I. Tomskiye gorodskiy peyzazhi v khudozhestvennom nasledii P.M. Kosharova. // Traditsionnyye khristianskiye tsennosti i sovremennyy mir: Materialy XXIII Dukhovno-istoricheskikh chteniy pamyati svyatyykh ravnopostol'skikh Kirilla i Mefodiya. Tomsk, 2014. S. 41–48.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСЕЕВА Елена Петровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры киноискусства Казанского государственного университета культуры и искусств, заслуженный деятель искусств Республики Татарстан, член Союза кинематографистов России, член Гильдии киноведов и кинокритиков России. E-mail: alekseeva-kaz@mail.ru

АРТЕМЬЕВА Елена Борисовна – зав. отделом научно-исследовательской и методической работы ГПНТБ СО РАН, профессор Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: artem@spsl.nsc.ru

БОРИСОВА Ольга Олеговна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой библиотечно-информационной деятельности Орловского государственного института искусств и культуры. E-mail: bibkafedra.ogiik@yandex.ru

ГЕНДИНА Наталья Ивановна – доктор педагогических наук, профессор, директор НИИ информационных технологий социальной сферы Кемеровского государственного университета культуры и искусств, заслуженный деятель науки Российской Федерации. E-mail: nii@kemguki.ru

ГРЕБЕННИКОВА Татьяна Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета. E-mail: tanyagor29@mail.ru

ДЕГТАРЬЕВА Алена Игоревна – зав. методико-библиографическим отделом Межпоселенческой центральной библиотеки Томского района, аспирант Томского государственного университета. E-mail: sincereto@list.ru

ЖЕРАВИНА Ольга Александровна – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой библиотечно-информационной деятельности Института искусств и культуры Томского государственного университета. E-mail: toledo@mail.tomsknet.ru

КОЛКОВА Надежда Ивановна – кандидат педагогических наук, профессор кафедры технологии автоматизированной обработки информации Кемеровского государственного университета культуры и искусств. E-mail: kolkovani@mail.ru

КОЛОСОВА Галина Иосифовна – заведующая отделом рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета, заслуженный работник культуры РФ. E-mail: ork_2003@mail.ru

КРАЙНЕВА Ирина Александровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института систем информатики СО РАН (Новосибирск). E-mail: cora@iis.nsk.su

КРЕТОВА Светлана Александровна – студентка 4-го курса, кафедра музеологии, культурного и природного наследия, Институт искусств и культуры Томского государственного университета. E-mail: museology_77@sibmail.com

КУКЛИНОВА Ирина Анатольевна – кандидат культурологии, доцент кафедры музеологии и культурного наследия Санкт-Петербургского государственного института культуры. E-mail: i_kuklinova@mail.ru

КУЛИКОВ Сергей Борисович – доктор философских наук, доцент, декан факультета общеуниверситетских дисциплин Томского государственного педагогического университета. E-mail: kulikovsb@tspu.edu.ru

ЛОБАНОВ Виктор Викторович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей психологии и педагогики, докторант Томского государственного педагогического университета. E-mail: danelur@rambler.ru

МАСТЕНИЦА Елена Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии и культурного наследия Санкт-Петербургского государственного института культуры. E-mail: elenamast@yandex.ru

ОРЛОВА Елена Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного автономного учреждения культуры Кемеровской области «Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница». E-mail: orlovaea42@gmail.com

ПАРШИКОВА Татьяна Сергеевна – аспирант, младший научный сотрудник кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: taty-parshikova@yandex.ru

ПЕТРОВА Галина Ивановна – доктор философских наук, профессор, Томский государственный университет. E-mail: seminar_2008@mail.ru

ФАЗЛУЛЛИН Сергей Маратович – кандидат географических наук, чл.-корр. РАН; Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН, старший научный сотрудник; Российский государственный гуманитарный университет, кафедра музеологии, старший преподаватель. E-mail: sh1703@yandex.ru

ФИЛЕВА-РУСЕВА Красимира Георгиева – кандидат психологических наук, доцент Академии музыкальных, танцевальных и изобразительных искусств (Пловдив, Болгария). E-mail: krassyfilleva@abv.bg

ШЕЛЕГИНА Ольга Николаевна – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск). E-mail: oshelegina@yandex.ru

ШИЧАОКИНА Екатерина Сергеевна – лаборант кафедры библиотечно-информационной деятельности Орловского государственного института искусств и культуры. E-mail: bibkafedra.ogiik@yandex.ru

ЮДИНА Вера Ивановна – доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры теории и истории музыки Орловского государственного института искусств и культуры. E-mail: udina@orel.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
2015. № 2(18)**

Редактор *T.B. Зелева*
Оригинал-макет *T.B. Дьяковой*
Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Подписано в печать 30.06.2015 г.

Формат 70x100 $\frac{1}{16}$.

Печ. л. 10,75; усл. печ. л. 15,0; уч.-изд. л. 14,8.

Тираж 500 экз. Заказ № 1148.

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru